

Джон Гришэм

Время прощать

Можно ли переписать прошлое?..

Округ Форд

Джон Гришэм
Время прощать

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гришэм Д.

Время прощать / Д. Гришэм — «Издательство АСТ»,
2013 — (Округ Форд)

ISBN 978-5-17-145707-5

Новое дело Джейка Брайгенса, адвоката, бросившего смелый вызов неумолимой судебной системе. Дело о загадочном завещании богатого южанина Сета Хаббарда, который распорядился своим состоянием так, что это шокировало не только его близких, но и всех, кто его знал. Сын и дочь богача готовы горы свернуть, чтобы доказать: их отец был не в своем уме, когда составлял этот документ. Но Джейк Брайгенс намерен убедить присяжных в противоположном – у Сета Хаббарда имелись веские причины поступить именно так, а не иначе. И чтобы сделать это, Брайгенсу придется раскрыть опасную тайну, многие годы скрывавшуюся за роскошными фасадами особняков уютного южного городка...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-145707-5

© Гришэм Д., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

1	6
2	10
3	17
4	26
5	33
6	41
7	50
8	54
9	60
10	66
11	73
12	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Джон Гришэм Время прощать

John Grisham
SYCAMORE ROW

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Gernet Company, Inc.
и Andrew Nurnberg.*

© Belfry Holdings, Inc., 2013

© Перевод. И.Я. Доронина, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

1

Сета Хаббарда нашли приблизительно там, где он и обещал быть, но не совсем в том виде, в каком ожидалось. Он висел на конце веревки в шести футах от земли и слегка раскачивался на ветру. Атмосферный фронт принес осадки, и Сет к тому времени, когда его обнаружили, промок насквозь, хотя ему уже было все равно. Кто-то заметил, что на его туфлях нет грязи, а на земле под ним – никаких следов. Выходит, когда начался дождь, он уже был мертв и висел на веревке.

Почему это важно? Да, по правде сказать, и не важно совсем.

Самому повеситься на дереве не так-то просто. Но Сет явно все продумал заранее. Веревка была натуральным манильским канатом, крученым, в три четверти дюйма толщиной, достаточно прочным, чтобы выдержать человека, весящего сто шестьдесят фунтов, как свидетельствовала запись врача, которого Сет посетил месяцем раньше. Впоследствии работник одной из фабрик Сета вспомнил, что видел, как хозяин отрезал от катушки кусок веревки длиной футов пятьдесят за неделю до того, как все узнали о столь драматическом финале его жизни.

Один конец веревки был привязан к нижней ветке дерева несколькими небрежными узлами и петлями, однако крепление выдержало. Другой был перекинут через верхнюю ветку толщиной около двух футов, нависшую ровно в двадцати одном футе от земли. Оттуда веревка свисала футов на девять и завершалась идеальным висельным узлом – наверняка Сету пришлось потренироваться, чтобы научиться вязать его. Петля была как с картинки в учебнике: тринадцать витков, которые должны были, легко соскользнув под тяжестью тела, мгновенно стянуть ее. Такой висельный узел резко сжимает шею, делая смерть быстрой и менее болезненной, и Сет отлично выполнил «домашнее задание». Никаких следов борьбы и страданий не было видно.

Шестифутовая стремянка, скорее всего откинута ногой, валялась неподалеку. Видимо, Сет выбрал дерево, закинул на него веревку, закрепил узлами, вскарабкался на стремянку, приспособил петлю на шее и, когда все было сделано как надо, оттолкнул стремянку. Его руки свободно висели вдоль тела, кисти находились на уровне карманов.

Испытал ли он на миг сомнение, захотел ли в последнюю секунду вернуть все назад? Когда его ноги оторвались от спасительной опоры, схватился ли он инстинктивно руками за веревку над головой, попытался ли отчаянно бороться, прежде чем сдался? Никто никогда уже не узнает наверняка, но видимо, ничего такого не было. Более поздние свидетельства подтвердили, что Сет действовал целенаправленно.

Для совершения задуманного он выбрал лучший костюм, темно-серый, из плотной шерсти, какие обычно надевают на похороны в холодную погоду. Костюмов он имел всего три. Благодаря правильной технике повешения казалось, что тело вытянулось, поэтому обшлага брюк доставали только до лодыжек, а полы пиджака – до талии. Остроносые черные, без единого пятнышка, штилеты были начищены до блеска. Синий галстук повязан идеально. А вот белую рубашку испачкала кровь, просочившаяся из-под веревки.

Спустя несколько часов стало известно, что Сет Хаббард присутствовал на одиннадцатичасовой службе в ближней церкви. Там он поговорил со знакомыми, пошутил со священником, положил деньги на блюдо для пожертвований – словом, выглядел так, будто пребывал в отличном расположении духа. Многие знали, что у Сета рак легких, хотя о том, что врачи отмерили ему очень короткий срок жизни, почти никому известно не было. Несколько человек даже вносили его в свои церковные записки «о здравии», несмотря на то, что он нес на себе клеймо двух разводов, чем навсегда запятнал звание истинного христианина.

Самоубийство его репутацию не улучшало.

Дерево, древняя сикамора¹, принадлежало семье Сета много лет. Земля вокруг густо поросла деревьями ценных пород с ядровой древесиной. Его отец приобрел ее в 1930-х годах весьма сомнительным способом. Сет неоднократно закладывал и перезаклаживал участок и в конце концов обратил его в источник богатства. Обе бывшие жены Сета в бракоразводных войнах героически пытались оттяпать эту землю, но Сет сумел сохранить ее за собой.

Первым на месте действия появился Кэлвин Боггз, разнорабочий. Его Сет уже несколько лет нанимал поденщиком на ферму, парень всегда был на подхвате. Рано утром в воскресенье хозяин позвонил ему и сказал: «В два часа дня будь на мосту». Он ничего не объяснил, а Кэлвину задавать вопросы не пристало. Если мистер Хаббард велел ему быть в указанном месте в указанное время, значит, он должен там быть.

В последний момент десятилетний сын Кэлвина увязался за ним. Обычно Кэлвин не поддавался на его уговоры, но тут согласился взять с собой. Они поехали по засыпанной щебенкой дороге, которая тянулась на много миль, зигзагами пересекая владения Хаббарда. Крутя баранку, Кэлвин, конечно, недоумевал, зачем он понадобился хозяину, поскольку не мог припомнить ни одного случая, когда тот вызывал его куда-нибудь в воскресенье днем. Он знал, что хозяин болен, ходили даже слухи, будто умирает, но сам мистер Хаббард об этом, как, впрочем, и о чем-то другом, не распространялся.

Мост представлял собой деревянный настил, перекинутый через безымянный узкий ручей, зажатый между зарослями пуэрарии и кишачий водяными щитомордниками. Мистер Хаббард давно собирался забрать его в бетонную трубу, но болезнь отвлекла. Лишь по двум полуразвалившимся лачугам, гниющим среди разросшихся кустов неподалеку от поляны, можно было догадаться, что когда-то здесь располагалось небольшое селение.

У самого моста стоял принадлежащий мистеру Хаббарду «кадиллак» последней модели. Кэлвин остановился позади него и, глядя на открытые дверцу и багажник, испытал тревогу. К тому времени дождь уже разошелся, поднялся ветер. Странно, что мистер Хаббард оставил машину открытой.

Кэлвин велел сыну сидеть в грузовичке и медленно обошел «кадиллак», не прикасаясь к нему. Хозяина в машине не было. Кэлвин сделал глубокий вдох, вытер мокрое от дождя лицо и осмотрелся. На противоположной стороне поляны, ярдах в ста, он увидел висящее на дереве тело. Вернувшись к грузовичку, еще раз велел сыну не выходить из машины и запереть двери, но... Мальчик неотрывно смотрел на то самое дерево.

– Сиди здесь, – еще раз строго приказал Кэлвин, – из машины не вылезай.

– Да, сэр, – пробормотал мальчик.

Кэлвин шел медленно, поскольку ботинки скользили на мокрой земле, а главное, ему нужно было время, чтобы успокоиться. К чему тут спешка?

Чем ближе он подходил, тем яснее становилось: мужчина в темном костюме, висящий на веревке, мертв. А потом Кэлвин узнал его, увидел валяющуюся на земле стремянку, и картина сложилась. Ничего не трогая, он двинулся обратно, к своему грузовичку.

На дворе стоял октябрь 1988 года, и автомобильные телефоны наконец добрались и до сельских районов Миссисипи. По настоянию мистера Хаббарда Кэлвин установил такой телефон в своем грузовичке. Он позвонил в офис шерифа округа Форд, сообщил, что случилось, и стал ждать. Включив обогреватель и радио, откуда несло умиротворяющее пение Мерла Хаггарда, не обращая внимания на сына, постукивая пальцами в такт движению стеклоочистителей, Кэлвин уставился на лобовое стекло и в какой-то момент понял, что плачет. Сын боялся с ним заговорить.

¹ Сикаморами называют несколько видов американских деревьев, в частности американский платан, распространенный в бассейне реки Миссисипи. Не путать с сикоморой, которую еще называют тутовым деревом, или смоковницей. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Спустя полчаса в одной машине прибыли два помощника шерифа, а пока они надевали непромокаемые плащи, подоспела и «скорая» с командой из трех человек. Стоя на щебенке, все напряженно всматривались через дождевую пелену в старую сикамору и через несколько секунд разглядели висящего на ней мужчину.

Кэлвин сообщил им все, что знал. Помощники шерифа решили, что действовать следует, как если совершено преступление, а потому запретили медикам из «скорой» приближаться к повешенному. Потом приехал еще один помощник шерифа, и еще один. Они обыскали машину, но ничего, проливающего свет на ситуацию, не нашли.

Сета глаза закрыты, а голова гротескно вывернута вправо, сфотографировали и сняли на видео. Землю вокруг сикаморы тщательно обследовали, но никаких улик не обнаружили. Один из помощников отправился с Кэлвином на его грузовичке в дом мистера Хаббарда, находящийся в нескольких милях отсюда. Мальчик, ни разу не открывший рта, ехал на заднем сиденье.

Двери отперли, и на кухонном столе нашли записку на желтом листке, вырванном из блокнота. Аккуратными печатными буквами Сет написал:

Кэлвину. Пожалуйста, сообщи властям, что я сам, без чьей-либо посторонней помощи, лишил себя жизни. Отдельно прилагаю распоряжения о своих похоронах. Никакого вскрытия! С.Х.

Записка была датирована тем же днем, воскресеньем, 2 октября 1988 года.

Помощники шерифа наконец отпустили Кэлвина. Он поспешно отвез сына домой, где тот рухнул на руки матери и до конца дня не произнес больше ни слова.

Оззи Уоллс был одним из двух черных шерифов штата Миссисипи. Другого только что избрали в одном из округов Дельты, где семьдесят процентов населения составляли черные. В округе Форд семьдесят четыре процента населения составляли белые, но Оззи второй раз победил на выборах с большим отрывом от остальных кандидатов.

Черные его обожали, считая своим. Белые уважали за то, что он независимый жесткий коп и бывшая футбольная звезда клэнтонской школы. В некотором смысле футбол на Глубоком Юге² медленно начинал превосходить значение расы.

Когда заработала рация, Оззи с женой и четырьмя детьми выходил из церкви, поэтому к мосту явился в костюме, без оружия и значка, но в багажнике у него всегда лежали старые ботинки. В сопровождении двух помощников он по грязи, под зонтом, дошел до сикаморы. К тому времени одежда Сета уже промокла насквозь, и вода капала с мысков его штиблет, с подбородка, ушей, кончиков пальцев и брючных манжет.

Оззи остановился перед деревом, приподнял зонт и посмотрел на мертвенно-бледное жалкое лицо человека, с которым при жизни встречался всего несколько раз.

Их отношения имели свою историю. В 1983-м, когда Оззи впервые баллотировался в шерифы, у него было три белых конкурента и ни одного доллара. Тогда ему позвонил Сет Хаббард, совершенно незнакомый белый мужчина. Как выяснил позже Оззи, Хаббард придерживался умеренных взглядов. Сет жил на северо-восточной окраине округа Форд, почти на границе с округом Тайлер. Он сообщил, что занимается лесозаготовками, торгует древесиной, владеет несколькими лесопилками в Алабаме, несколькими фабриками там-сям, и произвел на Оззи впечатление весьма успешного человека. Он предложил финансировать избирательную кампанию Оззи, но только при условии, что тот примет деньги наличными. Двадцать пять тысяч долларов наличными.

² Глубокий Юг США – штаты Луизиана, Алабама, Миссисипи, Джорджия и Южная Каролина.

При встрече, заперев дверь кабинета, Сет Хаббард открыл ящик и показал Оззи деньги. Тот стал объяснять, что кандидаты обязаны официально сообщать обо всех финансовых поступлениях в избирательный фонд и все такое прочее, а Сет, в свою очередь, объяснил, что не хочет, чтобы конкретно о его взносе сообщалось официально. Либо они договариваются о расчете наличными, либо никак.

– И что вы хотите взамен? – спросил Оззи.

– Я хочу, чтобы вас выбрали. Больше ничего, – ответил Сет.

– Ну, в этом у меня уверенности нет.

– Как думаете, ваши оппоненты получают наличные под столом?

– Вероятно.

– Конечно, получают. Так что не глупите.

Оззи взял деньги. Он активно развернул кампанию, пробился в последний тур и легко обошел оппонента на общих выборах. После этого дважды заезжал в офис Сета, чтобы поприветствовать и поблагодарить его, но ни разу не застал. На звонки мистер Хаббард не откликался.

Оззи осторожно попытался собрать информацию о мистере Хаббарде из посторонних источников, но о нем мало что было известно. Ходили слухи, будто он сделал состояние на мебели, но точно никто ничего не знал. Он не пользовался услугами местных банков, юридических контор и страховых агентств. В церковь ходил от случая к случаю.

Четыре года спустя у Оззи не было серьезных противников на выборах, но Сет, тем не менее, изъявил желание встретиться. И снова двадцать пять тысяч долларов перешли из рук в руки, и снова Сет сразу исчез из поля зрения. И вот он мертв, задушен сделанной собственными руками петлей и мокнет под дождем.

Наконец прибыл Финн Паундерс, окружной коронер. Теперь можно было официально засвидетельствовать факт смерти.

– Давайте снимем его, – предложил Оззи.

Узлы развязали, и тело Сета на ослабленной веревке спустили с дерева. Его положили на носилки и накрыли термоодеялом. Четыре человека с большим трудом понесли носилки к машине «скорой помощи». Оззи следовал в конце маленькой процессии, пребывая в замешательстве, как и остальные.

Он уже без малого пять лет трудился на своем посту и повидал немало мертвецов. Несчастные случаи, автомобильные аварии, несколько убийств, самоубийства. Однако он не стал бесчувственным и не потерял интерес к службе. Ему доводилось не раз поздно вечером звонить родителям и женам жертв, но всякий раз, увидев труп он испытывал непреодолимое чувство страха.

Старина Сет... Кому Оззи должен позвонить? Он знал, что Сет разведен, но не знал, женился ли снова. Ему фактически ничего не было известно о его семье. Возраст Сета – около семидесяти. Если есть взрослые дети, то где они?

«Ладно, – подумал Оззи, – скоро выясню».

Направляясь в Клэнтон впереди «скорой», он начал уже из машины обзванивать тех, кто мог что-нибудь знать о Сете Хаббарде.

2

Джейк Брайгенс уставился на красные цифры электронного будильника, показывающего 5.29. Протянув руку, нажал на кнопку отбоя и осторожно спустил ноги с кровати. Карла перевернулась на другой бок и плотнее завернулась в одеяло. Он тихонько похлопал ее пониже спины и сказал: «Доброе утро». Она не отозвалась.

Несмотря на понедельник, будний день, она могла поспать еще час, прежде чем вскочить с кровати и, поспешно собрав, везти Ханну в школу. Летом Карла позволяла себе вставать еще позднее, и в это время весь ее день был заполнен девчачьими заботами Ханны, в зависимости от того, что та захочет делать.

Расписание Джейка редко менялось. Подъем в 5.30, в 6.00 – кофейня; без чего-то 7.00 – офис. Немногие начинали работать так рано, как Джейк Брайгенс, хотя теперь, достигнув зрелого возраста, тридцати пяти лет, он все чаще задавался вопросом: зачем именно ему вставать ни свет ни заря? И почему он упорно приходит в контору раньше остальных юристов Клэнтонна? Ответы, некогда совершенно очевидные, становились теперь все более расплывчатыми.

Его давнишняя, со времен окончания юридического факультета, мечта стать знаменитым судебным адвокатом не потускнела. Он остался таким же честолюбивым, как и прежде. Но рутина раздражала. Десять лет в окопах, а контора по-прежнему забита завещаниями, договорами и никчемными спорными контрактами. Ни одного приличного уголовного дела, даже многообещающей автокатастрофы.

Момент славы пришел и ушел. Оправдание Карла Ли Хейли произошло три года назад, и порой Джейк опасался, что пик его карьеры позади. Тем не менее сейчас он, как обычно, отмел сомнения и напомнил себе, что ему еще только тридцать пять и он – гладиатор, у которого впереди множество побед на ристалищах в зале суда.

Пес больше не встречал его во дворе. Они потеряли Макса в пожаре, разрушившем их красивый, любимый и много раз заложенный викторианский дом на Адамс-стрит три года назад. Клан³ поджег его в разгар процесса по делу Хейли в июле 1985-го.

Сначала во дворе крест сожгли, потом попытались взорвать дом. Джейк отослал Карлу и Ханну, что было весьма разумно с его стороны: после предпринимавшихся целый месяц попыток убить его. В конце концов подожгли дом. Ему пришлось выступать в суде с заключительной речью в одолженном костюме.

Разговор о том, чтобы завести другую собаку, не заводили. Несколько раз подступались к этой теме, но откладывали. Ханна хотела собаку, и, вероятно, собака была ей необходима, поскольку девочка, единственный ребенок в семье, часто жаловалась, что ей скучно играть одной. Но Джейк, а особенно Карла, прекрасно понимали, на кого лягут хлопоты по воспитанию щенка и уходу за ним. Кроме того, они жили в съемном доме, быт еще не был устроен. Может, собака и вернула бы его к привычному состоянию, а может, и нет. Джейк часто размышлял об этом в ранние утренние часы. Дело в том, что ему самому очень не хватало собаки.

Быстро приняв душ, Джейк оделся в маленькой свободной спальне, которую они с Карлой использовали в качестве гардеробной. В этом хлипком, не принадлежащем им доме все было маленьким. И все – временным.

Мебель представляла собой унылое собрание кем-то отданных за ненужностью или купленных на блошином рынке по дешевке старых вещей. Ее планировалось выбросить, если когда-нибудь дела, как они надеялись, пойдут лучше, хотя Джейк вынужден был признать, что пока никакого движения в этом направлении не наблюдалось.

³ Имеется в виду ку-клукс-клан.

Их иск к страховой компании увяз в досудебной трясине. Он подал его через полгода после вынесения вердикта по делу Хейли, когда пребывал на вершине славы и преисполнился уверенности в себе. Неужели страховая компания посмеет обмануть его? Дайте ему любое жюри присяжных в округе Форд, и он снова добьется своего и выиграет любое дело.

Но самодовольство и кураж улетучивались по мере того, как они с Карлой постепенно осознавали: заключенный ими изначально договор предусматривал страхование далеко не в полном объеме. В четырех кварталах от нынешнего жилья возвышался пустой и израненный остов их бывшего дома, год за годом накапливая опавшую листву. Соседка миссис Пикл приглядывала за ним, но особо приглядывать было не за чем. Соседи хотели, чтобы на месте пепелища вырос новый прекрасный дом, в который вернутся Брайгенсы.

Джейк тихо прошел в комнату Ханны, поцеловал ее в щечку и получше укрыл одеялом. Девочке семь лет, их единственный ребенок, и других, похоже, не будет. Она ходила во второй класс клэнтонской начальной школы, находящейся за углом детского сада, где преподавала ее мать.

В маленькой кухне Джейк нажал кнопку кофеварки и следил за ней, пока она не зашумела. Открыв портфель, потрогал свой полуавтоматический девятимиллиметровый пистолет в кобуре и засунул в портфель несколько папок с делами.

Он привык носить с собой оружие, и это его огорчало. Как можно жить нормальной, все время держа под рукой пистолет? А что делать, если твой дом сжигают после попытки взорвать его, твоей жене угрожают по телефону, в твоём дворе сжигают крест, мужа твоей секретарши избивают до потери сознания, и впоследствии он умирает, нанимают снайпера, чтобы убить тебя, но тот промахивается и убивает охранника, сеют террор в течение всего процесса и продолжают запугивать еще долгое время после его окончания?

Четверо террористов теперь отбывали наказание – трое в федеральной тюрьме, один – в «Парчмане». Только четверо, неустанно напоминал себе Джейк. А было их скорее всего не меньше дюжины – это мнение разделяли Оззи и другие представители властей округа.

По привычке и от отчаяния Джейк минимум раз в неделю звонил в ФБР, чтобы спроситься, нет ли новостей о расследовании. Теперь, три года спустя, ему часто даже не отзванивали. Он писал письма. Документация по делу уже занимала целый шкаф в его кабинете.

Только четверо. Он знал имена многих других, они все еще оставались подозреваемыми, по крайней мере для Джейка. Кто-то уехал, кто-то остался здесь, но все они были на свободе и продолжали жить, будто ничего не случилось. Поэтому он обзавелся оружием, получив официальные разрешения.

Один пистолет Джейк носил в портфеле. Один всегда лежал у него в машине. Два – в офисе. Имелись и другие. Его охотничьи ружья сгорели при пожаре, но Джейк понемногу восстанавливал коллекцию.

Он вышел на маленькое кирпичное крыльцо и полной грудью вдохнул холодный воздух. На улице, прямо перед домом, стояла патрульная машина, принадлежащая офису шерифа округа Форд. За рулем сидел Луис Так, официальный помощник шерифа, работающий в ночную смену. Его главная обязанность – находиться поблизости всю ночь и особенно возле почтового ящика каждое утро точно в 5.45 с понедельника по субботу, когда мистер Брайгенс выходил на крыльцо и махал ему рукой в знак приветствия. Так махал ему в ответ. Это означало, что Брайгенсы пережили еще одну ночь.

Пока Оззи Уоллс остается шерифом округа Форд, а это еще минимум три года, а то и гораздо дольше, он и его подчиненные будут делать все возможное, чтобы защитить Джейка и его семью. Ведь Джейк взялся за дело Карла Ли Хейли, работал как вол за сущую мелочь, уворачивался от пуль, игнорировал реальные угрозы и потерял практически все, но добился оправдательного приговора, эхо которого все еще звучало в округе Форд. Защитить Брайгенса Оззи считал своим первейшим долгом.

Луис так медленно тронулся. Он несколько раз обогнет квартал, вернется через несколько минут после того, как уедет Джейк, и будет наблюдать за домом, пока не зажжется свет в кухне и он не убедится, что Карла встала.

Джейк ездил на одном из двух имеющихся в округе «саабов», красном, с пробегом сто девяносто миль. Машина нуждалась в капитальном ремонте, но Джейк не мог его себе позволить. Когда-то иметь столь экзотическую машину в таком маленьком городе казалось ему дерзкой и шикарной идеей, но теперь ремонтные расходы стали неподъемными. Ближайший сервисный центр располагался в Мемфисе, в часе езды, поэтому каждый визит туда отнимал полдня и обходился в тысячу долларов.

Джейк был готов сменить «сааб» на американскую марку и думал об этом каждое утро, когда поворачивал ключ зажигания и, затаив дыхание, ждал, заведется ли двигатель. Двигатель пока заводился, но за последние несколько недель Джейк не раз замечал, что происходит это с отставанием, после одного-двух холостых оборотов, а это зловещее предупреждение: вот-вот случится плохое. Впадая в паранойю, он слышал посторонние шумы, дребезжание и едва ли не каждый день проверял покрышки, отмечая, как все больше стираются протекторы.

Джейк задним ходом съехал на Калберт-стрит. Она, хоть и располагалась всего в четырех кварталах от Адамс-стрит с их бывшим домом, не считалась центральной улицей города. Соседний дом тоже был сдан в аренду. Вдоль Адамс-стрит стояли более старые и представительные дома, созданные по авторским проектам. На Калберт-стрит царила мешанина из домов-коробок в провинциальном стиле, покинутых прежде, чем город серьезно приступил к районированию.

Хоть Карла и не говорила, он знал, что она мечтает перебраться отсюда. Они даже обсуждали возможность вообще уехать из Клэнтон. Три года, минувшие после процесса Хейли, оказались гораздо менее успешными, чем они рассчитывали и надеялись.

Если Джейку предстояла долгая, трудная карьера, исполненная борьбы, почему не бороться в другом месте? А Карла могла преподавать где угодно. Вдали отсюда запросто можно устроить спокойную жизнь, без оружия и необходимости постоянно держать ухо востро.

Черное население округа Форд уважало Джейка, но многие белые по-прежнему относились неприязненно. И здесь все еще гуляли на свободе безумцы. С другой стороны, жизнь среди друзей, которых они обрели, давала ощущение некоторой безопасности. Соседи внимательно следили за появляющимися на улице незнакомыми машинами и пешеходами. И каждый полицейский, каждый сотрудник офиса шерифа в округе знал, что обеспечение безопасности маленькой семьи Брайгенс – их непреложная обязанность.

На самом деле Джейк и Карла не могли уехать, хотя порой играли в «куда бы ты хотела (или хотел) податься». Но это не более чем игра, ведь Джейк знал суровую правду: он никогда не найдет работу в крупной фирме, в большом городе, да вряд ли отыщется и маленький городок в каком-либо штате, где нет голодных юристов. Он трезво смотрел на свое будущее, и оно его устраивало. Ему лишь требовалось сделать рывок.

Проезжая мимо обгоревшего остова на Адамс-стрит, он пробормотал несколько крепких ругательств в адрес трусов, которые сожгли его дом, а также в адрес страховой компании, и прибавил скорости. Потом он свернул на Джефферсон, потом на Вашингтон, которая, отходя от северного края Клэнтон-сквер, тянулась в обе стороны на восток и на запад.

Его контора располагалась на Вашингтон-стрит, прямо напротив внушительного здания суда, и он каждое утро в 6.00 парковался в одном и том же месте, хотя в этот ранний час свободных мест оставалось полно. Тишина будет царить на площади еще два часа, пока не откроются окружающие ее суд, магазины и офисы.

Между тем кофейня, когда Джейк вошел и поздоровался, уже кишела «синими воротничками», фермерами и разного рода служащими. Как обычно, он был единственным посети-

телем в пальто и галстук. «Белые воротнички» собирались часом позже на противоположной стороне площади, в чайной, где обсуждали процентные ставки и мировую политику.

В кофейне говорили о футболе, местной политике и охоте на оленей. Джейк был одним из немногих профессионалов, которых принимали в кофейне. Тому имелось несколько причин: к нему хорошо относились, а сам он отличался толстокожестью и добродушием. Кроме того, всегда был готов дать неофициальную юридическую консультацию любому механику или водителю грузовика, попавшему в затруднительное положение.

Повесив пальто на вешалку, Джейк нашел место за столиком, где уже сидел Маршалл Празер, помощник шерифа. Двумя днями ранее «Оле Мисс»⁴ проиграла Джорджии с разрывом в три тагдауна, и это было главной темой обсуждения.

Разбитная официантка Делл не переставая чавкала жвачкой. Пробираясь к столу, она умудрилась своим тощим седалищем толкнуть Джейка так, что он пролил свой кофе – это случалось каждый раз, шесть дней в неделю. Несколько минут спустя она принесла ему еду, которой он не заказывал: пшеничный тост, местную овсяную кашу и клубничный джем. Как всегда.

Когда Джейк выколачивал из бутылки на кашу соус «Табаско», Празер спросил:

– Слушай, Джейк, ты знал Сета Хаббарда?

– Никогда с ним не встречался, – ответил Джейк, поймав на себе несколько взглядов. – Раза два слышал это имя. У него дом где-то возле Пальмиры, кажется?

– Да, точно.

Некоторое время Празер жевал сосиску, а Джейк потягивал кофе.

– Поскольку ты поместил его в прошедшее время, – осторожно произнес Джейк, – можно, полагаю, сделать вывод, что с Сетом Хаббардом случилось нехорошее?

– Что я сделал? – переспросил Празер.

Помощник шерифа имел раздражающую привычку задать за завтраком вслух какой-нибудь многозначительный вопрос и после этого надолго замолчать. Он знал все, что происходило в городе, был в курсе всех сплетен, но неизменно любил проверить, нельзя ли выудить еще какие-нибудь подробности у собеседника.

– Упомянул его в прошедшем времени. Ты спросил, знал ли я Сета Хаббарда, а не знаю ли я его, как сказал бы, если бы он был жив. Я прав?

– Ну, в общем...

– Так что случилось?

– Он покончил с собой вчера, – громко ответил Энди Ферр, механик из ремонтной мастерской «Шевроле». – Повесился на дереве.

– Записку оставил, и все такое, – добавила Делл, проходя мимо с кофейником.

Кафе открылось час назад, поэтому можно было не сомневаться: она уже знает о смерти Сета Хаббарда не меньше, чем остальные присутствующие.

– И что было в записке? – спокойно спросил Джейк.

– Этого я тебе сказать не могу, мой сладкий, – прошептала Делл. – Это наш с Сетом секрет.

– Ты же не знала Сета, – уставился на нее Празер.

Делл, та еще штучка, самый острый в городе язычок, с ответом не замешкалась:

– Как-то раз я любила Сета, а может, два... Всё и всех не упомнишь.

– Ну да, поскольку их слишком много, – поддел Празер.

– Конечно, но тебя среди них и близко не было, старичок, – парировала Делл.

– Как, ты что, забыла? – не остался в долгу Празер, чем сорвал несколько смешков.

⁴ Название университетской футбольной команды, соответствующее неофициальному названию самого университета штата Миссисипи.

– А где была записка? – спросил Джейк, пытаясь вернуть разговор к изначальной теме. Празер набил рот блинчиками, прожевал и только потом ответил:

– На кухонном столе. Она сейчас у Оззи. Он все еще ведет расследование, но там нечего искать. Похоже, Хаббард посетил церковь и все там было нормально, потом вернулся к себе в поместье, взял стремянку, веревку и сделал дело. Один из его работников нашел его: он висел в петле под дождем при полном воскресном параде.

Это было интересно, странно, трагично, но Джейку трудно было сострадать человеку, которого он никогда не видел.

– И что, наследство осталось? – поинтересовался Энди Ферр.

– Не знаю, – ответил Празер. – Думаю, Оззи был с Сетом знаком, но он не распространяется.

Делл снова наполнила их чашки и задержалась у стола, подбоченившись.

– На самом деле я его не знала, но моя двоюродная сестра знала его первую жену – их у него было по меньшей мере две. По ее словам, у Сета имелась земля и водились денежки. Она говорила, Хаббард был очень скрытный и никому не доверял. И уверяла, что он – гнусный сукин сын. Но после развода все так говорят.

– Тебе ли не знать, – вставил Празер.

– Я-то знаю, старичок. Знаю намного больше твоего.

– А завещание имеется? – спросил Джейк.

Он не очень любил наследственные дела, но внушительное имущество покойного обычно подразумевало, что кто-то в городе получит приличный гонорар. А нужно-то всего лишь пошлестеть бумагами да пару раз появиться в суде – ничего трудного и не слишком обременительно. Джейк знал, что уже к девяти утра все городские юристы будут украдкой стараться узнать, кто составлял завещание для Сета Хаббарда.

– Пока неизвестно, – ответил Празер.

– Завещания ведь дело негласное, так ведь, Джейк? – спросил Билл Уэст, электрик с обувной фабрики, находящейся к северу от города.

– До тех пор, пока ты не умер. Завещание можно изменить в самую последнюю минуту, так что регистрировать его будет некогда. К тому же человек может не хотеть, чтобы, пока он жив, весь мир знал, что в нем написано. А вот когда ты умираешь и завещание открывается для утверждения, оно поступает в суд и становится достоянием общественности.

Окинув взглядом кафе, Джейк насчитал минимум три человека, для которых составлял завещания. Он умел облекать их в лаконичную форму, все делал быстро и дешево, и в городе это знали. Поэтому недостатка в такой работе у него не было.

– И когда состоится официальное утверждение? – поинтересовался Билл Уэст.

– Тут нет определенных временных рамок. Обычно вдова или дети усопшего находят завещание, относят юристу, и спустя месяц или около того после похорон все отправляются в суд, где начинается процесс.

– А если завещания нет?

– О, это – мечта любого адвоката, – рассмеялся Джейк. – Тогда неизбежна неразбериха. Если мистер Хаббард умер, не оставив завещания и имея парочку бывших жен, может быть, еще и взрослых детей и внуков, – кто знает, то все они проведут следующие пять лет в борьбе за его наследство. Разумеется, при условии, что он его оставил.

– О, он оставил! – подхватила Делл с другого конца зала – ее радар всегда был чутко настроен.

Стоило кому-нибудь кашлянуть, как она, где бы ни находилась, тут же справлялась о здоровье этого человека. Если кто-то чихал, спешила принести бумажные салфетки. Если ты вел себя тихо, могла сунуть нос в твои домашние или рабочие дела. Если ты готов был разговаривать с ней, она бесконечно долго стояла возле твоего столика, подливая кофе в чашку,

независимо оттого, сколько там оставалось. От Делл ничто не ускользало, она все помнила и не упускала случая указать, что три года назад ты говорил совсем другое.

Маршалл Празер театрально закатил глаза, словно говорил: «Чокнутая, что с нее взять?», но благоразумно не произнес это вслух. Покончив с блинчиками, он собрался уходить.

Джейк задержался ненадолго дольше. Он оплатил свой чек в 6.40 и покинул кафе, приобняв по пути Делл и едва не задохнувшись от ее дешевых духов. Небо на востоке окрасилось оранжевым, разгоралась заря. После дождя, прошедшего накануне, воздух был чистым и холодным.

Джейк быстрым шагом прошел мимо своего офиса, словно спешил на важную встречу. На самом деле никакой важной встречи у него в этот день не было – лишь несколько обычных визитов к людям, нуждающимся в его помощи.

Он просто совершал свой повседневный обход вокруг Клэнтон-сквер, проходя мимо банков, страховых агентств, агентств недвижимости, магазинов и кафе, расположенных впритык друг к другу и еще закрытых в ранний час. За небольшим исключением, дома здесь были двухэтажные, краснокирпичные, с ажурными коваными балконами, нависающими над тротуарами, которые правильным квадратом огибали площадь и лужайку перед зданием суда.

Клэнтон нельзя было назвать процветающим городом, но и умирающим, как многие маленькие городки на сельском Юге, он тоже не был. Согласно переписи 1980 года, население составляло чуть более восьми тысяч человек, четверть от всего населения округа, и ожидалось, что следующая перепись засвидетельствует его рост.

В городе не было пустых витрин, заколоченных дверей и табличек «Сдается», уныло пылящихся в окнах. Джейк был родом из Карауэя, маленького городка, где Главная улица медленно приходила в упадок, по мере того как сворачивали дела торговцы, закрывались кафе, и юристы, упаковав свои книги, переезжали в административный центр округа. Вокруг Клэнтон-сквер сейчас располагалось двадцать шесть юридических контор, и количество их увеличивалось, от конкурентов не было спасения.

«Интересно, сколько еще адвокатов город сможет переварить?» – часто думал Джейк.

Он получал удовольствие, проходя мимо других юридических контор, смотрел на их запертые двери и неосвещенные приемные. Это был почетный круг победителя, который готов к работе, когда его конкуренты еще спят.

Первой он миновал контору Гарри Рекса Воннера, быть может, самого близкого своего товарища по коллегии адвокатов, воителя, редко приходящего на работу раньше 9.00, хотя в это время приемная уже раскалена от обилия разводящихся клиентов. Гарри Рекс прошел через несколько браков, знал, что такое домашний хаос, и по этой причине предпочитал работать за пределами дома в вечерние часы.

Миновал Джейк и контору ненавистного Салливана – пристанище самого многочисленного собрания адвокатов в округе. Их здесь служило минимум девять. Девять полных болванов, с которыми у Джейка не было ни малейшего желания водить знакомство, впрочем, отчасти из зависти. Салливан обслуживал банки и страховые компании, и его юристы зарабатывали больше, чем все остальные, вместе взятые.

Далее, за дверью с висячим замком, находилась печально известная контора некоего деятеля по имени Мак Стаффорд. Его никто не видел и ничего о нем не слышал вот уже восемь месяцев, с тех пор как он исчез среди ночи, прихватив деньги своих клиентов. Его жена и две дочери все еще ждали предъявления обвинения. Втайне Джейк надеялся, что Мак где-нибудь на берегу залива благополучно потягивает ром и никогда не вернется. Это был несчастливый мужчина, состоявший в несчастливом браке.

«Беги, Мак, беги», – каждое утро мысленно произносил Джейк, на ходу касаясь рукой висячего замка.

Он прошел мимо редакции «Форд каунти таймс», чайной, которая только сейчас начала оживать. Миновал галантерейный магазин, где на распродажах покупал себе костюмы, кафе «У Клода», которым владел чернокожий и где он каждую пятницу обедал с другими городскими белыми либералами. Затем путь Джейка лежал мимо антикварной лавки, против хозяина которой, проходимца, он дважды вел дела в суде, а также мимо участвующего в судебной тяжбе банка – держателя второй закладной на его дом, и окружного офисного здания, где работал новый прокурор округа, когда бывал в городе.

Прежний, Руфус Бакли, ушел с поста в прошлом году, когда его провалили на выборах, и больше никогда не вернется на какую бы то ни было выборную должность – во всяком случае, Джейк и многие другие надеялись на это. Они с Бакли чуть не задушили друг друга во время процесса над Хейли, и ненависть еще не остыла. Бывший окружной прокурор вернулся в свой родной город Смитфилд, округ Полк, где зализывал раны и тужился заработать на жизнь на Главной улице в своей юридической конторе, а таких контор там было полно.

Круг замкнулся, и Джейк отпер парадную дверь собственной конторы, которая, по общему признанию, считалась лучшей в городе. Здание, где она находилась, наряду с другими, выходящими на площадь, построило семейство Уилбэнкс сто лет назад и почти все это время какой-нибудь Уилбэнкс занимался в нем юридической практикой.

Цепочка прервалась, когда Люсьен, последний и, безусловно, самый безумный из оставшихся Уилбэнксов, был исключен из корпорации. Тогда он только-только взял на работу Джейка, выпускника юридического факультета, намереваясь втянуть того в свои коррупционные дела, но не успел: коллегия адвокатов штата лишила его лицензии.

С уходом Люсьена и за неимением в наличии других Уилбэнксов Джейк унаследовал великолепное помещение. Из десяти комнат он использовал только пять. Внизу находилась просторная приемная, где работала и встречала клиентов нынешняя секретарша. Над приемной, в роскошном кабинете площадью тридцать на тридцать футов, Джейк проводил рабочие дни за массивным дубовым столом, принадлежавшим когда-то Люсьену, а прежде – его отцу и деду. Когда уставал, что случалось часто, Джейк подходил к большой двустворчатой французской двери, распахивал ее и выходил на длинный балкон, откуда открывался прекрасный вид на площадь и здание суда.

В 7.00, строго по расписанию, Джейк сел за стол и сделал первый глоток кофе. Заглянув в ежедневник, он вынужден был признать, что день не сулит ни надежд, ни доходов.

3

Нынешнюю секретаршу, тридцатидесятилетнюю мать четырех детей, Джейк нанял только потому, что не нашлось другой, более подходящей. Она начала работать у него пять месяцев назад, когда он уже отчаялся кого-то найти. Звали ее Рокси, к достоинствам следовало отнести то, что она появлялась на работе каждое утро в 8.30 или несколькими минутами позже и более или менее удовлетворительно выполняла свои обязанности: отвечала на телефонные звонки, встречала клиентов, отваживала придурков, печатала тексты документов, подшивала бумаги и содержала свои владения в относительном порядке.

Но недостатки Рокси были куда существеннее: она не испытывала интереса к работе, рассматривала ее как временную, пока не найдет что-нибудь получше. Еще она курила на заднем крыльце и пахла задним крыльцом, постоянно ворчала по поводу маленькой зарплаты, расплывчато, но недвусмысленно высказывалась о том, как, по ее мнению, разбогатели все юристы, и была крайне неприятной в общении. Будучи родом из Индианы, она попала на Юг, выйдя замуж за военного, и, как многие северяне, нетерпимо относилась к здешнему культурному окружению: мол, получив великолепное воспитание, вынуждена теперь жить в захолустье.

Хотя Джейк никогда специально этого не выяснял, он подозревал, что брак Рокси более чем неудачный. Ее мужа уволили со службы за какой-то проступок. Рокси даже хотела, чтобы Джейк представлял его интересы в суде. Но Джейк отказался, и обида до сих пор тлела в ее сердце. Плюс ко всему из их скудной кассы пропало около пятидесяти долларов, и Джейк подозревал худшее.

Рано или поздно ему все равно придется выгнать Рокси, хоть он ненавидел увольнять сторудников. Каждое утро в минуты передышки он возносил небу ежедневную молитву, просил Бога дать ему терпения мирно просуществовать еще день бок о бок с этой женщиной.

Сколько же их прошло через его контору! Джейк нанимал молоденьких девушек, потому что их было много, а платить можно было мало. Самая лучшая из них вышла замуж, забеременела и потребовала полугодовой отпуск. Худшие кокетничали, носили обтягивающие мини-юбки и делали двусмысленные намеки. А одна, когда он решил ее уволить, даже пригрозила фальшивым иском за сексуальные домогательства, но, к счастью, была арестована за подделывание чеков и, таким образом, исчезла сама.

Он нанимал более зрелых женщин, чтобы исключить физическое искушение, но такие, как правило, любили командовать, вели себя покровительственно, страдали от климакса, постоянно бегали по врачам, говорили только о болезнях и обожали ходить на похороны.

Не одно десятилетие конторой Уилбэнксов в годы ее наивысшего расцвета твердой рукой правила Этель Твитти, легендарная особа. Более сорока лет все юристы ходили у нее по струнке. Она держала в страхе остальных секретарш и насмерть сражалась с младшими компаньонами: ни один из них не смог продержаться в конторе больше двух лет.

Но теперь Этель ушла на покой, Джейк заставил ее сделать это в разгар шумного процесса над Хейли. Тогда ее мужа избили бандиты, возможно, члены Клана, хотя расследование так и осталось незавершенным. Джейк не помнил себя от радости, когда ушла Этель, но теперь почти скучал по ней.

Ровно в 8.30 он спустился в кухню, чтобы налить себе еще кофе, потом послонялся по комнате, где хранились документы, делая вид, будто ищет старую папку. Когда в 8.39 Рокси проскользнула через заднюю дверь, Джейк стоял у ее стола в ожидании, листая папку и всем своим видом демонстрируя недовольство тем, что она в который раз опоздала на работу.

То, что у нее четверо маленьких детей, безработный и несчастный муж, нелюбимая работа, за которую она, по ее мнению, получала нищенскую зарплату, и куча других проблем, мало значило для Джейка. Если бы она ему нравилась, может, он испытывал бы к ней сочув-

ствие. Но чем дальше, тем меньше его устраивала Рокси. Он копил факты, устные выговоры и вел мысленное досье, чтобы, когда настанет страшивший его момент решающего разговора, быть во всеоружии. Джейк ненавидел себя за то, что заранее планирует, как избавиться от нежелательной секретарши.

– Доброе утро, Рокси. – Он многозначительно взглянул на часы.

– Привет. Простите, я опоздала – отвозила детей в школу.

Его тошнило от лжи, какой бы незначительной она ни была. Детей в школу и обратно возил ее безработный муж. Карла это подтвердила.

– Угу, – промычал Джейк, взяв со стола только что принесенную ею стопку конвертов.

Не дав ей возможности рассортировать почту, он сам быстро просмотрел ее на предмет чего-нибудь интересного. Обычная макулатура, юридический мусор – письма из других фирм, одно – из офиса судьи, толстые конверты с копиями кратких изложений дел, ходатайств и тому подобным. Их он открывать не стал – это обязанность секретаря.

– Что-нибудь ищите? – спросила Рокси, положив на стол сумку и начиная устраиваться.

– Нет.

По обыкновению, она не успела привести себя в порядок – никакого макияжа, копна растрепанных волос – и поспешила в дамскую комнату улучшать свой внешний вид. Процесс нередко занимал четверть часа. Еще один негласный выговор.

В самом низу стопки лежал конверт стандартного размера, на котором Джейк увидел свое имя, написанное синими чернилами от руки. Обратный адрес удивил его настолько, что он чуть не уронил конверт. Швырнув остальную корреспонденцию на середину стола, он заспешил вверх по лестнице к себе в кабинет.

Войдя и заперев дверь, сел в углу возле выдвижного бюро, под портретом Уильяма Фолкнера, купленным мистером Джоном Уилбэнксом, отцом Люсьена, и осмотрел конверт. Стандартный, простой, белый, предназначенный для писем, из дешевой бумаги, вероятно, из тех, что стоят пять долларов за сотню, с двадцатипятицентовой маркой, на которой изображен астронавт, и довольно толстый – скорее всего в нем находилось несколько листов бумаги. Письмо было адресовано лично ему: «Достопочтенному Джейку Брайгенсу, адвокату, 146, Вашингтон-стрит, Клэнтон, Миссисипи». Без почтового индекса.

Обратный адрес: «Сет Хаббард. До востребования, п/я 277, Пальмира, Миссисипи, 386664».

Конверт был помечен штемпелем клэнтонского почтового отделения с датой 1 октября 1988 года, то есть вчерашней субботой. Джейк сделал глубокий вдох и стал размышлять о возможном развитии событий. Если верить сплетням, которые он услышал в кофейне, а у Джейка не было оснований не верить им, во всяком случае, сейчас, Сет Хаббард повесился менее двадцати четырех часов назад, в воскресенье днем. Сейчас понедельник, 8.45 утра. Чтобы на конверте в Клэнтоне успели проставить штемпель, датированный субботой, Сет Хаббард, или кто-то, действующий от его имени, должен был опустить письмо в почтовый ящик, находящийся внутри клэнтонского почтового отделения, либо вечером в пятницу, либо в субботу до полудня, то есть до закрытия почты. Клэнтонский штемпель может стоять только на местных отделениях. Остальную корреспонденцию везут в региональный центр в Тьюпело, там сортируют, штемпелюют и рассылают по адресам.

Джейк нашел ножницы и аккуратно срезал тонкую полоску с одного края конверта – противоположного тому, где был написан обратный адрес, близко к марке, но так, чтобы ничего не повредить. Ведь существовала вероятность, что он держит в руках вещественное доказательство. Позже надо будет скопировать.

Немного сжав широкие края конверта, он вытряхнул из него сложенные бумажные листы. Разворачивая их, почувствовал, как учащенно бьется сердце. Листов было три, все белые, без

всяких затей, без именной шапки. Расправив, Джейк положил их на стол, потом взял верхний. Синими чернилами, аккуратным почерком, удивительным для мужчины, автор писал:

Уважаемый мистер Брайгенс!

Насколько я знаю, мы с Вами никогда не встречались и уже не встретимся. Когда Вы будете читать это письмо, я буду уже мертв, и этот ужасный город, в котором Вы живете, будет, по обыкновению, гудеть сплетнями. Я свожу счеты с жизнью, но только потому, что рак легких все равно неминуемо убьет меня. Доктора отмерили мне несколько недель жизни, и я устал от боли. Я от многого устал. Если вы курите, послушайтесь совета покойника и бросьте немедленно.

Я выбрал Вас, поскольку у Вас репутация честного человека и меня восхитила Ваша смелость во время суда над Карлом Ли Хейли. Полагаю также, Вы обладаете терпимостью – качеством, увы, очень редким в наших краях.

Адвокатов, особенно клэнтонских, я презираю. Не стану в такой момент жизни называть имен, но ухожу с огромнейшим количеством неурегулированных претензий к разным членам Вашего профессионального сообщества. Стервятники. Кровопийцы.

Вы найдете приложенные к этому письму мою последнюю волю и завещание, в которых каждое слово написано мной собственноручно, мной подписано и датировано. Я сверился с законами Миссисипи и уверен, что мое собственноручное завещание согласно им безоговорочно имеет законную силу.

Никто не присутствовал при написании мной этого завещания, поскольку, как Вам хорошо известно, если завещание пишется от руки, свидетелей не требуется. Год назад я подписал более обширную версию своего завещания в Тьюпело, в юридической конторе Раши, но тот документ я денонсирую.

Весьма вероятно, мое последнее завещание вызовет определенный скандал. Именно поэтому я хочу, чтобы Вы были моим поверенным по делу о наследстве. Я желаю, чтобы завещание любой ценой было приведено в исполнение, и знаю, что Вы можете этого добиться.

Я сознательно исключаю из него двух своих взрослых детей, их детей и двух моих бывших жен. Это отнюдь не симпатичные люди, и они будут отчаянно бороться, так что приготовьтесь. Наследство мое весьма существенно – они и понятия не имеют о его истинных размерах. Когда это станет известно, они перейдут в наступление. Стойте насмерть, мистер Брайгенс. Мы должны их одолеть.

В предсмертной записке я оставил распоряжения относительно моих похорон. Не упоминайте о моей последней воле и моем завещании, пока они не пройдут. Я хочу вынудить свою семью пройти через все скорбные ритуалы, прежде чем они осознают, что остались ни с чем. Проследите, чтобы они не притворялись – они в этом деле большие мастера, а меня никогда не любили.

Заранее благодарю Вас за ревностную защиту моих интересов. Это будет нелегко, и я с удовольствием думаю о том, что мне не придется при этом присутствовать и страдать от столь тяжкого испытания.

Искренне Ваш,

Сет Хаббард

Октябрь, 1, 1988 года.

Джейк ощущал сильное волнение и не сразу приступил к чтению завещания. Глубоко вздохнув, он встал, обошел кабинет, открыл дверь на балкон и обозрел по-утреннему прекрасный вид на здание суда и площадь, потом вернулся к выдвинутому бюро. Еще раз перечитал письмо – оно будет служить доказательством завещательной правоспособности Сета Хаббарда – и на миг его парализовала нерешительность. Он вытер взмокшие ладони о брюки. Следует ли ему оставить письмо, конверт и еще непрочитанные страницы там, где они есть, и бежать к Оззи? Или позвонить судье?

Нет. Письмо прислано ему, конфиденциально, и он имеет полное право ознакомиться с ним. Тем не менее он ощущал, будто держит в руках тикающую бомбу. Джейк медленно отодвинул в сторону письмо и переключил внимание на следующую страницу. С бешено колотящимся сердцем и трясущимися руками он смотрел на синие чернильные строчки и полностью отдавал себе отчет в том, что они съедят следующий год его жизни, а может, и два.

На листе было написано:

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ И ЗАВЕЩАНИЕ ГЕНРИ СЕТА ХАББАРДА

Я, Сет Хаббард, 71 года от роду, находясь в здравом уме, но страдая от неизлечимой физической болезни, изъявляю свою последнюю волю.

1. Я являюсь постоянным жителем штата Миссисипи. Мой официальный адрес: 4498 Симпсон-роуд, Пальмира, округ Форд, Миссисипи.

2. Я отменяю все завещания, подписанные мной раньше, особенно то, которое датировано 7 сентября 1987 года и составлено мистером Льюисом Макгвайром из юридической конторы Раша в Тьюпело, Миссисипи, которое, в свою очередь, отменило завещание, которое я подписал в марте 1985 года.

3. Настоящее завещание полностью, до единого слова, написано мной собственноручно, без чьей-либо посторонней помощи. Оно подписано и датировано лично мной. Я составил его сам, в своем кабинете, сегодня, 1 октября 1988 года.

4. Я нахожусь в здравом уме, твердой памяти и состоянии завещательной правоспособности. Никто не оказывал и не пытался оказать на меня никакого давления.

5. Своим душеприказчиком и исполнителем моего завещания я назначаю Рассела Эмбурга, проживающего по адресу: 762, Эмбер-стрит, Темпл, Миссисипи. Мистер Эмбург был вице-президентом моей холдинговой компании и находится в курсе всех моих активов и пассивов. Я приказываю мистеру Эмбургу нанять мистера Джейка Брайгенса, поверенного в суде адвоката, проживающего в городе Клэнтон, Миссисипи, для выполнения всех необходимых юридических действий. Моя воля состоит в том, чтобы ни один другой адвокат округа Форд не имел никакого касательства к моему наследству и не заработал ни единого пенни на его утверждении.

6. У меня есть двое детей – Гершел Хаббард и Рамона Хаббард Дэфо, у них тоже есть дети, но я не знаю сколько, потому что давно не виделся с ними. Я определенно исключаю обоих своих детей и всех своих внуков из завещания по моему наследству. Они не получают ничего. Я не знаю точного юридического термина, означающего «отлучение» лица от наследства, но выражаю свою волю полностью запретить им, моим детям и внукам, получить что-либо из моего состояния. Если они опротестуют это завещание и проиграют процесс, я желаю, чтобы они оплатили гонорар

адвоката и все судебные издержки, потому что эти издержки будут следствием их алчности.

7. У меня есть две бывшие жены, имен которых я не буду называть. Поскольку они получили практически все при разводе, больше им ничего не причитается. Я определенно исключаю их из завещания. Да сгинут они в муках, как я.

8. Я отдаю, завещаю, перечисляю, оставляю после себя (как там, черт возьми, это называется) 90 процентов своего имущества моему другу Летти Лэнг в благодарность за ее верную службу и дружеское отношение ко мне на протяжении всех последних лет. Ее полное имя Летиция Делорес Тейбер Лэнг, ее адрес: 1488, Монроуз-роуд, Бокс-Хилл, Миссисипи.

9. Я отдаю в наследство, завещаю и так далее 5 процентов своего имущества моему брату, Энсилу Ф. Хаббарду, если он еще жив. Я ничего не слышал об Энсиле много лет, хотя часто о нем думал. Он был пропащим парнем, но заслуживал лучшей участи. В детстве мы с ним стали свидетелями кое-чего такого, чего не должно видеть ни одно человеческое существо, и Энсил оказался травмирован этим навсегда. Если он уже умер, его доля – 5 процентов – остается частью моего наследства.

10. Я отдаю в наследство, завещаю и так далее 5 процентов своего имущества Ирландской церкви Христианского пути.

11. Согласно моему распоряжению, мой душеприказчик должен продать мой дом, землю, иное недвижимое имущество и лесопилню возле Пальмиры по рыночной стоимости как можно быстрее и выгоднее и прибавить выручку к моему наследству.

Сет Хаббард

1 октября 1988 года.

Абсолютно разборчивая подпись была сделана аккуратным мелким почерком. Джейк снова вытер вспотевшие ладони и перечитал завещание. Оно занимало две страницы – безукоризненно ровные строчки, будто Сет писал, подложив под бумагу трафарет.

Десятки вопросов роились у Джейка в голове, требуя ответов. Прежде всего напрашивался такой: кто такая Летти Лэнг? И другой, тесно связанный с ним: что именно она сделала, чтобы заслужить девяносто процентов наследства? Следующий: насколько велико это наследство? Если оно действительно так существенно, то какую часть из него съедят налоги? Этот вопрос немедленно потянул за собой еще один: какую сумму может составить гонорар адвоката?

Не давая воли алчным фантазиям, Джейк, ощущал легкое головокружение и мощный выброс адреналина, обошел кабинет, пытаясь успокоиться. Какой намечается отменный судебный скандал! Раз на кону большие деньги, можно не сомневаться: семья Сета поставит на ноги всю адвокатуру и яростно бросится на борьбу за наследство.

Хотя Джейку еще не приходилось выступать защитником в полноценном процессе по опротестованию завещания, он знал: подобные дела рассматриваются в Судах справедливости, причем зачастую в присутствии присяжных. В округе Форд было мало прецедентов, когда покойный оставлял большое наследство, но случалось, какой-нибудь состоятельный человек умирал, не оставив четких распоряжений относительно имущества, или когда завещание представлялось по тем или иным причинам сомнительным.

Джейк аккуратно вложил конверт и три листа бумаги в папку и отнес ее вниз, к Рокси. К тому времени она выглядела получше, насколько это возможно, и распечатывала корреспонденцию.

– Прочтите это, – велел Джейк. – Медленно.

Она выполнила его распоряжение и, закончив читать, воскликнула:

– Вот это да! Отличное начало недели.

– Только не для старины Сета, – ответил Джейк. – Пожалуйста, отметьте в книге регистрации, что это пришло с почтой сегодня, третьего октября, утром.

– А зачем такая точность?

– Время получения письма может оказаться в суде решающим. Суббота, воскресенье, понедельник...

– А я буду свидетельницей?

– Может, да, а может, нет, но все надо предусмотреть. Правильно?

– Вам лучше знать, вы адвокат.

Джейк сделал по четыре копии конверта, письма и завещания. Один экземпляр полного набора документов он отдал Рокси, велел завести для него отдельную папку, два, поднявшись к себе в кабинет, положил в ящик стола и запер его.

Дождавшись девяти часов, вышел из конторы, имея при себе оригинал и одну копию. Рокси он сказал, что направляется в суд. После этого зашел в расположенный по соседству Залоговый банк и поместил оригинал в банковскую ячейку, принадлежащую его конторе.

Офис Оззи Уоллса находился в окружной тюрьме, в двух кварталах от площади, в приземистом бетонном здании-бункере, построенном задешево десять лет назад. Впоследствии к нему добавили напоминающую опухоль пристройку, где и работали теперь шериф, его помощники и служащие. Помещение было забито дешевыми столами и складными стульями, пол покрыт потертым ковром, обтрепавшимся вдоль плинтусов.

По понедельникам утром здесь обычно царил суматоха, поскольку приходилось улаживать дела, возникшие в результате игр и развлечений, имевших место в выходные. Разгневаные жены являлись освобождать под поручительство своих страдающих похмельем мужей. Другие жены врывались сюда, чтобы подписать бумаги, необходимые для препровождения их благоверных в тюрьму. Испуганные родители ожидали подробных разъяснений по поводу своих детей, пойманных с наркотиками во время облавы.

Телефоны надрывались больше обычного, и зачастую звонки оставались без ответа. Помощники шерифа шныряли взад-вперед, на ходу поглощая пончики и запивая их крепким кофе. А еще следовало упомянуть ажиотаж, связанный со странным самоубийством таинственного персонажа, чтобы понять, почему битком набитый холл офиса в то понедельничное утро выглядел особенно суматошным.

В глубине пристройки, в конце короткого коридора, находилась массивная дверь, на которой белой краской от руки было выведено:

«ОЗЗИ УОЛЛС, СТАРШИЙ ШЕРИФ, ОКРУГ ФОРД».

Дверь оказалась закрыта. Шериф, как всегда по понедельникам, находился в офисе с самого раннего утра и говорил по телефону со взвинченной дамой из Мемфиса. Ее сына задержали на дороге: он вел небольшой грузовик, в котором обнаружили, помимо прочего, внушительное количество марихуаны. Это случилось в субботу вечером возле озера Чатула, на территории принадлежащего штату парка, где правонарушения, связанные с наркотиками, были нередки. Мать горела желанием немедленно приехать и вырвать свое «невинное» чадо из темницы Оззин.

– Не так быстро, – охладил ее пыл Оззи. Послышался стук в дверь, и он, прикрыв трубку ладонью, крикнул: – Да!

Дверь приоткрылась на несколько дюймов, и в щель просунул голову Джейк Брайгенс. Оззи расплылся в улыбке и сделал ему знак войти. Закрыв за собой дверь, Джейк прошел в кабинет и опустился в кресло. Оззи продолжил объяснять даме на другом конце провода, что, хоть парню только семнадцать лет, его поймали с тремя фунтами марихуаны, поэтому его

нельзя выпустить под залог, пока на то не будет санкции судьи. Поскольку мамаша продолжала бушевать, Оззи, поморщившись, отвел трубку от уха, покачал головой и снова улыбнулся посетителю. Обычная рутина. Все это Джейк наблюдал не раз.

Послушав взволнованную женщину еще немного, Оззи пообещал сделать все, что сможет, и, наконец повесив трубку, привстал, пожал Джейку руку:

- Доброе утро, советник.
- И тебе доброго утра, Оззи.

Поболтав о том о сем, они неизбежно, как всегда, скатились к футбольной теме. До того как повредил колено, Оззи недолгое время играл за «Рэмз» и по-прежнему с религиозным рвением следил за игрой этой команды. Джейк болел за «Сейнтс», как и большинство жителей Миссисипи, так что говорить им было особенно не о чем.

Вся стена за спиной Оззи была увешана и уставлена футбольными реликвиями – фотографиями, вымпелами, почетными знаками и призами. В 1970-х Оззи, играя за университет имени Алкорна, даже входил в символическую студенческую команду «Лучшие в Америке» и педантично хранил все свои награды.

Иной раз в иной обстановке – желательно при достаточно многочисленной аудитории, скажем, в суде во время перерыва, когда вокруг собиралось множество адвокатов, – Оззи мог не устоять против искушения рассказать историю о том, как однажды сломал Джейку ногу. Джейк был тогда тощим второкурсником и играл квотербеком за Карауэй – команду гораздо меньшей школы, которая, однако, непостижимым образом из сезона в сезон протаптывала себе дорогу в финал, где сражалась с клэнтонской.

Той игре, решающей в межшкольном турнире, не суждено было закончиться. Оззи, тогда звездный лайнбекер, в течение трех периодов терроризировал защиту карауэйской команды, а к концу четвертого совершил блиц на далекого снаппера. Фуллбек, уже травмированный и напуганный, уклонился от атаки Оззи, и тот всей своей мощью обрушился на Джейка, отчаянно пытавшегося отобрать у него мяч.

Оззи всегда утверждал, что слышал, как хрустнула малая берцовая кость. По версии Джейка, в тот момент не было слышно ничего, кроме рычания Оззи, рвавшегося к воротам. Но независимо от того, чья версия была верна, историю эту Оззи рассказывал снова и снова – по меньшей мере раз в год.

Однако сегодня, в понедельник, трезвонили телефоны, и оба – и Оззи, и Брайгенс – имели кучу дел, поэтому очевидно, что Джейк пришел не просто поболтать.

- Похоже, меня нанял мистер Сет Хаббард, – сказал Джейк.

Прищурившись, Оззи пристально посмотрел на друга:

- Боюсь, Сет Хаббард уже никого нанять не может. Он лежит на столе у Магаргела.
- Вы его срезали с веревки?
- Скажем, опустили его на ней на землю.

Оззи взял со стола папку, открыл, достал три цветные фотографии размером восемь на десять дюймов и подвинул к Джейку. На фотографиях был запечатлен один и тот же объект в трех проекциях: спереди, сзади и справа – Сет, печальный и мертвый, висящий под дождем. Джейк был потрясен, но не подал виду. Вглядевшись в искаженное лицо, он заметил:

- Нет, я никогда с ним не встречался. Кто его нашел?
- Один из его работников. Кажется, мистер Хаббард сам это и устроил.

– Совершенно верно. – Джейк сунул руку в карман пальто, достал копии документов и передал Оззи. – Это я получил с утренней почтой. С пылу с жару. Первая страница – его письмо ко мне. Вторая и третья, судя по всему, – его завещание.

Оззи медленно прочел письмо, потом, сохраняя непроницаемый вид, – завещание. По окончании чтения он опустил бумаги на стол и потер глаза.

- Вот это да, – произнес он. – И это все законно?

– На первый взгляд – да, но я не сомневаюсь, что семья в любом случае оспорит завещание.

– Оспорит? Но как?

– Будут подавать всевозможные апелляции: мол, старик был не в своем уме, или эта женщина злоупотребила своим влиянием на него и уговорила изменить завещание. Поверь мне, если на кону большие деньги, залп дадут из всех орудий.

– Эта женщина... – повторил Оззи, потом его губы растянулись в улыбке, и он медленно покачал головой.

– Ты ее знаешь?

– О да.

– Черная? Белая?

– Черная.

Джек этого ожидал и не был ни удивлен, ни разочарован; скорее, в тот момент он уловил внутри первый, еще отдаленный рокот волнения. Белый мужчина с деньгами, составленное в последнюю минуту завещание, согласно которому он оставлял все черной женщине, очевидно, нравившейся ему... Отчаянная битва за утверждение завещания, разыгрывающаяся перед присяжными, и в самом ее центре – он, Джейк.

– Насколько хорошо ты ее знаешь? – спросил он.

Было широко известно, что Оззи знал всех черных в округе Форд: и зарегистрировавшихся в качестве избирателей, и тех, кто еще медлил; тех, кто владел землей, и тех, кто жил на пособие; тех, кто имел работу, и тех, кто работать не желал; тех, кто копил деньги, и тех, кто вламывался в чужие дома; тех, кто ходил в церковь каждое воскресенье, и тех, кто не вылезал из кабаков.

– Знаю, – ответил он осторожно, как всегда. – Она живет в пригороде Бокс-Хилл, в районе, который называется Маленькая Дельта.

– Я как-то проезжал через него, – кивнул Джейк.

– Дыра. Одни черные. Она замужем за неким Симеоном Лэнгом. Бездельник. Приходит – уходит.

– Никогда не встречал ни одного Лэнга.

– С этим тебе бы и не захотелось встретиться. Когда трезв, он, кажется, водит грузовик и работает на бульдозере. Знаю, что раза два работал за границей. Нестабильный. Четверо или пятеро детей, один парень сидит в тюрьме, одна дочь, если мне не изменяет память, служит в армии. Самой Летти, думаю, лет сорок пять. Ее девичья фамилия Тейбер, их в округе немного. А он – Лэнг, и, к сожалению, окрестные леса кишат Лэнгами. Я и не знал, что она работает на Сета Хаббарда.

– А Хаббарда ты знал?

– Немного. Он неофициально давал мне по двадцать пять тысяч долларов наличными на каждую мою избирательную кампанию и ничего не просил взамен. Более того, даже избегал меня все четыре года моего первого срока. Я увиделся с ним снова лишь прошлым летом, когда начинал кампанию по переизбранию на второй срок: он опять вручил мне конверт.

– Ты взял наличные?

– Мне не нравится твой тон, Джейк, – улыбнулся Оззи. – Да, я взял наличные, потому что хотел победить. К тому же все мои конкуренты брали наличные. Политика в наших краях – дело суровое.

– Да мне все равно. Сколько денег было у старика?

– Ну, он называл свое наследство «весьма существенным». Лично я не знаю – насколько. Это всегда оставалось тайной. Ходили слухи, будто он все потерял при разводе – Гарри Рекс его обчистил. Поэтому в дальнейшем Сет держал свои тайны за семью печатями.

– Очень разумно.

– У него есть земля, и он всегда баловался торговлей лесоматериалами. Кроме этого я ничего не знаю.

– А что насчет двух его взрослых детей?

– Вчера около пяти я разговаривал с Гершелом Хаббардом – сообщил ему плохую весть. Он живет в Мемфисе, но больше мне ничего не удалось узнать. Он сказал, что сам позвонит своей сестре Рамоне, и они постараются приехать как можно скорее. Сет оставил письменные распоряжения относительно своих похорон. Завтра в четыре часа состоится отпевание в церкви, потом – погребение. – Оззи замолчал и еще раз перечитал письмо. – Звучит довольно жестоко, ты не находишь? Сет хотел, чтобы члены его семьи оказали ему все посмертные почести, прежде чем узнают, что он продинамил их всех в своем завещании.

– Мне кажется, это очень остроумно. – Джейк хмыкнул. – Ты будешь на похоронах?

– Только если ты пойдешь.

– Договорились.

С минуту, несмотря на то что у обоих было много дел, они посидели молча, прислушиваясь к доносящимся из-за двери голосам и телефонному трезвону. Впереди, очень близко, маячило столько вопросов и столько драм!

– Интересно, что такого увидели эти мальчишки, – задумчиво произнес Джейк, – Сет и его брат?

Оззи покачал головой в знак того, что не имеет понятия.

– Энсил Ф. Хаббард, – заглянув в завещание, произнес он. – Я могу попробовать разыскать его, если хочешь. Посмотрю в нашей базе: вдруг он где-нибудь засветился.

– Да, пожалуйста. Буду благодарен.

– Джейк, – прервал молчание Оззи, – у меня сегодня дел по горло.

– У меня тоже. – Джейк вскочил. – Спасибо. Я тебе позвоню.

4

Дорога из центра Мемфиса в округ Форд занимала всего час, но для Гершела Хаббарда это всегда было одинокое тоскливое путешествие – весь день насмарку. Он воспринимал его как вылазку в прошлое, где его никто не ждал, и по многим причинам совершал такое путешествие лишь в случае крайней необходимости, которая возникала нечасто.

Он покинул родительский дом в восемнадцать лет, стряхнул его прах со своих ног и впоследствии старался обходить стороной. Гершел оказался невинной жертвой войны между родителями и, когда они в конце концов разошлись, остался с матерью, покинув округ Форд и отца. И вот двадцать восемь лет спустя он не мог поверить, что старик все-таки умер.

Попытки примирения предпринимались обычно по инициативе Гершела и Сета, надо отдать ему должное, какое-то время честно пытался терпеть сына и внуков. Но все сильно осложнил второй неудачный брак Сета.

Последние десять лет Сета не интересовало ничего, кроме работы. Он почти всегда звонил в день рождения и раз в пять лет присылал поздравительную открытку на Рождество, но это был предел отцовских усилий. Чем больше он работал, тем с большим презрением относился к карьере сына, и это стало главной причиной напряженных отношений между ними.

Гершел владел студенческим баром неподалеку от кампуса Мемфисского университета. Как и все подобные бары, он был популярен и всегда забит посетителями. Гершел оплачивал счета и припрятывал немного наличных. Так же как отец, он все еще мучительно преодолевал последствия собственного скверного развода, в котором безусловную победу одержала его бывшая: она получила обоих детей и практически все деньги.

Вот уже четыре года Гершелу приходилось жить с матерью в старом, медленно разрушающемся доме в центре Мемфиса. Он делил его с кучей кошек и терпел периодические запои матери. Несчастливая жизнь с Сетом и в ее душе оставила шрамы, в голове у нее теперь, как говорится, не хватало винтиков.

Он пересек границу округа, и настроение стало еще мрачнее. Гершел ездил на подержанном спортивном маленьком «датуне», который купил главным образом потому, что его ныне покойный отец на дух не переносил японские автомобили, как и вообще все японское. Во время войны от рук японских захватчиков погиб его кузен, и с тех пор Сет дал волю своей оправданной ненависти.

Гершел настроил приемник на местную клэнтонскую станцию и сокрушенно покачал головой, услышав глупо-самодовольные комментарии диджея с пронзительным голосом. Этот совершенно другой мир он покинул давным-давно и надеялся забыть навсегда.

Он сочувствовал друзьям, по-прежнему живущим в округе Форд и не имеющим возможности вырваться отсюда. Две трети одноклассников по старшим классам школы продолжали жить в здешних краях – работали на фабриках, лесопилках или водили грузовики. Их встреча по случаю десятилетия выпуска произвела на Гершела такое гнетущее впечатление, что на двадцатилетие окончания школы он не приехал.

После развода мать Гершела уехала из здешних краев и обосновалась в Мемфисе. Вторая жена Сета после развода тоже покинула Форд и осела в Джексоне. Поскольку ни одной из них семейный дом оказался не нужен, Сет сохранил его за собой вместе с землей, на которой тот стоял. Именно поэтому Гершелу приходилось возвращаться в кошмар своего детства, когда он навещал Сета – не чаще раза в год, пока отец не заболел.

Дом, одноэтажное краснокирпичное строение в фермерском стиле, располагался в глубине от сельской дороги, плотно окруженный мощными старыми дубами и вязами. На длинной открытой лужайке перед домом Гершел играл в детстве, но с отцом – никогда. Они никогда не

перебрасывались бейсбольным или футбольным мячом, не устраивали веселых футбольных потасовок.

Свернув на подъездную аллею, Гершел еще раз удивился, какой маленькой казалась ему теперь эта лужайка. Он припарковался за стоящим во дворе незнакомым автомобилем с номерами округа Форд и, не выходя из машины, окинул взглядом дом.

Он всегда думал, что отцовская смерть не тронет его, хотя кое-кто из друзей предупреждал: все будет совсем не так. Ты повзрослел, научился контролировать эмоции, не обнимаешь отца при встрече, потому что он не из тех, кто поощряет объятия. Ты не посылаешь ему подарки, не пишешь письма, и уверен: когда он умрет, легко переживешь это. Немного грусти на похоронах, может, одна-две слезинки, но через несколько дней печаль пройдет, и ты вернешься к прежней жизни без всяких душевных ран.

Его друзья легко находили добрые слова для своих отцов. Они видели, как стареют их родители, и не задумывались о том, как перенесут их смерть, а когда она приходила, это оказывалось неожиданностью и ошеломляло безысходностью горя.

Гершел ничего не чувствовал – не было ни ощущения потери, ни печали о том, что закончилась целая глава в его судьбе, ни жалости к человеку, который страдал так сильно, что решил лишиться себя жизни. Сидя в машине и глядя на дом, он признался себе, что ничего не чувствует к отцу. Вероятно, даже испытывал облегчение от того, что его больше нет: отцовская смерть означала, что одним осложняющим фактором в жизни Гершела стало меньше. Может быть.

Он направился к входной двери, которая открылась при его приближении. На пороге, утирая платком глаза, стояла Летти Лэнг.

– Здравствуйте, мистер Хаббард, – произнесла она сдавленным от горя голосом.

– Привет, Летти, – ответил он, остановившись на резиновом коврике, покрывающем цементный порог.

Если бы он знал ее лучше, возможно, сделал бы шаг навстречу и обнял или каким-нибудь другим жестом выразил сочувствие, но он не смог заставить себя это сделать. Гершел встречался с ней всего три-четыре раза в жизни и никогда не имел возможности узнать поближе. Она была экономкой, к тому же чернокожей, и ей положено было держаться в тени, когда в доме находился кто-нибудь из членов семьи.

– Мне так жаль, – вздохнула она, отступая.

– Мне тоже, – ответил Гершел.

Он последовал за ней в дом, через гостиную в кухню.

– Я только что сварила кофе. Хотите?

– Это ваша машина там стоит? – спросил он.

– Да, сэр.

– Почему вы поставили ее на подъездной аллее? Я думал, вы паркуетесь сбоку, рядом с отцовским пикапом.

– Простите, я просто не подумала. Сейчас переставлю.

– Нет, не нужно. Налейте мне кофе с двумя ложками сахара.

– Да, сэр.

– А где папин «кадиллак»?

Летти аккуратно налила кофе в чашку.

– Его забрал шериф. Сегодня, видимо, вернет.

– Зачем им понадобилась машина?

– Это вам лучше у них спросить.

Гершел выдвинул из-под стола стул, сел и обхватил чашку ладонями. Потом, сделав глоток, нахмурился:

– Как вы узнали об отце?

Летти прислонилась к кухонной стойке и скрестила руки на груди. Он окинул ее быстрым взглядом с головы до ног. На ней было привычное белое платье из хлопка чуть ниже колен, немного тесное в талии и весьма тесное в пышной груди – она набрала несколько фунтов.

Его взгляд не ускользнул от нее, она всегда замечала такие взгляды. В свои сорок семь лет, после пяти родов, Летти Лэнг все еще ловила на себе взгляды мужчин, но белых – никогда.

– Кэлвин позвонил вчера вечером, рассказал, что случилось, и попросил сегодня утром открыть дом и ждать вас.

– У вас есть ключ от дома?

– Нет, сэр. Ключа у меня никогда не было. Но дом не был заперт.

– А кто такой Кэлвин?

– Это белый, который работает здесь, в поместье. Он сказал, что мистер Сет позвонил ему вчера утром и велел ждать его у моста в два часа. Кэлвин, конечно, приехал. – Она сделала паузу в своем весьма пространным повествовании, чтобы промокнуть глаза платком.

Гершел отпил еще глоток.

– Шериф сказал, папа оставил записку и какие-то распоряжения.

– Я ничего такого не видела, но Кэлвин видел. Он сказал, мистер Сет написал, что сам лишает себя жизни. – Она заплакала.

Гершел подождал, пока она успокоится, потом спросил:

– Как давно вы здесь работаете, Летти?

– Не знаю точно, года три, – ответила она, глубоко вздохнув и вытерев щеки. – Я начинала с того, что дважды в неделю приходила убирать, по понедельникам и средам, на несколько часов. Уборка не занимала много времени, потому что мистер Сет жил, знаете, один и был очень аккуратен для мужчины. Потом он попросил, чтобы я ему готовила, я с удовольствием согласилась. Это занимало еще несколько часов. Я стряпала сразу несколько блюд и оставляла на плите или в холодильнике. А потом, когда заболел, он попросил меня приходить каждое утро и ухаживать за ним. Когда после химии ему бывало очень плохо, он сутками не вставал с постели.

– Я думал, у него были платные сиделки.

Летти знала, как редко мистер Гершел и миссис Дэфо навещали отца во время болезни. Летти знала все, а они не знали почти ничего. Тем не менее она отвечала с обычной почтительностью:

– Да, сэр, одно время были, но потом ему все это стало не нравиться. Ему каждый раз присылали новых сиделок, он никогда не знал, кто явится в очередной раз.

– Значит, вы работали здесь полный день? Как долго?

– Около года.

– Сколько отец вам платил?

– Пять долларов в час.

– Пять?! Довольно много за помощь по дому, не правда ли? Я хочу сказать, что живу в Мемфисе, в большом городе, и моя мать платит своей экономке четыре с половиной доллара в час.

Летти лишь кивнула, потому что ей нечего было ответить. Она могла бы прибавить, что мистер Сет платил ей наличными и зачастую давал немного сверх обычной платы, а еще одолжил пять тысяч долларов, когда ее сын попал в беду и угодил в тюрьму. И что он простил ей этот долг всего четыре дня назад. Никаких записей на этот счет не существовало.

Гершел пил кофе с недовольным видом. Летти стояла, уставившись в пол.

С подъездной аллеи донеслось урчание мотора, потом хлопнули две автомобильные дверцы.

Рамона Хаббард Дэфо начала плакать прежде, чем появилась в дверях. Она обняла старшего брата на пороге, и он, надо отдать должное, сумел принять подобающе печальный вид: глаза плотно закрыты, губы сжаты, на лбу – скорбные морщины. Мужчина в подлинном горе. Рамона завывала, словно искренне горевала, хотя Гершел в этом сомневался.

Войдя в дом, Рамона обняла Летти, будто обе они были детьми одного доброго любящего отца. Гершел между тем остался на крыльце, чтобы поздороваться с мужем Рамоны, человеком, которого он ненавидел, и ненависть эта была взаимной.

Йен Дэфо был отпрыском банкирского рода из Джексона, самого большого города, столицы Миссисипи, родины по крайней мере половины местных дебилов. Семейные банки давно накрылись, но Йен навсегда сохранил вид самодовольного юнца, даже несмотря на то, что женился на женщине более низкого положения и, как все, вынужден был теперь вертеться, чтобы заработать свой доллар.

Когда они вежливо обменивались рукопожатием, Гершел бросил взгляд через плечо, чтобы посмотреть, какая у них машина. Ничего удивительного не увидел. Блестящий, судя по всему, новенький «мерседес»-седан последней модели. Благодаря склонности Рамоны к выпивке и ее длинному языку, он знал, что миляга Йен брал машины в аренду на три года и возвращал раньше срока. Это тяжелым бременем ложилось на их бюджет, но не имело значения. Гораздо важнее для мистера и миссис Дэфо было, чтобы их видели в северном Джексоне на достойном их автомобиле.

Наконец все собрались и расселись в гостиной. Летти подала кофе и колу, после чего, как ей и подобало, отошла в тень – встала в открытых дверях спальни, находящейся в конце коридора, на месте, откуда часто слушала, как мистер Сет говорит в гостиной по телефону. Здесь ей было слышно все.

Рамона, еще немного поплакав, завела речь о том, как трудно во все это поверить. Мужчины слушали и соглашались, время от времени вставляя короткие восклицания.

Вскоре их прервал звонок в дверь. Прибыли две дамы из церкви с пирогом и запеканкой, отказываться нельзя. Летти засуетилась, приняла у них еду и унесла на кухню, а дамы, не дожидаясь приглашения, плюхнулись на стулья в гостиной и принялись судачить. Они видели своего брата во Христе Сета в церкви только вчера, и он замечательно выглядел. Да, они знали о раке легких и все такое, но, Господи милостивый, казалось, мистер Хаббард одолел его.

Гершел и чета Дэфо разговор не поддерживали. Летти слушала из своего укрытия.

Набожным дамам очень хотелось задать кучу вопросов: «Как он это сделал?», «Он оставил записку?», «Кто получит деньги?», «Существует ли вероятность, что смерть была насильственной?» Но они с сожалением понимали: такое любопытство будет плохо воспринято. Посидев еще минут двадцать почти в полном молчании, они утратили интерес к визиту и начали прощаться.

Через пять минут после их ухода в дверь снова позвонили. Выглянув в окно, присутствовавшие увидели на подъездной аллее новый автомобиль.

– Летти, спровадьте всех! – крикнул Гершел. – Мы спрячемся в кухне.

На сей раз посетительницей была соседка, живущая напротив. Она явилась с лимонным кексом. Поблагодарив ее, Летти объяснила, что дети мистера Сета действительно здесь, но «не в состоянии никого принимать». Соседка потопталась немного на крыльце, отчаянно пытаясь проникнуть внутрь и поучаствовать в семейной жизни, но Летти вежливо преградила. После того как дама наконец удалилась, Летти отнесла кекс на кухню, где он остался лежать на стойке нетронутым.

Сидящие за кухонным столом, не теряя времени, перешли к делу.

– Ты видел завещание? – спросила Рамона.

Ее глаза были теперь совершенно сухими и блестели от любопытства и подозрительности.

– Нет, – ответил Хершил. – А ты?

– Помнишь, в июле... – вклинулся Йен, обращаясь к жене.

– Ну да, в июле. Я попыталась поговорить с папой о завещании. Он сказал, что юристы из Тьюпело уже составили его и что он должным образом позаботится о нас, но это все. А ты с ним когда-нибудь говорил на эту тему?

– Нет, – признался Хершил. – Мне это казалось бестактным. Старик умирает от рака, а я спрашиваю о завещании? Я не мог это сделать.

Летти незаметно прошмыгнула в коридор, пытаясь уловить каждое слово.

– А что насчет размеров его имущества? – невозмутимо спросил Йен.

Он имел причину интересоваться, поскольку его собственное имущество было не раз заложено, а его компания, строящая недорогие торговые центры, глубоко погрязла в долгах. Он прикладывал лихорадочные усилия, чтобы идти на шаг впереди кредиторов, но те неизменно настигали его.

Гершел метнул взгляд на своего зятя-пиявку, однако сохранил самообладание. Все трое подозревали, что с наследством Сета будут проблемы, поэтому торопиться казалось неблагоприятным: все равно вскоре предстояла война.

– Не представляю, – пожал плечами Гершел. – Он был очень скрытным, вы же знаете. Этот дом, двести акров земли вокруг, лесопилка в конце дороги, но мне ничего неизвестно о том, имел ли он невыплаченные кредиты и другие долги. Мы никогда не говорили с ним о делах.

– Вы ни о чем с ним никогда не говорили, – съязвила Рамона, но тут же осеклась. – Прости, Гершел. Пожалуйста.

Однако подобные дешевые выпады между братом и сестрой никогда не оставались безнаказанными.

– А я и не подозревал, что вы со стариком были очень близки. – Гершел усмехнулся.

Йен быстро перевел разговор на другую тему:

– У него здесь был кабинет или какое-то другое помещение, где он держал деловые бумаги? Давайте поищем. Должны же где-то храниться его банковские отчеты, документы на землю, контракты... Черт, я уверен, копия завещания в доме где-то есть.

– Летти должна знать, – предположила Рамона.

– Давайте не будем ее вмешивать в наши дела, – возразил Гершел. – Вы знаете, что он платил ей пять долларов в час за полный рабочий день?

– Пять долларов? – повторил Йен. – А сколько мы платим Бернис?

– Три с половиной, – ответила Рамона. – За двадцать часов.

– Мы в Мемфисе платим четыре с половиной, – самодовольно сообщил Гершел, словно это он, а не его мать, выписывал чеки.

– И с чего это старый скряга Сет расщедрился ради домработницы? – задумчиво произнесла Рамона, понимая, что никто из присутствующих не может ответить на этот вопрос.

– Пусть еще немного понаслаждается, – усмехнулся Гершел. – Дни ее в этом доме сочтены.

– Значит, мы ее увольняем? – спросила Рамона.

– Немедленно. У нас нет выбора. Ты что, хочешь продолжать транжирить уйму денег? Слушай, сестренка, план такой: проводим похороны, велим Летти все здесь прибрать, затем отпускаем ее на все четыре стороны и запираем дом. На следующей неделе выставим его на продажу и будем надеяться на лучшее. А ей ни к чему болтаться здесь за пять долларов в час.

Летти в своем укрытии понурилась.

– Может, не стоит спешить, – вежливо возразил Йен. – В положенное время – надеюсь, скоро – мы увидим завещание. Там будет сказано, кого Сет назначил своим душеприказчиком.

Может, одного из вас. Обычно это бывает вдова или один из детей. И душеприказчик распорядится наследством в соответствии с волей покойного, выраженной в завещании.

– Все это мне известно, – заявил Гершел, хотя на самом деле это было не так.

Поскольку Йену приходилось чуть ли не каждый день общаться с адвокатами, он считал себя кем-то вроде семейного юрисконсульта. И это служило еще одной причиной неприязни к нему Гершела.

– Не могу поверить, что он мертв – Рамона постаралась выдавить слезу.

Взглянув на нее, Гершел испытал острое желание вlepить ей пощечину. Рамона приезжала в округ Форд только раз в год, обычно одна, потому что Йен терпеть не мог это место, а Сет терпеть не мог Йена. Она выезжала из Джексона в девять утра, заранее договорившись позавтракать с Сетом в придорожном ресторанчике, всегда в одном и том же, в десяти милях к северу от Клэнтонна, затем ехала вслед за ним до дома, где к двум часам ей все уже так надоело, что в четыре она отправлялась в обратный путь. Двое ее детей, ученики средних классов школы (частной), много лет не видели деда. Разумеется, Гершел был ничуть не ближе к отцу, но он по крайней мере не проливал крокодиловых слез и не притворялся, будто горюет по старику.

Громкий стук в кухонную дверь заставил их встрепенуться. Это прибыли два помощника шерифа, оба в форме. Гершел открыл дверь и пригласил их войти. Остановившись возле холодильника, они неловко представились, потом сняли шляпы и обменялись рукопожатиями с мужчинами.

– Простите за беспокойство, – произнес Маршалл Празер, – но нас с мистером Луни прислал шериф Уоллис, который просил передать вам свои глубочайшие соболезнования. Мы пригнали обратно машину мистера Хаббарда.

Он вручил Гершелу ключи, тот поблагодарил. Другой помощник шерифа, Луни, достал из кармана конверт.

– А это то, что мистер Хаббард оставил на этом самом кухонном столе. Мы нашли это вчера, после того как обнаружили самого мистера Хаббарда. Шериф Уоллис снял копии, но считает, что оригиналами должна распоряжаться семья. – Он протянул конверт Рамоне, которая снова начала хлюпать носом.

Представителей шерифа поблагодарили, и после нового раунда неловких рукопожатий и кивков они удалились. Открыв конверт, Рамона достала два листка бумаги. На первом была записка Кэлвину, в которой Сет сообщал, что его смерть – это самоубийство. Второй текст был адресован его детям и всем, кого это касается. В нем говорилось:

РАСПОРЯЖЕНИЯ О ЗАУПОКОЙНОЙ СЛУЖБЕ

Я хочу, чтобы скромную заупокойную службу в Ирландской церкви Христианского пути провел 4 октября в 4 часа дня преподобный Дон Макэлвейн. Я бы хотел, чтобы миссис Нора Бейнс исполнила «Простой старый крест». Никаких хвалебных речей. Впрочем, вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову их произносить. Только преподобный Макэлвейн может сказать все, что сочтет нужным. На всю церемонию – максимум полчаса.

Если кто-нибудь из чернокожих захочет присутствовать на моих похоронах, им это должно быть разрешено. Если они не получают такого разрешения, я запрещаю вообще проводить какую бы то ни было службу – просто закопайте меня в землю.

Мой гроб пусть несут: Харви Мосс, Дуэйн Томас, Стив Холланд, Билли Бауэлз, Майк Миллз и Уолтер Робинсон.

РАСПОРЯЖЕНИЯ О ПОХОРОНАХ

Я недавно приобрел участок на кладбище Ирландской церкви Христианского пути, позади самой церкви. Я также обговорил все детали с мистером Фрэнком Магаргелом, владельцем похоронного бюро, и расплатился с ним за гроб. Никаких склепов. Сразу же после заупокойной службы должно состояться короткое – максимум пять минут – прощание, после чего гроб следует опустить в землю.

Пока. Увидимся на той стороне.

Сет Хаббард.

Письмо передали по кругу, все поочередно прочли его в полном молчании, затем налили себе еще кофе. Гершел отрезал толстый ломоть лимонного кекса и сообщил, что он очень вкусный. Дэфо от кекса отказались.

– Видно, ваш отец все хорошо продумал заранее, – заметил Йен, снова перечитывая распоряжения. – Просто и быстро.

– Мы должны еще поговорить о вероятности насильственной смерти, – выпалила Рамона. – Никто ничего не сказал на этот счет. Давайте по крайней мере обсудим этот вопрос. Что, если это не самоубийство? Вдруг это сделал кто-то другой и замаскировал убийство под самоубийство? Неужели вы действительно верите, что папа мог покончить с собой?

Гершел и Йен уставились на нее, будто увидели только что выросшие рога. Обоим хотелось отругать ее, высмеять глупость, но никто не произнес ни слова. Воцарилось тягостное молчание. Потом Гершел медленно откусил кусок кекса.

– Дорогая, – помахал двумя листками бумаги Йен, – как кто-нибудь смог бы подделать вот это? Почерк Сета можно узнать с расстояния десяти ярдов.

Рамона плакала, вытирая слезы.

– Я спрашивал у шерифа, Мона, – подтвердил Гершел. – Он уверен, это самоубийство.

– Я знаю, знаю, – бормотала Рамона сквозь рыдания.

– Твой отец умирал от рака, – напомнил Йен, – он испытывал невыносимые боли и решил все взять в свои руки. Посмотри, какую он проявил предусмотрительность.

– Но я не могу в это поверить, – упрячилась Рамона. – Почему он не поговорил с нами? «Потому что вы друг с другом вообще никогда не разговаривали», – мысленно произнесла Летти в своем укрытии.

– В этом нет ничего необычного для самоубийц, – заявил Йен с видом эксперта. – Они никогда ни с кем не разговаривают о том, что задумали, и могут весьма тщательно планировать самоубийство. Мой дядя застрелился два года назад и...

– Твой дядя был алкоголиком, – перебила его Рамона, вытирая слезы.

– Да, и когда стрелялся, тоже был пьян. Тем не менее он заранее все спланировал.

– Не могли бы мы поговорить о чем-нибудь другом? – попросил Гершел. – Нет, Мона, никакого убийства не было. Сет все сделал сам и оставил исчерпывающие объяснения. Давайте пройдемся по дому и поищем документы, банковские отчеты, может, завещание – все, что может оказаться нужным. Мы – его семья, и теперь за все отвечаем. В этом ведь нет ничего предосудительного, верно?

Йен и Рамона кивнули.

Летти улыбалась, стоя в коридоре. Мистер Сет унес все бумаги к себе в контору и запер их в шкафу. Весь последний месяц он педантично расчищал свой стол и забрал из него все, что могло представлять интерес. А ей он сказал: «Летти, если со мной что-нибудь случится, все важное – у меня в конторе, под надежным запором. Всем этим будут заниматься адвокаты, но не мои дети». А еще он сказал: «И я кое-что оставляю тебе».

5

В понедельник к полудню все адвокатское сообщество округа Форд гудело новостями о самоубийстве Сета Хаббарда и, что более важно, предположениями, какой фирме выпадет удача заниматься делом о его наследстве. Подобный ажиотаж среди юристов по очевидным причинам вызывало большинство дел со смертельным исходом: например, автомобильные катастрофы – в отличие от заурядных убийств. Убийцы обычно бывали представителями низших слоев общества, так что на сколько-нибудь приличный гонорар в этих случаях рассчитывать не приходилось.

В начале дня у Джейка не было ничего – ни убийства, ни автокатастрофы, ни многообещающего дела о наследстве. К ленчу, однако, он уже мысленно тратил кое-какие деньги.

Он всегда мог найти себе дело в здании суда, находящемся напротив его конторы. На втором этаже располагался земельный департамент – в длинной просторной комнате на стеллажах вдоль стен стояли толстые кадастровые книги, иные имели двухсотлетнюю историю.

В молодости, когда ему все надоедало или он хотел спрятаться от Люсьена, Джейк часами сидел над старыми актами об отчуждении, дарении или передаче прав собственности на землю, словно в них заключался большой смысл. Теперь, в свои тридцать пять, имея за спиной десять лет практики, он по возможности избегал заглядывать в эту комнату. Он видел себя действующим адвокатом, а не книжным червем, участником судебных баталий, а не робким незаметным юристом, довольствующимся сидением в архивах и перекладыванием бумаг на столе. Но даже при этом и независимо от его мечтаний каждый год выдавались периоды, когда ему, как и любому другому юристу в городе, приходилось на час-другой зарываться в документы.

В земельном департаменте былолюдно. Более процветающие фирмы пользовались услугами неквалифицированных помощников, чтобы проводить бумажные изыскания, и сейчас несколько таких сотрудников корпели над сводами актов и перетаскивали их с полок на столы и обратно. Джейк перебросился с несколькими юристами, занимающимися тем же самым, парой слов – главным образом о футболе, поскольку никто не хотел быть уличенным в том, что сует нос в возможно грязные делишки, связанные со смертью Сета Хаббарда.

Чтобы убить время, Джейк пролистал Свод завещаний в поисках какого-нибудь заслуживающего внимания Хаббарда, который когда-либо передавал Сету по наследству землю или имущество, но в пределах последних двадцати лет ничего не обнаружил. Затем он прошел в офис Канцелярского суда, расположенный в конце коридора, намереваясь просмотреть папки с делами о давних разводах, но там уже шустрили, вынюхивая все, что можно, другие адвокаты.

Джейк вышел из здания суда и отправился на поиски лучших источников информации.

Неудивительно, что Сет ненавидел клэнтонских адвокатов. Большинство участников судебных процессов, бракоразводных или других, кому довелось иметь противником Гарри Рекса Воннера, оставались обкраденными на всю оставшуюся жизнь и презирали все, что касалось профессии адвоката. Сет был не первым.

Гарри Рекс умел высосать из противной стороны всю кровь вместе с деньгами, землей и прочим имуществом, какое только попадало в поле зрения. Разводы были его специальностью, причем чем безобразнее выдавался процесс, тем лучше.

Ему доставляло наслаждение купаться в грязи, барахтаться, сцепившись с противником, в сточной канаве, сходить в рукопашной. Он испытывал радостное возбуждение, вытаскивая на свет божий тайные записи телефонных разговоров или неожиданные снимки восемь на десять подружки ответчика в ее новеньком кабриолете. Судебные процессы Гарри Рекс превращал в окопную войну. Его сделки по алиментам вошли в анналы. Ради забавы он раздувал неоспоримые бракоразводные дела в дрящущиеся годами марши смерти.

Гарри обожал в судебном порядке преследовать бывших любовников за так называемое отчуждение привязанности: то есть увод жены от мужа или наоборот. Если ни один из арсенала его грязных трюков не срабатывал, он придумывал новые.

Будучи почти монополистом на этом рынке, он держал под контролем список предстоящих дел и изводил секретарей суда. Молодые адвокаты бежали от него, как от огня, более опытные, уже обжегшиеся, старались держаться подальше. Друзей у него было мало, а те, что сохраняли лояльность по отношению к нему, зачастую просто были вынуждены это делать.

Из всех юристов Гарри Рекс доверял только Джейку, и доверие это было взаимным. Во время процесса над Хейли, когда Джейк, теряя сон, худея, получая угрозы и в буквальном смысле уворачиваясь от пуль, был почти уверен, что близок к тому, чтобы проиграть самый крупный в карьере процесс, Гарри Рекс без лишних слов пришел ему на помощь. Оставаясь в тени, он тратил уйму времени на его дело, не требуя за это ни цента. Давал ему множество бесплатных советов и практически спас от помешательства.

Как всегда по понедельникам в это время, Гарри Рекс сидел за своим столом, поглощая гигантский сандвич с мясом, сыром и помидорами. Для специалистов по бракоразводным процессам понедельники – самые тяжелые дни, поскольку многие браки дают трещину именно в выходные, и супруги, уже пребывая в состоянии войны, бросаются в атаку. Джейк вошел в контору через черный ход, чтобы избежать встречи, во-первых, с его известными своей раздражительностью секретаршами, а во-вторых, с толпящимися в прокуренной приемной взвинченными клиентами.

Дверь кабинета Гарри Рекса была закрыта. Джейк прислушался и, не уловив никаких голосов, распахнул ее.

– Что вам нужно? – рявкнул Гарри Рекс с набитым ртом.

Огромный сандвич лежал перед ним на воценой бумаге рядом с горкой картофельных чипсов. Все это он запивал бутылкой легкого «Будвайзера».

– Привет, Гарри Рекс. Простите, что прерываю ваш ленч.

Гарри Рекс вытер губы тыльной стороной здоровенной мясистой лапы.

– Ничто не может помешать моему ленчу. Что случилось?

– Уже выпиваете? – заметил Джейк, погружаясь в массивное кожаное кресло.

– Будь у вас такие клиенты, как у меня, вы бы начинали выпивать уже за ранним завтраком.

– Я думал, вы так и поступаете.

– Только не по понедельникам. Как там миз Карла?

– Прекрасно, благодарю, а как миз... гм, как ее зовут?

– Джейн, хитрая бестия. Джейн Эллен Воннер. Похоже, она не просто терпит меня, а хорошо справляется с ролью супруги и вполне довольна судьбой. Наконец-то я нашел женщину, которая меня понимает. – Он зачерпнул пригоршню поджаристых чипсов и набил ими рот.

– Поздравляю. Когда вы меня с ней познакомите?

– Мы женаты уже два года.

– Я знаю, но предпочитаю дождаться пяти. Нет смысла торопиться, поскольку у этих девиц бывает слишком короткий срок использования.

– Вы явились сюда оскорблять меня?

– Нет, разумеется, – ответил Джейк.

Обмениваться оскорбительными замечаниями с Гарри Рексом было бы глупой затеей. Он весил больше трехсот фунтов и передвигался по городу как неуклюжий старый медведь, но язык у него был поразительно злой и острый.

– Расскажите о Сете Хаббарде, – попросил Джейк.

Гарри Рекс рассмеялся, отчего частички еды взлетели над его замусоренным столом.

– Никогда не встречал большего му...ка. А почему вы меня о нем спрашиваете?

– Оззи сказал, вы вели один из его бракоразводных процессов.

– Вел. Второй. Лет, наверное, десять назад. Примерно в то время, когда вы объявились в городе и стали называть себя адвокатом. А почему вы заинтересовались Сетом?

– Потому что, прежде чем наложить на себя руки, он написал мне письмо и присовокупил к нему двухстраничное завещание. То и другое пришло по почте сегодня утром.

Гарри Рекс глотнул пива, прищурился и немного подумал, прежде чем спросить:

– Вы когда-нибудь с ним встречались?

– Никогда.

– Ваше счастье. Ничего не потеряли.

– Не говорите так о моем клиенте.

– И что там у него в завещании?

– До похорон не имею права ничего говорить и не могу начать процедуру утверждения.

– Кому все достанется?

– Не могу пока разглашать эти сведения. Сообщу в среду.

– Двухстраничное завещание, написанное собственноручное за день до самоубийства. На мой взгляд, это процесс лет на пять – золотое дно.

– Надеюсь.

– Какое-то время безделье вам грозить не будет.

– Мне нужна работа. Чем владел этот парень?

Гарри Рекс, качая головой, снова потянулся к сэндвичу.

– Не знаю, – сказал он, откусывая.

Большинство друзей и знакомых Джейка предпочли бы не разговаривать с набитым ртом, но подобные мелочи никогда не останавливали Гарри Рекса.

– Насколько я помню, но, повторяю, это было десять лет назад, у него был дом на Симпсон-роуд с какой-то землей вокруг. Самые крупные его владения – лесопилка и лесной склад на Автострате, возле Пальмиры. Моей клиенткой была Сибила Хаббард, жена номер два, а у нее, кажется, это был второй или третий брак.

После двадцати лет практики и бесчисленного количества дел Гарри Рекс все еще помнил своих подопечных. И чем колоритнее были подробности, тем дольше он помнил процесс.

Еще глоток пива, и он продолжил:

– Она была довольно миленькая и чертовски ушлая. Работала на лесном складе, фактически заправляла им, и этот окаянный склад приносил хороший доход, пока Сет не решил расширить дело. Он захотел купить еще один, в Алабаме, и начал тратить на него деньги. А там в головном офисе работала секретарша, на которую он глаз положил. Разразился скандал. Сет попался со всеми потрохами, и Сибила наняла меня, чтобы прищучить его. Я прищучил. Дом ей не был нужен, поскольку она не собиралась оставаться в здешних краях. Я убедил суд выдать предписание о продаже лесопилки и склада возле Пальмиры. Бизнес в Алабаме никогда прибыли не давал. Было выручено двести тысяч долларов, которые полностью отошли моей клиентке. У них также была чудная маленькая квартирка на берегу залива возле Дестина. Ее тоже получила Сибила. Вот краткая история того, что произошло. Само дело с фут толщиной, можете при желании пролистать.

– Вероятно, позднее. И вы не имеете представления о том, каков его текущий бухгалтерский баланс?

– Не-а. Я потерял след парня. После развода он залег на дно. Когда я последний раз встречался с Сибилой, она жила на побережье и веселилась с очередным мужем, который, по ее словам, намного моложе ее. Рассказывала, что, по слухам, Сет вернулся в лесной бизнес, но ей мало что об этом известно. – Он с усилием проглотил еду и запил пивом, потом громко рыгнул без всякого смущения и продолжил: – Вы говорили с его детьми?

– Еще нет. Вы их знаете?

– Знал в то время. С ними не заскучаете. Гершел – настоящий неудачник. Его сестра... как же ее звали?

– Рамона Хаббард Дэфо.

– Да, именно. Она на несколько лет младше Гершела и принадлежит к той особой публике, которая населяет северную часть Джексона. Ни сын, ни дочь никогда не ладили с Сетом, и у меня сложилось впечатление, что он тоже особых отцовских чувств к ним не питал. Дети, судя по всему, хорошо относились к Сибиле, своей мачехе, а когда стало ясно, что она выигрывает бракоразводный процесс и деньги переходят к ней, окончательно примкнули к ее лагерю. Стойте, дайте догадаться: старик ничего им не оставил?

Джейк кивнул, но не произнес ни слова.

– Ну, тогда они взбесятся и пойдут войной. Вам предстоит заварушка, Джейк. Жаль, не могу в нее встрять и поиметь свою часть гонорара.

– Если бы вы знали все!

Остатки чипсов и последний кусок сэндвича были отправлены в рот. Гарри Рекс смял бумагу, пакет, салфетки и швырнул все куда-то под стол вместе с пустой бутылкой. Потом выдвинул ящик, достал длинную черную сигару и, не прикуривая, зажал в уголке рта. Он бросил курить, но по-прежнему изводил до десяти сигар в день – жевал их и выплевывал.

– Я слышал, он повесился. Это правда?

– Правда. Причем хорошо подготовившись заранее.

– Есть предположения, почему он это сделал?

– Вы же знаете. Он умирал от рака. Это все, что нам известно. А кто был его адвокатом при разводе?

– Стенли Уэйд. И это была ошибка Сета.

– Уэйд? С каких это пор он занимается разводами?

– Больше не занимается, – расхохотался Гарри Рекс, причмокнул и посерьезнел. – Слушайте, Джейк, я сожалею, но то, что произошло десять лет назад, не имеет ровным счетом никакого значения теперь. Я отнял у Сета Хаббарда все деньги, разумеется, достаточно оставил, остальное отдал своей клиентке и закрыл дело. Что Сет делал после развода номер два – не мое дело. – Он помахал рукой над замусоренным столом. – Во всяком случае, в понедельник. Если захотите выпить позже, прекрасно, но сейчас у меня полно работы.

Выпить с Гарри Рексом позже означало где-то после девяти вечера.

– Конечно. Увидимся, – ответил Джейк, направляясь к двери и переступая через разбросанные по полу папки.

– Слушайте, Джейк, могу я предположить, что Хаббард аннулировал предыдущее завещание?

– Да.

– И оно было подготовлено более крупной фирмой, чем ваша?

– Да.

– Тогда я бы на вашем месте прямо сейчас помчался в суд и подал предварительную заявку на ведение дела о наследстве.

– Согласно воле моего клиента, я должен дождаться похорон.

– И когда они состоятся?

– Завтра в четыре часа дня.

– Суд закрывается в пять. Я бы поторопился. Всегда лучше оказаться первым.

– Спасибо, Гарри Рекс.

– Не за что. – Он снова рыгнул и взялся за очередную папку.

После полудня к дому Сета непрерывным торжественным потоком потянулись соседи, прихожане одной с ним церкви и другие знакомые, чтобы, согласно обычаю, принести угощение, но главным образом, чтобы проверить слухи, которыми наполнилась северо-восточная часть округа Форд. Большинство посетителей Летти вежливо разворачивала обратно, она занимала стратегическую позицию у парадной двери, принимала подношения в виде тортов, пирогов, кексов и кастрюлек с различными кулинарными изделиями и в ответ на соболезнования снова и снова повторяла: члены семьи благодарят за участие, но слишком расстроены, чтобы кого-либо принимать.

Кое-кому, тем не менее, удавалось протиснуться в дом и добраться до гостиной, где они с огромным любопытством таращились на обстановку, чтобы проникнуться хоть немного атмосферой жизни своего дорогого почившего друга. Многие искренне горевали – избрать такой трагический способ ухода! Неужели он действительно сам повесился?

Чтобы избежать встречи с соболезнующими, семейство покойного пряталось на заднем дворике, сидя за садовым столом. Предпринятый ими обыск стола и шкафов Сета не принес желаемых результатов. Летти в ответ на расспросы заявила, что ничего не знает, хотя они не очень-то ей поверили. Она говорила спокойно, тихо, серьезно, и это порождало еще больше подозрений.

В два часа дня, когда в потоке посетителей случился перерыв, она подала им ленч там же, в патио. Они велели накрыть садовый стол скатертью, разложить льняные салфетки и сервировать его столовым серебром, хотя оно многие годы оставалось в доме Сета невостребованным и содержалось не в лучшем виде. По их не высказанному вслух, но единодушному мнению, за пять долларов в час самое меньшее, что должна была делать Летти, это добросовестно исполнять обязанности прислуги.

подавая на стол и улавливая обрывки разговора, Летти поняла, что они обсуждают, кто должен присутствовать на похоронах, а кто – нет. У Йена, например, в разгаре было некое чрезвычайно важное дело, которое, вполне вероятно, могло оказать влияние на финансовое будущее всего штата. На следующий день ему предстояли важные встречи, если бы он пропустил их из-за похорон, это могло стоить ему целого состояния.

Гершел и Рамона неохотно смирились с тем, что не могут не присутствовать на службе, хотя порой Летти казалось, они придумывают всякие уловки, чтобы увильнуть. У Рамоны, например, здоровье якобы слабело с каждым часом, и она не знала, как сможет еще что-либо вынести.

Бывшей жене Гершела на отпевании определенно нечего было делать. Он не желал ее здесь видеть. Она никогда не любила Сета, а тот ее и вовсе презирал. Из двух дочерей Гершела одна училась в колледже в Техасе, другая – в школе в Мемфисе. Студентка не могла пропускать занятия, к тому же Гершел вынужден был признать, что с дедом она никогда не была особенно близка.

«Это уж точно», – подумала Летти, собирая тарелки.

Присутствие младшей дочери тоже оставалось под вопросом.

У Сета был единственный брат, их дядя Энсил, которого они никогда не видели и о котором ничего не знали. Согласно скудным семейным преданиям, Энсил, сказавшись старше, чем был, записался в военный флот шестнадцати или семнадцати лет от роду. Был ранен где-то в Тихом океане, выжил, объехал чуть ли не весь свет, нанимаясь на разные суда. Сет утратил связь с младшим братом не один десяток лет назад и никогда не упоминал о нем. Никакой возможности связаться с Энсилом не существовало, как и причин делать это. Вероятно, он был так же мертв, как и Сет.

Поговорили о некоторых старых родственниках. Ни одного из них они не видели много лет и не имели охоты видеть теперь.

«Какая удручающе странная семья, – подумала Летти, подавая на стол ассорти из пирожных. – Похоже, заупокойная служба обещает быть короткой и скромной».

– Давайте выгоним ее, – сказал Гершел, когда Летти вернулась на кухню. – Она сидит с нас каждый час пять долларов.

– С нас? С каких это пор платим ей мы? – поинтересовалась Рамона.

– Брось, теперь она, так или иначе, на нашем счетчике. Деньги-то идут из наследства.

– Я не собираюсь убирать в доме, Гершел. Может, ты хочешь?

– Разумеется, нет.

– Давайте не будем горячиться, – решил вставить слово Йен. – Проведем похороны и все прочее, велим ей убрать дом, а в среду, когда будем уезжать, запрем его.

– Кто сообщит ей, что она уволена? – поинтересовалась Рамона.

– Я, – ответил Гершел. – Подумаешь, большое дело. Она всего лишь прислуга.

– Есть в ней что-то подозрительное, – заметил Йен. – Не могу понять, что именно, но она ведет себя так, будто знает нечто, чего не знаем мы, причем важное. Вам не кажется?

– Да, что-то определенно есть, – согласился Гершел, довольный, что в кои-то веки их мнения с зятем совпали.

– Это просто шок и печаль, – возразила Рамона. – Она была одной из немногих, кого Сет терпел или кто был способен вытерпеть его, и она горюет, что он ушел. Все дело в этом, а еще в том, что она лишается работы.

– Ты думаешь, она знает, что ее собираются уволить? – спросил Гершел.

– Думаю, догадывается и беспокоится.

– В любом случае она всего лишь домработница.

Летти вернулась домой с тортом – Рамона милостиво пожаловала ей один из принесенных соболезнующими. Это был тонкий слой теста, покрытый магазинной ванильной глазурью и выложенный поверху ломтиками консервированного ананаса, – безусловно, наименее привлекательный из полдюжины скопившихся на кухонном столе мистера Хаббарда. Его принес прихожанин, среди прочего поинтересовавшийся у Летти, не будет ли семья продавать пикап-«шевроле» Сета. Летти понятия не имела, но обещала узнать. Ничего подобного она делать не собиралась.

По дороге домой Летти подумывала, не выбросить ли торт в кювет, однако не смогла решиться на такое расточительство. Ее мать страдала диабетом, и лишний сахар ей ни к чему, если она и впрямь захочет пробовать торт.

Припарковавшись на подъездной аллее, Летти отметила, что старого грузовичка Симеона нет на месте. Впрочем, она и не ожидала его увидеть, поскольку Симеон уехал на несколько дней. Летти радовалась, когда супруг в отъезде, но никогда не знала, в какой день он вернется. Их дом не был счастливым и в лучшие времена, а муж редко когда добавлял ему радости.

Дети были еще в пути, возвращаясь после уроков на школьном автобусе. Летти вошла через кухню и поставила торт на стол. Сайпрес, как обычно, неизвестно какой час подряд смотрела телевизор в гостиной.

– Детка моя! Как прошел день? – Улыбнувшись, она воздела вверх руки.

Наклонившись, Летти вежливо обняла ее за плечи.

– Работы было много. А как у тебя?

– О, здесь только я и эти шоу, – ответила Сайпрес. – Как там Хаббарды, справляются с утратой, Летти? Пожалуйста, присядь и поговори со мной.

Летти выключила телевизор, опустилась на скамеечку возле инвалидной коляски матери и стала рассказывать о том, как прошел день.

– Ни одной свободной минуты с того момента, когда Гершел и Дэфо приехали и впервые вошли в дом, покинутый их отцом. Потом нескончаемой вереницей пошли соседи с угощениями. В общем, очень суетный день – приходилось вертеться, чтобы все шло гладко, без недоразумений.

Поддерживать в норме кровяное давление Сайпрес удавалось только с помощью кучи лекарств, и при малейшем намеке на волнение оно могло дать скачок. Рано или поздно, и момент этот был уже не за горами, Летти придется осторожно сообщить матери, что она скоро потеряет работу. Но не сейчас. Надо выбрать более подходящее время.

– А похороны? – спросила Сайпрес, поглаживая дочь по руке.

Летти посвятила ее в подробности, сказала, что собирается присутствовать на службе и с удовольствием поведала, что мистер Хаббард потребовал, чтобы чернокожих допустили в церковь.

– Возможно, ты будешь даже сидеть на задней скамье, – с усмешкой заметила Сайпрес.

– Возможно. В любом случае я туда приду.

– Мне бы хотелось пойти с тобой.

– Я бы тоже этого хотела.

Из-за лишнего веса и трудностей с передвижением Сайпрес редко покидала дом. Она уже пять лет жила с ними и сильно поправилась, ей с каждым месяцем становилось все труднее двигаться. Симеон старался чаще уезжать из дома, в том числе из-за матери Летти.

– Миссис Дэфо прислала нам торт, – сообщила Летти. – Хочешь маленький кусочек?

– А какой торт? – Несмотря на то что весила тонну, Сайпрес была разборчива в еде.

– Что-то с ананасом, точно не знаю. Видела его среди других. Но, может, попробовать стоит. Хочешь, я приготовлю к нему кофе?

– Да. И отрежь совсем маленький кусочек.

– Давай посидим на свежем воздухе, мама.

– С удовольствием.

Кресло едва проходило между диваном и телевизором, почти касаясь стен, проезжало через узкий коридор в кухню и дальше, задевая стол, к задней двери, через которую Летти бережно выкатывала его на прогнувшийся деревянный настил, сколоченный Симеоном несколько лет назад.

В хорошую погоду Летти любила посидеть здесь на исходе дня с чашкой кофе или ледяным чаем, подальше от шума и духоты тесного дома. Для маленького дома с тремя крохотными спальнями здесь было слишком много народу. Одну из спален занимала Сайпрес. Летти с Симеоном, когда тот бывал дома, обычно делили вторую с одним или двумя внуками. Их дочери непостижимым образом умудрялись плечом к плечу уместиться в третьей.

Шестнадцатилетняя Кларисса еще училась в школе, детей у нее не было. У двадцатилетней Федры один сын ходил в детский сад, другой – в первый класс, а мужа не было. Младший сын Керк, четырнадцати лет от роду, спал на диване в гостиной. Не так уж редко кто-нибудь из племянниц и племянников жил у них по несколько месяцев, пока их родители улаживали свои дела.

Отпив глоток растворимого кофе, Сайпрес вилкой отломил кусочек торта, взяла его в рот и, медленно прожевав, поморщилась. Летти торт тоже не понравился, поэтому они просто пили кофе и говорили о Хаббардах и о том, как все у них странно. Они находили много забавного в белых людях, в частности в их похоронных обрядах, в том, как поспешно они хоронят своих покойников – иногда в течение двух-трех дней после смерти. У черных не принято торопиться.

– Что-то тебя беспокоит, детка, о чем ты думаешь? – мягко поинтересовалась Сайпрес.

Скоро из школы должны были вернуться дети, потом Федра с работы. Это были последние спокойные минуты до того времени, когда все улягутся спать. Летти глубоко вздохнула:

– Я слышала, как они разговаривали между собой, мама. Они собираются меня уволить. Наверное, уже на этой неделе, вскоре после похорон.

Сайпрес покачала большой круглой головой. Казалось, она была готова расплакаться.

– Но почему?

– Думаю, им не нужна экономка. Они хотят продать дом, он им без надобности.

– Господи!

– Ждут не дождутся, когда можно будет наложить лапу на его деньги. У них никогда не хватало времени приехать навестить его, а теперь кружат над домом, как ястребы.

– Белые. Что с них взять.

– Они считают, он слишком много платил мне, поэтому спешат от меня избавиться.

– А сколько он тебе платил?

– Зачем это тебе, мама?

Летти никогда не рассказывала никому из родных, что мистер Хаббард платил ей пять долларов в час наличными. Для помощницы по дому в Миссисипи это действительно было верхним пределом, и Летти не желала проблем. Члены семьи могли потребовать от нее прибавки. Друзья могли осудить. «Не выдавай секретов, Летти, – наставлял ее мистер Хаббард. – Никогда никому не рассказывай, сколько у тебя денег».

У Симеона могла пропасть охота что-либо приносить в дом. А его заработки и без того были нерегулярными, как и присутствие в доме. Чтобы заставить супруга зарабатывать даже самую малость, приходилось постоянно подстегивать его.

– Я слышала, как они называли меня прислугой, – вздохнула Летти.

– Прислугой? Давно не слышала этого слова.

– Они малоприятные люди, мама. Сомневаюсь, что мистер Хаббард был хорошим отцом, но его дети – просто ужас.

– И теперь они получают все его деньги.

– Наверное. Во всяком случае, они на это определенно рассчитывают.

– А много денег он оставил?

– Понятия не имею. – Летти покачала головой и отпила глоток кофе. – Не уверена, что кто-то вообще это знает.

6

Автомобильная стоянка Ирландской церкви Христианского пути была наполовину заполнена, когда во вторник без пяти четыре на нее свернула машина Оззи без опознавательных знаков. Никаких надписей и цифр на ней не было, Оззи предпочитал обходиться без них, но одного взгляда на автомобиль было достаточно, чтобы понять: это машина шерифа. Несколько антенн, маленький, круглый проблесковый маячок на приборном щитке, наполовину скрытый... Это был большой четырехдверный коричневый «форд» с черными колесами – такой же, как практически у всех шерифов штата.

Он припарковался рядом с красным «саабом», который стоял в стороне. Оззи и Джейк одновременно вышли из своих машин и вместе пересекли площадку.

– Есть какие-нибудь новости? – спросил Джейк.

– Никаких, – ответил Оззи.

На нем были темный костюм и черные ковбойские сапоги. Джейк был одет так же, только в туфлях.

– А у тебя? – поинтересовался Оззи.

– Тоже никаких. Думаю, фонтан дерьма вырвется завтра.

– Жду не дождусь, – рассмеялся Оззи.

Церковь изначально представляла собой краснокирпичную часовню с приземистой колокольней, возвышающейся над фасадом с двустворчатой входной дверью. Со временем, однако, община добавила к ней ставшие уже обязательными металлические сооружения: одно, по сравнению с которым часовня казалась совсем маленькой, – рядом, другое, в котором молодежь играла в баскетбол, – позади. На небольшом холме неподалеку от церкви, под тенистыми деревьями, располагалось кладбище – прелестный тихий уголок, отличное место для последнего упокоения.

Несколько курильщиков, сельских жителей в старых, неуклюже сидящих на них костюмах, делали последние затяжки. Они перебросились парой слов с шерифом и вежливо кивнули Джейку.

Внутри, на потемневших от времени дубовых скамьях, вразброс сидела достойная публика. Свет был приглушен. Органист тихо наигрывал скорбную мелодию, настраивая присутствовавших на печальный ритуал. Закрытый гроб с телом Сета был установлен перед кафедрой проповедника и украшен цветами. Те, кому предстояло нести гроб, сидели плечом к плечу, с мрачными лицами слева.

Джейк и Оззи вместе устроились в заднем ряду, отдельно от всех, и стали оглядываться вокруг. Сбившись в кучку, неподалеку от них сидели несколько чернокожих, всего человек пять.

Оззи кивнул им и шепнул Джейку:

– В зеленом платье – это Летти Лэнг.

Джейк тоже кивнул и шепнул в ответ:

– А кто остальные?

– Отсюда не могу разглядеть, – пожал плечами Оззи.

Глядя в затылок Летти, Джейк попытался представить приключения, через которые им предстояло пройти вместе. Он совсем не знал эту женщину, даже имя ее впервые услышал только накануне, но очень скоро они должны будут весьма близко познакомиться.

Летти сидела, ни о чем не догадываясь, держа руки на коленях. Тем утром она отработала в доме три часа, прежде чем Гершел сообщил, что в ее услугах больше не нуждаются и что срок ее найма заканчивается в три часа следующего дня, то есть среду. Дом будет заперт и останется пустовать вплоть до распоряжения суда.

У Летти на текущем счету, о котором не знал Симеон, лежало четыреста долларов, еще триста она держала в банке из-под солений, спрятанной в кладовке. Кроме этого у нее не было ничего, и перспектива найти новую приличную работу казалась призрачной.

С мужем она не разговаривала уже почти три недели. Иногда он неожиданно возвращался домой с чеком или небольшой суммой наличными, но чаще просто бывал пьян и хотел выспаться.

В преддверии завтрашней безработицы, имея при этом кучу неоплаченных счетов и несколько голодных ртов, Летти должна была под печальную мелодию органа испытывать тревогу о будущем, но она ее не испытывала. Мистер Хаббард не раз говорил ей, что после своей смерти – а близкая смерть его была неминуема – он кое-что, немного, оставит ей. Немного – это сколько? Летти могла только гадать.

Сидя сзади, в четырех рядах от нее, Джейк подумал: «Если бы она только знала!»

Но Летти понятия не имела, зачем здесь Джейк, если вообще знала, кто он. Впоследствии она будет утверждать, что его имя было известно ей по процессу Хейли, но она никогда не видела мистера Брайгенса.

В центре, прямо напротив гроба, сидела Рамона Дэфо, Йен – слева, Гершел – справа от нее. Никто из их детей, внуков Сета, прибыть не смог. Они оказались слишком заняты, да и нельзя сказать, что родители настаивали на их приезде.

В следующем ряду расположились родственники, настолько дальние, что им пришлось представляться друг другу на парковке перед церковью. Впрочем, они тут же забыли только что произнесенные имена. Родители Сета Хаббарда умерли несколько десятков лет назад, а единственный близкий родственник Энсил давно пропал. Надо сказать, сколько-нибудь дружной семьи у Сета сроду не было, а в последние годы распались и последние связи.

За родственниками бессистемно расположились в темноте нефа несколько десятков других скорбящих – служащие Сета, друзья, прихожане. Когда пастор Дон Макэлвейн ровно в четыре часа поднялся на кафедру, и он, и все присутствовавшие знали, что служба будет краткой. После совместной молитвы пастор бегло изложил биографию покойного: Сет родился 10 мая 1917 года в округе Форд, где и скончался 2 октября 1988 года. Его родители, такой-то и такая-то, умерли; он оставил двоих детей и несколько внуков...

Слева, через несколько человек от себя, Джейк заметил знакомый профиль мужчины в дорогом костюме. Это был Стиллмен Раш, его ровесник и коллега, поверенный в суде, отпрыск в третьем поколении семейства голубых кровей, представляющий обширный клан юристов, специализирующихся по корпоративному и страховому праву, – обширный настолько, насколько это возможно в сельском Миссисипи. «Раш и Уэстерфилд», самая крупная фирма в северном Миссисипи, базировалась в Тьюпело и стремительно разрасталась, открывая все новые филиалы, так что каждый житель округа мог рассчитывать, что один из филиалов вскоре непременно появится в ближайшем к его дому торговом центре.

Сет Хаббард упоминал фирму Раши в письме к Джейку, а также в своем рукописном завещании, поэтому можно было не сомневаться: Стиллмен Раш в сопровождении двух шикарно одетых джентльменов явился позаботиться об интересах фирмы. Специалисты по страхованию всегда работали в паре. Даже когда речь шла о простейших юридических процедурах, ими занимались два юриста: вдвоем готовили документы для суда, вдвоем отвечали на реестровые запросы, вдвоем участвовали в слушаниях по неопротестованным делам, вдвоем разъезжали с поручениями и, конечно же, вдвоем гребли гонорары и раздували дела. Крупные фирмы беззаветно исповедовали культ малой производительности: больше рабочих часов означало больший гонорар.

Так что два юриста там, где легко справился бы один, было нормой. Но три!.. Всего лишь для участия в короткой поминальной церемонии в глухой дыре? Это производило впечатление и наводило на мысли. Это означало – деньги.

В сверхактивном мозгу Джейка не было места для сомнений: эта троица, покинув офис в Тьюпело, включила свои счетчики и теперь сидела, притворяясь, будто скорбит, за двести долларов в час каждый. Исходя из того, что написал Сет, его завещание от сентября 1987 года было составлено мистером Льюисом Макгвайром, и Джейк предположил, что им является один из трех джентльменов. Он не знал Макгвайра в лицо, в фирме трудилось слишком много юристов. Поскольку они готовили завещание, то, естественно, решили, что и доказывать его будут сами.

«Завтра, – подумал он, – они приедут снова, как минимум вдвоем, а может, и втроем, передадут бумаги секретарю Канцелярского суда, что на втором этаже «дворца правосудия», и самодовольно заявят либо Еве либо Саре, что прибыли в связи с открытием наследства для его утверждения. И либо Сара либо Ева, с трудом скрывая усмешку, изобразит смущение. Бумаги будут просмотрены, вопросы заданы, а потом – большой сюрприз: вы немного опоздали, господа. Это наследство уже открыто!

Либо Ева либо Сара покажут им новенькую папку, и они будут, разинув рот, глазеть на тоненькое рукописное завещание, то самое, которое специальным распоряжением отменяет толстое завещание, столь ими лелеемое. И начнется война. Они станут поносить Джейка Брайгенса, но, немного остынув, поймут, что война обещает быть прибыльной для всех участвующих в ней юристов.

Летти смахнула слезу и отметила, что она, вероятно, единственная из присутствующих, кто прослезился.

Перед адвокатами сидели люди, похожие на предпринимателей. Один из них обернулся и прошептал что-то Стиллимену Рашу. Джейк подумал, это мог быть служащий высшего звена, работавший на Сета. Особенно его интересовал мистер Рассел Эмбург, о котором в завещании сказано, что он являлся вице-президентом холдинговой компании Сета и знает все о его имуществе и денежных обязательствах.

Миссис Нора Бейнс исполнила три куплета из «Простого старого креста», мрачного гимна, непременно высекающего слезу на любых похоронах, но на прощании с Сетом даже он не вызвал эмоционального отклика. Пастор Макэлвейн прочел отрывок из Псалтыри, поговорил о мудрости Соломона, потом два прыщавых подростка с гитарой пробренчали что-то современное – какую-то вымученную песню, которую Сет наверняка бы не оценил. В конце концов Рамона разразилась рыданиями, и Йен принялся ее утешать. Гершел сидел, уткнувшись взглядом в пол перед гробом, не моргая и не шевелясь. В ответ на рыдания Рамоны громко всхлипнула какая-то женщина.

Жестокий план Сета состоял в том, чтобы придержать оглашение завещания до окончания похорон. В его письме к Джейку было написано буквально следующее: «В посмертной записке я оставил распоряжения относительно моих похорон. Не упоминайте о моей последней воле и моем завещании, пока они не пройдут. Я хочу вынудить свою семью пройти через все скорбные ритуалы, прежде чем они осознают, что остались ни с чем. Проследите, чтобы они не притворялись – они в этом деле большие мастера, а меня никогда не любили».

По мере того как служба вяло продвигалась вперед, стало очевидно, что никто особенно и не притворялся. Те немногие, кто остался от его семьи, не считали нужным даже изобразить скорбь.

«Какой печальный уход», – подумалось Джейку.

Согласно распоряжениям Сета, никаких хвалебных речей не произносилось. Говорил только пастор, хотя нетрудно было заметить, что, даже если бы собравшимся предложили выступить, желающие вряд ли нашлись бы. Пастор завершил церемонию по-марафонски длинной молитвой, явно предназначенной для того, чтобы убить время. Через двадцать пять минут после начала службы он объявил об ее окончании и предложил всем перейти на расположенное рядом кладбище, чтобы присутствовать при погребении.

За пределами церкви Джейку удалось уклониться от встречи со Стиллменом Рашем и его коллегами. Едва не налетев на стоящего неподалеку человека в деловом костюме, он извинился.

– Простите, я ищу Рассела Эмбурга.

– Вон он. – Человек вежливо указал рукой.

Рассел Эмбург стоял в десяти футах от Джейка и, прикуривая, услышал, что тот им интересуется. Они обменялись крепким рукопожатием и представились друг другу.

– Не мог бы я минутку поговорить с вами наедине?

Мистер Эмбург чуть пожал плечами:

– Разумеется, а в чем дело?

Толпа начала медленно дрейфовать в сторону кладбища. У Джейка не было намерения присутствовать на погребении, он находился здесь с другой миссией. Когда они с Эмбургом отошли достаточно далеко, чтобы никто не мог их услышать, он сообщил:

– Я адвокат из Клэнтонна, с мистером Хаббардом знаком не был, но вчера получил от него письмо. Письмо и завещание, в котором он назвал вас своим душеприказчиком и исполнителем последней воли. Нам с вами необходимо переговорить как можно скорее.

Зажав сигарету в уголке рта, Эмбург внимательно посмотрел на Джейка, потом огляделся по сторонам, желая убедиться, что рядом никого нет.

– Что за завещание? – выдохнув дым, поинтересовался он.

– Рукописное, датировано прошлой субботой. Мистер Хаббард явно обдумал свою смерть заранее.

– Тогда он совершенно очевидно был не в своем уме.

Эмбург ухмыльнулся, и Джейк услышал первые звуки бряцания оружием предстоящей войны. Такого ответа он не ожидал.

– Посмотрим. Думаю, правомочность завещания будет установлена позднее.

– Мистер Брайгенс, когда-то давно, до того как нашел честную работу, я тоже был адвокатом, и правила игры мне известны.

Джейк мыском туфли отшвырнул камешек и осмотрелся. Авангард маленькой процессии уже достиг ворот кладбища.

– Так мы можем поговорить?

– Что написано в завещании?

– Сейчас я вам этого сказать не могу. Сообщу завтра.

Эмбург чуть запрокинул голову и посмотрел на кончик своего носа.

– Насколько вы осведомлены о бизнесе Сета?

– Можно сказать, ни насколько. В завещании сказано, что вам известно все о его имуществе и денежных обязательствах.

Эмбург снова ухмыльнулся и сделал несколько шагов.

– Никаких денежных обязательств нет, мистер Брайгенс. Только доходы, причем большие.

– Прошу вас, давайте встретимся и поговорим. Все тайны все равно вот-вот выйдут наружу, мистер Эмбург, мне просто нужно знать, куда все это ведет. По условиям завещания вы являетесь исполнителем его последней воли, а я – адвокатом по делам о его наследстве.

– Это не похоже на правду. Сет ненавидел клэнтонских адвокатов.

– Да, и недвусмысленно высказался об этом в записке. Если бы мы смогли встретиться утром, я бы с удовольствием показал вам копию завещания и пролил некоторый свет на события.

Эмбург снова двинулся к кладбищу, и Джейк поплелся за ним. У ворот их ждал Оззи. Эмбург остановился.

– Я живу в Темпле. На Автостраде, дом пятьдесят два, к западу от города есть кафе. Давайте встретимся там в половине восьмого утра.

– Хорошо. Как называется кафе? – поинтересовался Джейк.

– «Кафе».

– Понял.

Не сказав больше ни слова, Эмбург исчез. Джейк посмотрел на Оззи, в недоумении покачал головой и кивнул в сторону парковки. На кладбище они идти не собирались. На сегодня Сета Хаббарда с них было довольно. Для них прощальная церемония завершилась.

Двадцать минут спустя, ровно в 4.55, Джейк вбежал в приемную Канцелярского суда и улыбнулся Саре.

– Где ты был? Я же жду! – сердито выпалила она.

– Еще нет даже пяти, – так же поспешно ответил он, расстегивая молнию портфеля.

– Да, но мы заканчиваем в четыре, во всяком случае, по вторникам. В понедельник работаем до пяти. По средам и четвергам – до трех. А если ты застанешь нас здесь в пятницу, считай, тебе повезло.

Сара тараторила без умолку. После двадцати лет ежедневной пикировки с адвокатами она отточила свои остроты до автоматизма.

Джейк выложил бумаги на стойку перед ней.

– Мне нужно открыть для утверждения наследство мистера Сета Хаббарда.

– По завещанию или без?

– О, завещание имеется, и не одно. Тут-то и зарыт корень всех веселых проблем.

– Так он не убил себя?

– Тебе чертовски хорошо известно, что он убил себя, поскольку ты работаешь в доме, где рождаются все слухи и ничто не хранится в секрете.

– Я оскорблена, – притворно возмутилась Сара, ставя печать на ходатайство. Потом, перелистав несколько страниц, улыбнулась: – О, какая прелесть, завещание, написанное от руки. Подарок для юриста.

– Угадала.

– И кто получит все?

– На моих устах печать. – Джейк шутливо закатил глаза и достал из портфеля новые бумаги.

– Ну, мистер Брайгенс, на твоих устах, может, и печать, а вот на этой папке с судебным делом, разумеется, нет. – Она несколько театрально проштамповала остальные документы. – Отныне это – официально открытые сведения, согласно законам нашего великого штата, если, конечно, у тебя нет письменного ходатайства о том, чтобы и на них наложить печать секретности.

– Такого ходатайства у меня нет.

– Отлично. Значит, мы имеем право открыто обсуждать всю эту грязь. Там ведь есть какая-то грязь, правда?

– Не знаю. Я пока еще только копаю. Послушай, Сара, сделай мне одолжение.

– Все, что пожелаешь, детка.

– Начались гонки: кто быстрее добежит до суда. Я только что победил. Скоро, возможно, завтра, здесь должны появиться два или три напыщенных адвоката в темных костюмах, которые вручат тебе свое ходатайство об открытии наследства мистера Хаббарда. Более чем вероятно, что они прибудут из Тьюпело. Видишь ли, существует еще одно завещание.

– Как я это обожаю!

– Я тоже. Конечно, я не требую сообщать им, что они финишировали вторыми, но забавно понаблюдать за их лицами. Ну как?

– Жду не дождусь.

– Прекрасно. Покажи им мою папку, посмейся, а потом позвони мне и дай полный отчет.

Но до завтра, пожалуйста, помолчи.

– Все сделаю, Джейк. Это может быть действительно весело.

– Если все пойдет так, как я предполагаю, дело не даст нам скучать весь следующий год.

Как только он ушел, Сара прочла собственноручное завещание Сета Хаббарда, приложенное к ходатайству, после чего созвала остальных служащих канцелярии, которые тоже прочли его. Чернокожая женщина из Клэнтонна сказала, что никогда не слышала ни о какой Летти Лэнг. Похоже, и Сета Хаббарда здесь никто не знал.

Они немного поболтали, но было уже пять часов, и каждый куда-то спешил. Папку водворили на положенное место, свет погасили, и служащие моментально отключились от всего, что касалось работы. Свои предположения они обсудят завтра и уж тогда докопаются до сути.

Если бы ходатайство было подано утром, то к полудню уже все в здании суда повторяли эту эту новость, а к концу дня – весь город. А так слухи откладывались, но ненадолго.

Симеон Лэнг пил, но не был пьян – разница зачастую выглядела смутно, однако семья умела различать два эти состояния. «Пил» означало, что он в определенной мере контролировал поведение и не был опасен: медленно цедил пиво, глядя в одну точку остекленным взглядом, и с трудом ворочал языком. А вот когда он бывал по-настоящему пьян, для домашних наступали тяжелые времена: приходилось убегать из дома и прятаться за деревьями. Но иногда, надо отдать должное, Симеон был трезв как стеклышко, и такое состояние предпочитал даже он сам.

После трех недель, проведенных за рулем, в течение которых он колесил по всему Глубокому Югу, перевозя груды металлолома, Симеон вернулся с нетронутым чеком и ясным взглядом. Он не рассказал, где был и что делал – никогда не рассказывал, – но старался демонстрировать миролюбие. Однако уже через несколько часов, устав наткаться на бесчисленных домочадцев, слушать Сайпрес и выдерживать упреки жены, он съел сандвич, вышел во двор с набитым пивными банками переносным холодильником и обосновался под деревом позади дома, где мог спокойно сидеть вдали от всех, наблюдая за редко проезжающими машинами.

Возвращение всегда означало борьбу. А здесь, на открытом воздухе вблизи дороги, он часами мечтал о новой жизни где-нибудь в другом месте, всегда представляя, как остается один и никто его не беспокоит. Тысячу раз Симеон испытывал искушение, не вылезая из машины, возить и возить грузы до места назначения, никогда не сбавляя скорости.

Его отец бросил беременную жену и четверых детей, когда Симеон был еще ребенком, и больше они о нем не слышали. Дни напролет Симеон и его старший брат сидели на крыльце и ждали отца, скрывая слезы. Повзрослев, он возненавидел папашу и ненавидел до сих пор. Но теперь и у него появилось острое желание убежать. Его дети гораздо старше, чем он был тогда, – выживут как-нибудь.

За рулем он нередко задавался вопросом: что привязывает его к дому? Он ненавидел жить в тесной, кишасей людьми съемной халупе с тещей, двумя дрянными внуками, которых он не просил, и женой, которая постоянно пилит. За двадцать лет совместной жизни Летти сто раз угрожала ему разводом. Чудо, что они еще не расстались.

«Хочешь разрыва, будет тебе разрыв», – подумал он, делая большой глоток. Но это он тоже говорил уже раз сто.

Почти стемнело, когда Летти вышла из дома в задний дворик и по траве направилась к его дереву. Он сидел на одном из непарных садовых стульев, положив ноги на старую клеть из-под молочных бутылок. Рядом стояла емкость со льдом. Он предложил ей сесть, но она отказалась.

– Надолго ты приехал? – тихо спросила Летти, глядя, как и Симеон, на дорогу.

– Я только вернулся, а ты уже рада меня спровадить?

– Я не это имела в виду, Симеон. Просто интересно.

Он не собирался отвечать, поэтому в очередной раз приложился к пивной банке. Они редко оставались вдвоем, а когда оставались, не могли вспомнить, как это – беседовать друг с другом.

По дороге медленно проехала машина. Они, как замороженные, проводили ее взглядами.

– Наверное, завтра я потеряю работу, – сообщила Летти. – Я говорила тебе, что мистер Хаббард убил себя, а его семья не желает видеть меня в доме после завтрашнего дня?

У Симеона возникли смешанные чувства. С одной стороны, он ощутил свое превосходство, поскольку ему снова предстояло стать главным кормильцем, хозяином в доме. Ему очень не нравился вид, который Летти напускала на себя, когда зарабатывала больше него. Ненавидел ее ворчание и нытье, когда он оставался без работы. Хотя служила всего-навсего домработницей, она порой становилась надменной, кичась тем, что белый человек ей безраздельно доверяет. Но семья нуждалась в деньгах, и то, что у нее теперь не будет жалованья, неизбежно грозило бедами.

– Мне очень жаль, – выдавил он с трудом.

Снова наступила долгая пауза. Они слышали голоса и шумы, доносящиеся из дома.

– От Марвиса ничего? – спросил он наконец.

– Нет, вот уже две недели ни одного письма, – ответила она, опустив голову.

– А ты ему писала?

– Я пишу каждую неделю, Симеон, ты же знаешь. А когда ты писал ему в последний раз?

Симеон вскипел, но сдержался. Он гордился тем, что приехал домой трезвым, и не желал портить себе настроение ссорой. Марвис Лэнг, двадцати восьми лет от роду, отсидел уже два года, но впереди оставалось еще минимум десять. Торговля наркотиками, вооруженное нападение...

Какая-то машина приблизилась к дому и замедлила ход. Потом поехала еще медленнее, словно водитель не был уверен, туда ли попал. Еще несколько футов, и машина свернула на их подъездную дорожку. Было еще достаточно светло, чтобы разглядеть этот странный экземпляр явно иностранного происхождения и притом красный.

Когда мотор перестал урчать, из машины вышел молодой человек, белый, один, в белой рубашке с приспущенным галстуком. В руках – ничего. Сделав несколько шагов, он остановился в нерешительности, будто не знал, где находится.

– Сюда, – позвал Симеон.

Мужчина замер, словно испугался: из-за дерева он их не заметил. Осторожно перейдя маленький палисадник, он произнес громко, так, чтобы его услышали:

– Я ищу миз Летти Лэнг.

– Я здесь, – отозвалась Летти.

Он подошел поближе.

– Здравствуйте, меня зовут Джейк Брайгенс. Я адвокат из Клэнтонна, и мне надо поговорить с Летти Лэнг.

– Вы были сегодня на похоронах, – вспомнила она.

– Да, был.

Симеон нехотя встал, и все трое неловко обменялись рукопожатиями. Предложив гостю пива, Симеон вернулся в прежнюю позицию. От пива Джейк отказался, хотя с удовольствием выпил бы, но он здесь по делу.

– Наверняка вы не просто проезжали мимо нашего маленького закоулочка, – спокойно заметила Летти.

– Нет, не просто.

– Брайгенс, – задумчиво повторил Симеон, потягивая пиво. – Это не вы представляли в суде Карла Ли Хейли?

Вот и оно, средство, действующее безотказно, во всяком случае, при общении с черными.

– Да, я, – скромно ответил Джейк.

– Я так и подумал. Отличная работа. Великолепная.

– Спасибо. Послушайте, вообще-то я здесь по делу, и мне нужно поговорить с Летти... понимаете, с глазу на глаз. Без обид, пожалуйста, но я должен сообщить ей кое-что конфиденциально.

– Что именно? – смущенно спросила Летти.

– И почему с глазу на глаз? – поинтересовался Симеон.

– Потому что так велит закон, – ответил Джейк, немного лукавя.

Закон здесь совершенно ни при чем. Немного смущенный, Джейк начал осознавать, что его оглушительная новость, вероятно, не такая уж и секретная. Без сомнения, Летти все расскажет мужу, как только Джейк отъедет от их дома. Последняя воля и завещание Сета Хаббарда теперь представляли собой открытую информацию и в течение ближайших суток станут объектом пристального изучения со стороны всех юристов города. Какие уж тут приватность и конфиденциальность?

Симеон сердито запустил в дерево пивной банкой, по стволу растекся ручеек пены.

– Ну ладно, ладно, – прорычал он.

Вскочив на ноги, Симеон изо всех сил толкнул ногой молочную клеть. Вытащив из ледника новую банку, он зашагал прочь, бормоча ругательства. Тень поглотила его, когда он зашел за деревья, вне всякого сомнения, наблюдая и прислушиваясь.

– Извините нас, мистер Брайгенс, – прошептала Летти.

– Никаких проблем. Послушайте, миз Лэнг, нам с вами нужно как можно скорее обсудить одно дело. Желательно завтра в моем офисе. Это касается мистера Хаббарда и его завещания.

Летти закусила нижнюю губу и уставилась на Джейка широко открытыми глазами. Ее взгляд словно говорил: скажите больше.

– За день до самоубийства, – продолжил Джейк, – мистер Хаббард написал новое завещание и послал его по почте так, чтобы я получил письмо после его смерти. Похоже, оно имеет юридическую силу, но я уверен: семья будет его опротестовывать.

– Я упомянута в завещании?

– Безусловно. В сущности, внушительную часть своего имущества он оставил именно вам.

– О Господи!

– Да. Он хотел, чтобы я выступил адвокатом по делу о его наследстве, и я уверен, что это распоряжение тоже будет опротестовано. Вот почему нам необходимо поговорить.

– Боже праведный, – прикрыв рот ладонью, пробормотала Летти.

Джейк посмотрел на дом. Свет из окон пробивался сквозь темноту. Какая-то тень шевельнулась неподалеку: вероятно, Симеон ходил вокруг. Джейку вдруг очень захотелось запрыгнуть в свой старенький «сааб» и поскорее убраться отсюда назад, в цивилизованный мир.

– Сказать ему об этом? – спросила Летти, кивая в сторону тени.

– Это как вы решите. Я бы сам посвятил его, но слышал, что он выпивает, и не знал, в какой он сейчас форме. Но, честно говоря, миз Лэнг, он – ваш муж, и ему следовало бы прийти завтра вместе с вами. Но только если он будет в хорошей форме.

– Он будет в хорошей форме, обещаю.

– Завтра после полудня в любое время. Я буду ждать вас в своем офисе. – Джейк вручил ей визитку.

– Мы придем, мистер Брайгенс. И спасибо, что приехали.

– Все это очень серьезно, миз Лэнг, я чувствовал, что обязан встретиться с вами. Нам предстоит провести вместе много времени, борьба будет тяжелой.

- Боюсь, я не вполне поняла.
- Знаю. Завтра я вам все объясню.
- Спасибо, мистер Брайгенс.
- Спокойной ночи.

7

После быстрого позднего ужина, состоящего из жареного сыра и томатного супа, Джейк и Карла убрали со стола, помыли посуду (посудомоечной машины у них не было) и, наконец, устроились в гостиной, которая начиналась сразу же за кухней, в каких-нибудь шести футах от обеденного стола. Три года (с лишком), проведенные в тесном помещении, требовали постоянной смены приоритетов и установок, равно как и предусмотрительности в поведении, чтобы не вызывать взаимного раздражения.

Очень помогало в этом присутствие Ханны. Маленькие дети равнодушны к материальной стороне жизни, которая так заботит взрослых. Пока оба родителя души в них не чают, остальное для них вообще не имеет значения. Карла занималась с дочерью правописанием, Джейк читал ей книжки. Они проводили вечера вместе, попутно просматривая газеты и новости по кабельному телевидению.

Ровно в 8.00 Карла искупала дочку, и спустя полчаса папа и мама вместе ласково уложили ее в постель. Когда они наконец остались вдвоем, то, укрывшись одним пледом, устроились на шаткой тахте.

– Ну, давай колись. Что случилось? – поинтересовалась Карла.

Джейк, листаящий спортивный журнал, ответил:

– Что ты имеешь в виду?

– Не строй из себя дурачка. Что-то происходит. У тебя новое дело? Новый клиент, который может прилично или даже очень щедро заплатить и спасти нас от нищеты? Ну, пожалуйста...

Джек скинул на пол плед и вскочил на ноги.

– Вообще-то, моя дорогая, есть вероятность, что мы вот-вот положим нищету на обе лопатки.

– Я знала! Я всегда знаю, когда ты подписываешь договор на хорошенькую автомобильную аварию. Ты становишься нервным.

– Это не автомобильная авария, – возразил Джейк, шаря в портфеле. Достав из него файл с несколькими бумажками, он вручил его жене. – Это самоубийство.

– Ах, это...

– Да, это. Вчера вечером я рассказал тебе о кончине мистера Сета Хаббарда, но... умолчал о том, что накануне смерти он вдруг составил завещание, послал его в мою контору и назначил меня адвокатом по делу о своем наследстве. Сегодня в конце дня я подал заявку на его утверждение. Теперь это стало достоянием гласности, так что я могу тебе все рассказать.

– Ты никогда не видел этого человека?

– Никогда.

– И сегодня днем присутствовал на похоронах человека, которого никогда не видел?

– Правильно.

– Но почему он выбрал именно тебя?

– Благодаря моей блестящей репутации. Вот, пожалуйста, прочти его завещание.

– Но оно же написано от руки – Клара бросила беглый взгляд на бумагу.

– Как видишь.

Джейк снова уселся на тахту, прижавшись к жене, и внимательно наблюдал за ней, пока она читала две странички завещания. По мере того как углублялась Карла в текст, у нее открывался рот, а глаза расширялись от изумления. Дойдя до конца, она посмотрела на Джейка в изумлении.

– «Да сгинут они в муках, как я»? Какой мерзавец, – пробормотала она.

– Скорее всего да. Я его не знал, но Гарри Рекс, который представлял интересы его жены при втором разводе, придерживается не слишком высокого мнения о нем.

– Большинство людей придерживаются не слишком высокого мнения о Гарри Рексе.

– Это правда.

– А кто такая Летти Лэнг?

– Его чернокожая домоправительница.

– О боже, Джейк! Это же скандал.

– Надеюсь.

– У него было много денег?

– Ты же читала: «Наследство мое весьма существенно». Оззи знал его и склонен согласиться с этим. Утром я еду в Темпл на встречу с мистером Расселом Эмбургом, душеприказчиком, так что к середине дня буду знать гораздо больше.

– А оно имеет юридическую силу? – Карла помахала двумя листками. – Ты можешь защищать такое завещание?

– О да. «Завещания и наследства», статья сто первая. Профессор Роберт Уимз с юридического факультета «Оле Мисс» учил этому студентов пятьдесят лет. Он поставил мне высший балл. Если каждое слово написано рукой покойного, им проставлены дата и собственноручная подпись, это юридически действительное завещание. Не сомневаюсь, дети мистера Хаббарда его опротестуют, но тут-то и начнется самое интересное.

– Почему он оставил практически все чернокожей экономке?

– Наверное, ему нравилось, как она убирала в доме. Не знаю. Может, она делала не только уборку.

– Что ты имеешь в виду?

– Он был болен, Карла, умирал от рака легких. Подозреваю, Летти Лэнг заботилась о нем во многих смыслах. Очевидно, что он очень хорошо к ней относился. Его дети поднимут вой, станут вопить о злоупотреблении влиянием, будут стараться доказать, что она втерлась к нему в доверие, нашептывала ему на ухо, а может, и более того. Но решать будет жюри.

– Это будет суд с участием присяжных?

– О да. – Джейк мечтательно улыбнулся.

– Ну и ну. Кто уже знает об этом?

– Я подал заявку сегодня в пять часов, так что сплетни еще не начались. Но, думаю, к девяти утра все здание суда будет взбудоражено.

– Да так, что с него крышу снесет, Джейк. Состоятельный белый человек лишает наследства собственную семью, оставляет все своей черной экономке, а потом вешается. Ты шутишь?

Он не шутил. Карла еще раз перечитала завещание, пока муж, закрыв глаза, представлял себе будущий процесс. Закончив читать, она положила листки на пол и обвела взглядом комнату.

– Просто ради любопытства, дорогой... Как исчисляется твой гонорар в таком деле, как это? Прости, что спрашиваю. – Она обвела рукой узкую комнату, обставленную мебелью с блошиного рынка, дешевые книжные полки, прогнувшиеся от чрезмерной тяжести, псевдоперсидский ковер, подержанные шторы, стопку журналов на полу – обшарпанное жилище съемщиков, обладающих вкусом, но не имеющих средств доказать это.

– Что? Хочешь норку получше? Может быть, двухэтажную или сдвоенную?

– Не подкалывай меня.

– Гонорар может быть весьма солидным, но об этом я еще не думал.

– Солидным?

– Конечно. Гонорар зависит от содержания работы, количества оплачиваемых часов, от чего-то еще, о чем мы пока мало что знаем. Адвокат по делам о наследстве должен каждый день отмечать рабочие часы, за которые он и получает плату. Для нас это неслыханно. Все

гонорары должны утверждаться судьей, в данном случае это наш дорогой друг его честь Рубен Этли. Поскольку он знает, что мы умираем с голоду, возможно, проявит к нам милосердие. Большое наследство, куча денег, бурно опротестовываемое завещание – и, даст бог, мы сумеем избежать банкротства.

– Куча денег?

– Дорогая, это просто фигура речи. На данном этапе нам не следует проявлять алчность.

– Не надо говорить со мной покровительственно. – Карла посмотрела в заблестевшие глаза голодного адвоката.

– Ладно.

Но Карла уже мысленно паковала ящики, готовясь к переезду. Такую же ошибку она совершила годом раньше, когда юридическая контора Джейка Брайгенса занималась делом молодой четы, новорожденный ребенок которой умер в мемфисской больнице. Много сулившее дело о преступной халатности врачей увяло при тщательном изучении экспертных выводов, и Джейку не оставалось ничего иного, кроме как заключить сделку за весьма скромный гонорар.

– Ты ездил повидаться с Летти Лэнг? – спросила Карла.

– Да. Она живет за Бокс-Хиллом, в коммуне, которая называется Маленькая Дельта. Там почти нет белых. Ее муж – пьяница, он то появляется, то исчезает. Я не заходил в дом, но у меня создалось впечатление, что там полно народу. Я проверил в реестре – он им не принадлежит. Это дешевый маленький съемный дом, похожий...

– Похожий на эту дыру, да?

– Похожий на наш дом. Вероятно, сооружен тем же третьесортным застройщиком, который наверняка уже разорился. Но нас здесь три человека, а их там, наверное, с дюжину.

– Она приятная?

– Довольно приятная. Мы поговорили очень коротко. У меня создалось впечатление, что она – типичная для здешних мест чернокожая женщина, у которой полный дом детей, приходящий муж, минимально оплачиваемая работа и тяжелая жизнь.

– Весьма жесткая характеристика.

– Зато очень точная.

– А внешне она привлекательна?

Джейк начал под пледом массировать ее правую лодыжку.

– Не могу сказать наверняка, – подумав с минуту, ответил он, – уже темнело, и я спешил. Ей лет сорок пять, она явно в хорошей форме и определенно не уродлива. А почему ты спрашиваешь? Думаешь, за завещанием мистера Хаббарда стоит секс?

– Секс? Кто сказал секс?

– Но ведь это именно то, о чем ты подумала: не втерлась ли она к мистери Хаббарду в завещание именно таким образом?

– Ладно, я действительно так подумала, и об этом будет к завтрашнему дню судачить весь город. Да на этом деле крупными буквами написано: «Секс». Он умирал, она за ним ухаживала. Кто знает, чем они там занимались?

– А у тебя грязные мыслишки. Мне нравится...

Его рука заскользила к ее бедру, но резко остановилась: телефон зазвонил так неожиданно, что они даже испугались. Джейк прошел на кухню, снял трубку, поговорил и дал отбой.

– Это Несбит, он возле дома, – сообщил Джейк и, взяв сигару и коробок спичек, вышел на улицу.

В конце короткой подъездной дорожки, возле почтового ящика, он раскурил сигару и выпустил облачко дыма в холодный вечерний воздух. Минуту спустя в конце улицы из-за угла показалась патрульная машина. Медленно подкатив, она остановилась возле Джейка. Грузный помощник шерифа Майк Несбит с трудом выбрался из салона.

– Добрый вечер, Джейк, – произнес он и закурил сигарету.

– Добрый вечер, Майк.

Какое-то время оба дымили, прислонившись к капоту автомобиля.

– Оззи ничего не раскопал про Хаббарда, – наконец подал голос Несбит. – Он прошерстил весь Джексон и вернулся ни с чем. Похоже, старик держал свои игрушки в другом месте. В этом штате ничего не зарегистрировано, только дом, машины, участок земли и лесосклад с лесопилкой возле Пальмиры. Больше никаких следов. То есть вообще ничего. Ни банковских счетов, ни компаний, ни товариществ. Парочка страховых полисов, как положено, и все. Ходят слухи, что свой бизнес он держал в другом месте, но так далеко мы пока не копали.

Джейк кивнул, продолжая пыхтеть сигарой. На данную минуту в сообщении Несбита для него не было ничего удивительного.

– А что насчет Эмбурга?

– Рассел Эмбург происходит из города Фоли, Алабама, это на юге штата, где-то возле Мобайла. Прежде чем пятнадцать лет назад лишиться практики, служил там адвокатом. Злоупотребление средствами клиентов, но без предъявления обвинения. Никакого криминального досье. Покончив с юриспруденцией, занялся лесным бизнесом, и можно с уверенностью сказать, что именно на этом поприще познакомился с Сетом Хаббардом. Насколько нам известно, дела у него шли хорошо. Понятия не имею, почему он осел в такой дыре, как Темпл.

– Утром я еду в Темпл – спрошу.

– Хорошо.

Мимо прошла пожилая пара с пожилым пуделем. Они на ходу обменялись приветствиями с Джейком и Несбитом. Когда удалились, Джейк выдохнул клуб дыма.

– А об Энсиле Хаббарде, брате, удалось что-нибудь узнать?

– Ни единого проблеска. Ничего.

– Неудивительно.

– Забавно. Я живу здесь всю жизнь и не слышал о Сете Хаббарде. Моему отцу восемьдесят, он тоже провел здесь всю жизнь и тоже никогда не слышал о Сете Хаббарде.

– В округе тридцать две тысячи жителей, Майк. Нельзя знать всех.

– Оззи знает.

Они рассмеялись. Несбит отбросил окурочку на мостовую и потянулся.

– Пора мне домой, Джейк.

– Спасибо, что заехал. Я завтра поговорю с Оззи.

– Да, давай. Пока.

Он нашел Карлу в спальне. Она сидела в кресле и смотрела через окно на улицу. В комнате было темно. Джейк вошел тихо, остановился.

– Джейк, я так устала видеть полицейскую машину перед своим домом, – зная, что он слышит, произнесла Карла.

Он глубоко вздохнул и подошел ближе. Одно неосторожное слово, и разговор может перерасти в ссору.

– Я тоже, – мягко ответил Джейк.

– Чего он хотел? – спросила Карла.

– Да в общем-то ничего, просто поболтали о Сете Хаббарде. Оззи пытался узнать о нем хоть что-то, но почти безрезультатно.

– А разве нельзя было позвонить завтра? Зачем приезжать и парковаться перед нашим домом, чтобы все видели, что Джейк Брайгенс не может провести ни одной ночи без появления полиции?

Джейк прикусил язык и выскользнул из комнаты.

8

Прячась за развернутой газетой, Рассел Эмбург сидел в глубине «Кафе» в отдельной кабинке. Он не был здесь завсегдатаем, да и вообще в маленьком Темпле его мало кто знал. Рассел переехал сюда из-за женщины, своей третьей жены, но они жили затворниками. К тому же он работал на человека, ценящего секретность и осмотрительность, что вполне устраивало и самого Эмбурга.

Рассел занял кабинку в самом начале восьмого, заказал кофе и принялся читать. О завещании или завещаниях Сета Хаббарда он не знал ничего, хоть проработал у того почти десять лет. Мало что было известно ему и о личной жизни Сета.

Он был в курсе большинства активов мистера Хаббарда, но с самого начала понял: босс обожает секретность. Ему самому нравилось играть в эти игры, точить зуб на других и заставлять людей теряться в догадках. Вместе они много разъезжали по юго-востоку страны, когда мистер Хаббард собирал свои владения, но близости между ними не было никогда. С Сетом Хаббардом вообще никто не был близок.

Джейк вошел в «Кафе» ровно в 7.30 и увидел Эмбурга в глубине зала. «Кафе» уже было наполовину заполнено, и Джейк, чужак в этих местах, привлек к себе взгляды посетителей.

Пожав друг другу руки, они с Эмбургом обменялись любезностями. Под впечатлением разговора, произошедшего накануне, Джейк ожидал встретить холодный прием и нежелание сотрудничать, хотя чувства мистера Эмбурга его заботили мало. Сет поручил Джейку сделать определенную работу, и если он примет вызов, то за спиной у него будет стоять суд. Эмбург, однако, вел себя непринужденно и весьма доброжелательно. Поговорив немного о футболе и погоде, он перешел к делу:

– Завещание открыто для утверждения? – спросил он.

– Да, вчера в пять часов дня. Я уехал с похорон в Клэнтон, чтобы успеть в суд до его закрытия.

– Вы принесли копию?

– Принес. – Джейк достал бумаги из кармана. – Вы названы в нем душеприказчиком. Теперь это уже открытый документ, так что я могу передать вам копию.

– Я – бенефициар? – спросил Эмбург.

– Нет.

Эмбург мрачно кивнул, но Джейк так и не понял, ожидал ли он именно такого ответа.

– Значит, я ничего не получаю по завещанию? – повторил вопрос Эмбург.

– Ничего. Для вас это сюрприз?

– Нет. – Эмбург тяжело сглотнул. – Не то чтобы... С Сетом ничему удивляться не приходится.

– То, что он совершил самоубийство, вас тоже не удивило?

– Отнюдь, мистер Брайгенс. Последний год был для него сущим кошмаром. Сет просто устал от боли. Он знал, что умирает. Мы все это знали. Так что, нет, не удивило.

– Посмотрим, что вы скажете, когда прочтете завещание.

Официантка подлетела к их столу и, почти не останавливаясь, быстро доверху наполнила чашки кофе. Эмбург отпил глоток.

– Расскажите о себе, мистер Брайгенс. Как вы познакомились с Сетом?

– А я не был с ним знаком, – ответил Джейк.

Он кратко отглатил историю о том, почему сидит сейчас за этим столом. Эмбург слушал внимательно, время от времени правой рукой проводил по волосам вверх ото лба и обратно, будто несколько густых черных прядей на его круглой голове с лоснящейся макуш-

кой нуждались в постоянном приглаживании. В тенниске, старых брюках цвета хаки и легкой ветровке он скорее напоминал пенсионера, нежели бизнесмена, каким выглядел на похоронах.

– Правильно ли будет предположить, что вы были его самым доверенным лицом? – спросил Джейк.

– Нет. Я даже не понимаю, почему Сет втянул именно меня в эту историю. Могу назвать несколько человек, которые были ему гораздо ближе. – Прервавшись на долгий глоток кофе, он продолжил: – Мы с Сетом не всегда ладили. Я даже, бывало, подумывал уйти от него. Чем больше он зарабатывал, тем рискованнее действовал. Не раз и не два я был почти уверен, что он вознамерился сжечь все свое состояние в феерическом акте банкротства – вместе с незаконными тайными офшорами, разумеется. Он стал абсолютно бесстрашен, и это пугало.

– А теперь, когда мы с вами все равно втянуты в это дело, давайте поговорим о деньгах Сета.

– Конечно. Я расскажу вам то, что известно мне, но всего я не знаю.

– Хорошо, – небрежно произнес Джейк.

Он говорил так, словно они вернулись к обсуждению погоды, хотя вот уже почти двое суток его снедало любопытство, чем же владел Сет. И вот наконец сейчас Джейк должен был услышать ответ. Перед ним не лежал блокнот, не было у него и ручки – только чашка черного кофе на столе.

Эмбург еще раз огляделся по сторонам, но никто к их разговору не прислушивался.

– То, что я вам собираюсь рассказать, малоизвестно. Это не является конфиденциальной информацией, но Сет умел держать свои дела в тайне.

– Эта тайна вот-вот выйдет наружу, мистер Эмбург.

– Я знаю. – Он отпил глоток кофе, словно для заправки, и чуть склонился вперед, к Джейку: – Сет имел кучу денег, и все они были заработаны в последние десять лет. После второго развода он был ожесточен, зол на весь мир, сломлен и в то же время полон решимости делать деньги. Он по-настоящему любил свою вторую жену и, после того как она его бросила, жаждал мести. Для Сета это означало сделать еще больше денег, чем она получила от него при разводе.

– Я хорошо знаком с ее адвокатом.

– Да, такой здоровый толстый парень... Как его звали?

– Гарри Рекс Воннер.

– Гарри Рекс. Я несколько раз слышал, как Сет поносил его на чем свет стоит.

– Не только его, наверное.

– Говорю то, что слышал. Так или иначе, у Сета имелись дом и участок земли, и он заложил их, получив очень внушительную сумму, чтобы купить лесопилку в Алабаме, возле Дотана. Я как раз там работал – торговал лесом. Так мы с ним и познакомились. Он точно угадал время и купил ее дешево. Это было в конце семьдесят девятого года. Цены на фанеру держались устойчиво, и дела у нас шли очень хорошо. После сезона благословенных ураганов, нанесших большой ущерб, спрос на фанеру и древесину подскочил. Сет заложил лесопилку и купил мебельную фабрику в Джорджии, неподалеку от Олбани. Там делали гигантские кресла-качалки, которые можно видеть на передних террасах ресторанов «Гридл» по всему побережью. Он заключил контракт с этой ресторанной сетью, и уже на следующий день мы едва успевали выполнять заказы. Тогда Сет заложил эту фабрику, что-то занял и купил еще одну, в Алабаме, возле Трои. К тому времени он нашел в Бирмингеме банкира, который пытался превратить свой маленький банк во что-то более грандиозное и действовал весьма агрессивно. Они с Сетом объединились, и сделки пошли одна за другой. Он приобретал новые фабрики, новые лесопилки, сдавал в аренду лесные угодья. У Сета был нюх на недооцененные предприятия или те, что испытывали финансовые затруднения, и его банкир редко говорил «нет». Я предостерегал его насчет избытка долгов, но он предпочитал дерзость в делах и не слушал

меня. Ему непременно нужно было что-то доказывать. Он купил самолет, держал его в Тьюпело, чтобы здесь никто ничего не знал, и летал на нем с места на место.

– И все это кончилось благополучно?

– О да! За последние лет десять Сет приобрел с дюжину компаний, преимущественно мебельных предприятий на Юге, из которых иные перевел в Мексику, а также множество лесных складов, лесопилок и тысячи акров лесных угодий. И все это на деньги, взятые под залог. Я упомянул бирмингемского банкира, но были и другие. Чем больше становился размах его дела, тем легче он занимал деньги. Как я уже сказал, порой это начинало пугать, но парень ни разу не прогорел. Он не продавал ничего из того, что приобретал, все сохранял и постоянно искал новые объекты. Сделки и долги стали для Сета своего рода манией. Кто-то играет в карты, кто-то пьет, кто-то не пропускает ни одной женщины, а Сет, приобретая очередную компанию, наслаждался запахом чужих денег. А еще он любил женщин. Ну а потом он, увы, заболел. Около года назад врачи сообщили, что у него рак легких и что ему остался от силы год жизни. Излишне говорить, что он почувствовал себя раздавленным. Ни с кем не посоветовавшись, решил продать все. За несколько лет до того мы нашли в Тьюпело юридическую контору Раша. Там было несколько адвокатов, которым Сет в конце концов решился довериться. Вообще-то он ненавидел адвокатов и выгонял их с такой же скоростью, с какой нанимал. Но фирма Раша убедила его объединить все владения в одну холдинговую компанию. В ноябре прошлого года он продал эту компанию некой финансовой группе в Атланте за пятьдесят пять миллионов долларов и выплатил все долги – тридцать пять миллионов.

– Значит, чистого дохода он получил двадцать миллионов?

– Да. Плюс-минус. Было еще несколько заинтересованных лиц, включая меня. Я владел некоторым количеством акций холдинга, поэтому не остался внакладе и в конце прошлого года отошел от дел. Что сделал Сет с деньгами потом, не знаю, может, закопал на заднем дворе. Он имел и другие доходы, которые размещал за пределами холдинга. У него был небольшой дом в горах Северной Каролины и еще кое-какое имущество. Вероятно, один-два счета в офшорных банках.

– Вероятно?

– Не могу сказать определенно, мистер Брайгенс. Просто исхожу из слухов, которые доносились до меня за эти годы. Как я уже сказал, Сет Хаббард обожал секреты.

– Что ж, мистер Эмбург, вам, как его душеприказчику, и мне, как его адвокату, предстоит отследить все, чем он владел.

– Это не так трудно. Нужно лишь добраться до его конторы.

– И где она?

– В Пальмире, на территории лесного склада. Это была его единственная контора. Там заправляет его секретарша, Арлин. Я говорил с ней в воскресенье вечером. Думаю, она держит все под замком, пока не объявятся адвокаты.

Джейк отпил кофе и попытался осмыслить услышанное.

– Двадцать миллионов долларов, гм... Не думаю, что в округе Форд найдется другой человек, владеющий такой уймой денег.

– Про это, мистер Брайгенс, я ничего сказать не могу – никогда там не жил. Однако заверяю вас: здесь, в округе Милберн, точно нет никого, кто располагал бы хоть малой долей такого состояния.

– Неудивительно, это же сельский Юг.

– Вот именно. И в этом величие истории Сета. Однажды, в возрасте шестидесяти лет, он проснулся и сказал себе: да, меня сломали, но я устал жить сломленным и, черт меня побери, если я что-нибудь не предприму. Первые две сделки ему удалось, и он открыл для себя прелесть использования чужих денег. Свой дом и землю он закладывал раз десять. Несгибаемый человек, кремень!

Официантка принесла овсянку для мистера Эмбурга и омлет для Джейка. Джейк посолил свой омлет, мистер Эмбург добавил в овсянку сахар.

– Он исключил своих детей из завещания? – поинтересовался он.

– Да.

Улыбка, кивок, никакого удивления.

– Вы такого не ожидали? – тем не менее спросил Джейк.

– Я ничего не ожидал, мистер Брайгенс, и меня ничто не удивляет, – самодовольно ответил Эмбург.

– И все же у меня есть для вас сюрприз, – возразил Джейк. – Он исключил из завещания двух своих детей, обеих бывших жен, которые, кстати, ни на что и не могут претендовать. Он исключил всех, кроме своего давно пропавшего брата Энсила, который, вероятно, уже мертв, но если жив, получит пять процентов, и своей церкви – тоже пять процентов. Девяносто же процентов огромного состояния он завещал своей чернокожей домоправительнице Летти Лэнг, работавшей у него последние три года.

Эмбург перестал жевать, прищурился, потом у него отвисла челюсть, а лоб пересекли глубокие морщины.

– Только не говорите, что и это вас не удивило, – победно произнес Джейк и принялся за омлет.

Переведя дух, Эмбург протянул руку ладонью вверх. Джейк достал копию завещания из кармана и вручил ему. Когда Эмбург закончил читать вторую страницу, морщины на его лбу стали глубже словно врезались навеки. Не веря своим глазам, он затряс головой, потом перечитал завещание еще раз и отложил в сторону.

– Кстати, вы, случайно, не знакомы с Летти Лэнг? – спросил Джейк.

– Никогда ее не видел. Я и дома-то Сета не видел, мистер Брайгенс. И не слышал от него ни слова ни о его доме, ни о том, кто там работает. Сет держал свою жизнь словно разложенной по ячейкам, большинство из которых для всех наглухо заперты. А вы знаете эту женщину?

– Вчера впервые увидел. Сегодня днем она приедет ко мне в офис.

Осторожно, кончиками пальцев Эмбург отодвинул тарелку и чашку: завтрак был окончен, аппетит начисто пропал.

– Почему он это сделал, мистер Брайгенс?

– Сам собирался задать вам этот вопрос.

– Но это же, очевидно, не имеет смысла! Именно поэтому с завещанием предстоят большие трудности. Он явно был не в своем уме. А завещание не считается действительным, если завещатель был недееспособен в момент его написания.

– Разумеется, но пока еще ничего не ясно. С одной стороны, он, судя по всему, здраво и тщательно обдумал все, что касалось самоубийства, – все свидетельствует о том, что он прекрасно осознавал свои действия. С другой – трудно объяснить факт, что он оставил все свое состояние домоправительнице.

– Если только она не злоупотребила влиянием на него.

– Уверен, завещание будет опротестовано.

– Не возражаете, если я закурю? – Эмбург сунул руку в карман.

– Нет, пожалуйста.

Он закурил ментоловую сигарету и стряхнул пепел в тарелку с кашей. Мысли металась у него в голове, никак не выстраиваясь в логическую цепочку.

– Не уверен, что у меня хватит духу, мистер Брайгенс, – сказал он наконец. – Может, я и назван душеприказчиком, но это не значит, что должен принять на себя эту обязанность.

– Вы сказали, что когда-то работали адвокатом. Вам это должно было понравиться.

– Я был всего лишь захолустным поденщиком, каких миллионы, и работал в Алабаме, но законы, касающиеся наследственных дел, мало отличаются в разных штатах.

– Это правда – вы не обязаны выполнять роль душеприказчика.

– Кому захочется ввязываться в такие неприятности?

«Мне, например», – подумал Джейк, но не стал говорить это вслух.

Официантка убрала со стола и снова наполнила чашки. Эмбург еще раз прочел завещание и закурил вторую сигарету.

– Итак, мистер Брайгенс, – произнес он, выдохнув дым, – позвольте поразмышлять вслух. Сет упоминает предыдущее завещание, составленное в прошлом году юридической фирмой Раша в Тьюпело. Этих ребят я знаю и могу утверждать, что то завещание было гораздо более пространное, складно написанным и составленным так, чтобы добиться наиболее выгодных налоговых обложений, освобождения от налога на дарение, приемлемых условий передачи имущества через поколение – словом, всего что возможно, чтобы защитить наследство и законно обойти как можно больше налоговых вычетов. Вы следите за моей мыслью?

– Да.

– Затем, в последний момент, Сет пишет свой непродуманный документ, который аннулирует профессионально составленное завещание, оставляет практически все своей черной домоправительнице и подвергает собственное состояние опасности быть съеденным налогами. Понимаете?

– На налоги уйдет около пятидесяти процентов, – согласился Джейк.

– Половина! Она просто будет пущена на ветер. А теперь скажите: похоже это на человека, который мыслит здраво?

Конечно, это было далеко от здравомыслия, но Джейк не собирался отступать ни на шаг.

– Уверен, именно этот аргумент будет предъявлен в суде, мистер Эмбург. Но моя работа состоит в том, чтобы отстоять завещание и исполнить волю моего клиента.

– О, это речь истинного адвоката.

– Благодарю вас. А вы собираетесь все же исполнить обязанности душеприказчика?

– Мне за это заплатят?

– Да, будет назначен гонорар, который подлежит утверждению судьей.

– Сколько времени займет процесс?

– Вероятно, много. Если завещание опротестуют, а похоже, так и будет, мы можем провести в суде много часов, а то и дней. Как душеприказчик вы будете обязаны присутствовать постоянно и выслушивать каждого свидетеля.

– Но, мистер Брайгенс, мне не нравится это завещание. Я не одобряю то, что сделал Сет. Я не видел предыдущее завещание, но, черт возьми, уверен: оно мне понравилось бы больше. Почему я должен защищать эту сляпанную в последний момент на скорую руку и от руки написанную чушь, по которой все отходит не заслуживающей того черной домоправительнице, которая, вероятно, обрела чрезмерное влияние на больного старика? Понимаете, что я имею в виду?

Джейк кивнул и подозрительно нахмурился. После получаса общения с этим человеком он был абсолютно уверен, что не хочет провести предстоящий год в компании с ним. Поменять душеприказчика дело нехитрое, и Джейк не сомневался, что ему удастся убедить судью в необходимости освободить этого типа.

– Полная бессмыслица. – Эмбург еще раз огляделся по сторонам. – Последние десять лет своей жизни Сет вкалывал, как ломовая лошадь, чтобы сколотить новое состояние. Он шел на невероятные риски. Ему повезло. И после этого сложить все к ногам какой-то женщины, которая не имеет к его успеху абсолютно никакого отношения?! Меня от этого тошнит, мистер Брайгенс. Тошнит и вызывает серьезные подозрения.

– Тогда откажитесь от обязанностей душеприказчика, мистер Эмбург. Уверен, суд найдет вам замену. – Джейк взял со стола листки с завещанием, аккуратно сложил по старым сгибам и сунул в карман. – Но не торопитесь, подумайте. Спешки нет.

- Когда начнется война?
- Скоро. Адвокаты из Тьюпело вот-вот объявятся со своим завещанием.
- Будет увлекательно.
- Спасибо, что уделили мне время, мистер Эмбург. Вот моя визитка.

Джейк положил на стол свою визитку, пять долларов в уплату счета и поспешно покинул кафе. Забравшись в машину, он посидел немного, пытаясь собраться с мыслями и сосредоточиться на стоящем двадцать миллионов долларов завещании, которое наверняка будет опротестовано.

Годом ранее Клэнтон гудел сплетнями о процессе, касающемся страхового полиса завода по производству удобрений, который загадочным образом сгорел дотла. Владельцем его являлся сомнительный делец из местных по имени Бобби Карл Лич, ловкач, в чьем багаже не одно сгоревшее здание и не один судебный процесс.

К счастью, Джейк в той тяжбе не участвовал. Он любой ценой избегал каких-либо пересечений с Личем. Но в ходе разбирательства выяснилось, что чистая прибыль Лича составляла около четырех миллионов. На его бухгалтерском балансе не было текущих активов, но когда денежные обязательства были вычтены из авуаров, получилась внушительная цифра чистой стоимости капитала.

Это породило бесконечные дискуссии и споры о том, кто именно самый богатый житель округа Форд. Дебаты начинались ранним утром в кафе вокруг площади, продолжались в барах, где спустя несколько часов собирались банкиры, дальше переходили в здание суда, где адвокаты, сбившись группами в перерывах между заседаниями, преувеличивали последние свидетельства, и наконец, распространялись буквально по всему городу.

Бобби Карл со своими четырьмя миллионами, безусловно, возглавлял список. Там мог стоять клан Уилбэнксов, если бы Люсьен не промотал фамильное состояние десятилетиями раньше. Упоминалось несколько фермеров, но скорее по привычке. У них были «семейные деньги», однако в конце 1980-х это означало, что они владели землей, при этом с трудом находили средства для оплаты счетов.

Человек по имени Вилли Трейнор восемью годами раньше продал «Форд каунти таймс» за полтора миллиона, и ходили слухи, будто он удвоил эту сумму, играя на бирже. Впрочем, слухи про Вилли редко воспринимались всерьез.

Некая девяностовосьмилетняя старуха имела банковских облигаций на шесть миллионов. По мере того как продолжалось это соревнование, в секретариате суда появлялись анонимные списки, которые по факсу вскоре рассылались по всему городу. Эти «реестры» были остроумно озаглавлены «Список Форбс десяти богатейших людей округа Форд». У каждого имелись копии списка, и сплетни распространялись, как пожар. Списки редактировали, детализировали, исправляли, добавляли новые и исключали старые имена и даже беллетризовали, но никогда там не было никаких упоминаний о Сете Хаббарде.

Эти городские спекуляции бурлили несколько недель, пока не иссяк запас горючего. Неудивительно, что своего имени Джейк в этих списках не видел ни разу. Он усмехнулся, представив миз Летти Лэнг и ее предстоящее весьма драматическое вхождение в этот список.

9

В свой последний рабочий день Летти приехала на полчаса раньше обычного в тщетной надежде, что подобная пунктуальность произведет впечатление на мистера Гершела и миссис Дэфо и что они передумают и позволят ей остаться. В 7.30 она припарковала свой старенький двенадцатилетний «понтиак» рядом с пикапом мистера Сета. Мистером Сетом она перестала называть его, по крайней мере, когда они оставались одни, несколько месяцев назад. При посторонних по-прежнему говорила «мистер», но только для виду.

Стиснув руль, Летти тяжело вздохнула при мысли о новой встрече с этими людьми. Им не терпелось уехать как можно скорее. Она слышала, как они жаловались, что вынуждены провести здесь две ночи. Там, у них дома, жизнь рушилась, и им необходимо было поскорее вернуться. Отцовские похороны стали досадной неприятностью. Они презирали весь округ Форд.

Летти почти не спала той ночью: в голове барабанной дробью стучали слова мистера Брайгенса «внушительная часть его имущества». Она ничего не сказала Симеону. Быть может, позднее... А может, предоставит сказать это мистеру Брайгенсу.

Симеон пытался выведать, зачем приезжал адвокат, что сказал, но Летти была слишком ошеломлена и слишком напугана, чтобы объясняться. И как могла она объяснить то, чего не понимала сама? В каком бы смятении ни пребывала, Летти твердо знала одно: нет ничего глупее, чем заранее поверить в благоприятный исход. Она поверит в него только в тот день, когда реально увидит хоть какие-то деньги, и ни минутой раньше.

Дверь, ведущая в кухню из гаража, была не заперта. Летти тихо вошла и прислушалась. В гостиной работал телевизор. На стойке шумела кофеварка. Она покашляла как можно громче и услышала, как кто-то окликнул ее:

– Это вы, Летти?

– Да, – наилюбезнейшим тоном отозвалась она.

Изобразив притворную улыбку, Летти вошла в гостиную и обнаружила там Йена Дэфо, он сидел на диване в пижаме. Обложившись бумагами, увлеченно изучал детали какой-то сделки.

– Доброе утро, мистер Дефо, – произнесла она.

– Доброе утро, Летти, – ответил он с улыбкой. – Как дела?

– Спасибо, хорошо, а у вас?

– Хорошо насколько возможно. Почти не спал всю ночь из-за этого. – Он обвел рукой свои бумаги, словно она могла знать, что в них. – Принесите мне кофе, пожалуйста. Черный.

– Да, сэр.

Когда она принесла кофе, он, снова поглощенный бумагами, взял чашку, не сказав ни слова и даже не кивнув. Вернувшись на кухню, Летти налила и себе кофе, потом открыла холодильник, чтобы достать сливки, и увидела бутылку водки, почти пустую. Раньше она никогда не видела в доме спиртного, Сет его не держал. Раз в месяц он приносил несколько банок пива, клал их в холодильник и, как правило, забывал о них.

Мойка была завалена грязной посудой. Интересно, кто будет загружать для них посудомоечную машину после увольнения служанки? Летти принялась за уборку, но вскоре на пороге появился мистер Дэфо.

– Я пойду в душ. Рамона неважно себя чувствует – наверное, простудилась.

«От холода или от водки?» – подумала Летти.

– Мне очень жаль. Могу я что-нибудь для нее сделать? – спросила она.

– Нет. Но если приготовите ей что-нибудь на завтрак, будет неплохо – яичницу с беконом.

А мне омлет. Что касается Гершела, не знаю.

– Я спрошу у него.

Поскольку они собирались уезжать, а ее уволили, и дом будет заперт, а потом продан, или от него избавятся как-то по-другому, Летти решила освободить кладовку и вымыть холодильник. Она поджарила бекон и колбасу, взбила тесто для оладий, сделала омлет, натерла сыр и подогрела свежие булочки из пекарни – все, что любил Сет.

Стол был уставлен дымящимися тарелками и блюдами, когда вся троица явилась на завтрак, не переставая жаловаться на еду и суету. Тем не менее ели они с аппетитом. Рамона, с опухшими глазами и красным лицом, говорила мало, но, казалось, особенно жаждала утешений.

Атмосфера за столом была напряженной. Судя по всему, они бурно провели ночь: пили и спорили, стараясь пережить последнюю ночь в доме, который ненавидели. Летти несколько минут прислуживала им, как положено, после чего пошла убирать в спальнях, с удовольствием отметив, что вещи у них уже собраны.

Отсюда она слышала, как Гершел и Йен обсуждают встречу с адвокатами. Йен настаивал, мол, удобнее, чтобы адвокаты приехали в дом Сета, а не они трое тащились в Тьюпело.

– Черт возьми, конечно, удобнее, чтобы они приехали сюда, – сказал Йен. – Они будут к десяти.

– Ладно, ладно, – сдался Гершел, и они продолжили разговор, но уже тише.

После завтрака, когда Летти убрала со стола и расставила посуду по местам, все трое переместились в патио, где устроились за садовым столом пить кофе под утренним солнышком. Рамона, похоже, приободрилась. Летти, имеющая большой опыт жизни с пьяницей, догадалась, что миссис Дэфо почти каждое утро начинает медленно. Забыв на время о резкостях, высказанных друг другу ночью, чего бы они ни касались, троица за столом развеселилась, слышался даже смех.

Раздался звонок в дверь. Это пришел слесарь, мастер по замкам из Клэнтонна. Гершел повел его по дому, объясняя громко, чтобы слышала Летти, что они желают установить новые замки на все четыре внешние двери. Когда слесарь приступил к работе, начав с парадной двери, Гершел вошел в кухню.

– Летти, мы ставим новые замки, так что старые ключи больше не нужны.

– У меня никогда не было ключа, – ответила она чуть раздраженно, поскольку уже говорила ему об этом.

– Ну да. – Гершел явно не поверил. – Мы оставим один ключ Кэлвину, который живет в конце дороги, а остальные увезем. Думаю, мне придется время от времени приезжать, чтобы проверять, как тут дела.

«Дело ваше», – подумала Летти.

– Я с удовольствием буду приходить и делать уборку в доме, – отозвалась она, – когда захотите. Кэлвин сможет впускать меня в дом.

– В этом не будет необходимости, но спасибо за предложение. В десять часов мы здесь встречаемся с адвокатами, приготовьте нам свежий кофе. Потом мы разъедемся по домам. Боюсь, после этого ваши услуги нам больше не понадобятся, Летти. Простите, но папина смерть все меняет.

– Я понимаю, – ответила она и стиснула зубы.

– С какой периодичностью он вам платил?

– Каждую пятницу за сорок часов.

– И в прошлую пятницу он вам заплатил?

– Да.

– Значит, мы должны вам за понедельник, вторник и половину сегодняшнего дня, так?

– Наверное.

– По пять долларов за час.

– Да, сэр.

– Никак не могу поверить, что он платил вам так много, – бросил Гершел, открывая дверь и выходя во внутренний дворик.

Летти снимала постельное белье, когда прибыли адвокаты. Несмотря на темные костюмы и серьезные лица, их вполне можно было принять за Санта-Клаусов, раздающих игрушки из подарочных мешков детям, которые весь год хорошо себя вели. Перед тем как они подкатили к дому, Рамона – на высоких каблуках, в жемчугах и платье, гораздо более симпатичном, нежели то, в котором она присутствовала на похоронах, – успела раз десять выглянуть в окно, выходящее на подъездную аллею. Йен, в костюме и при галстуке, мерил шагами гостиную, то и дело поглядывая на часы. Гершел, впервые с момента приезда чисто выбритый, постоянно мотался на кухню и обратно.

За последние три дня Летти услышала достаточно, чтобы понять: брат и сестра возлагают очень большие надежды на завещание отца. Им не было известно, сколько денег держал старый Сет в банке, но они догадывались: там что-то есть, для этого им проницательности хватало. И все это сваливалось на них с неба. По последним соображениями Йена, только дом и земля стоили минимум полмиллиона. А ведь есть еще лесной склад и бог знает что еще.

Они собрались в гостиной: адвокаты и три потенциальных бенефициара, все подобающим образом одетые, с безупречными манерами и в отличном настроении. Служанка, в своем лучшем белом форменном платье, подала кофе, пирог и ретировалась в укрытие – слушать.

Для начала адвокаты выразили глубокие соболезнования. Они несколько лет были знакомы с Сетом и всегда восхищались им. Какой человек! Видимо, адвокаты имели о Сете более высокое мнение, чем его собственные дети, но в данный момент дети не возражали. Гершел и Рамона на протяжении этого первого действия исполняли свои роли хорошо, даже, можно сказать, превосходно. Йена эти предварительные церемонии, казалось, утомляли, он горел желанием перейти к делу.

– У меня идея, – начал Гершел. – Не исключено, что в доме есть уши. Сегодня прекрасный день, давайте выйдем в патио, где можно поговорить более, я бы сказал, конфиденциально.

– Да брось, Гершел, – возразила было Рамона, но Йен уже встал со стула.

Они плотной группой проследовали через кухню в патио, где расселись за садовым столом. Часом ранее, предвидя подобный оборот событий, Летти приоткрыла окно в ванной комнате и теперь, сидя на бортике ванны, могла слышать все даже лучше, чем если бы они остались в гостиной.

Мистер Льюис Макгвайр открыл тяжелый портфель, достал из него папку, передал каждому по копии документа и начал:

– Наша фирма составила это завещание для вашего отца год назад. Здесь много штампованных формулировок, вы уж простите, но таковы официальные требования.

– Подробно я прочту позднее. Пожалуйста, скажите главное, – попросила явно нервничавшая Рамона.

– Хорошо, – согласился мистер Макгвайр. – Опуская все лишнее: каждый из вас – Гершел и Рамона – получает по сорок процентов от всего наследства. Часть – сразу, часть будет вложена в доверительные фонды и выплачена поэтапно. Но в любом случае вы наследуете восемьдесят процентов имущества мистера Хаббарда.

– А остальные двадцать?

– Пятнадцать процентов переходит в доверительные фонды на имя внуков, а пять – в качестве прямого пожертвования Ирландской церкви Христианского пути.

– А каково состояние мистера Хаббарда в целом? – поинтересовался Йен.

– Оно весьма солидно, – спокойно ответил Стиллмен Раш.

Когда полчаса спустя Летти принесла им еще один кофейник свежесваренного кофе, настроение за столом решительно изменилось. Нервозность пропала без следа. Тревожное ожидание, подавленность, опасения потерпеть ущерб сменились восторженным головокружением, какое способно вызвать лишь внезапно и незаслуженно обретенное богатство. Они только что выиграли в лотерею, и теперь их единственной заботой оставалось получить выигрыш.

Учитывая, сколько денег витало в воздухе вокруг них, они при появлении Летти тут же словно проглотили языки. Никто не произнес ни слова, пока она разливала кофе. И только когда за ней закрылась кухонная дверь, оживленный разговор возобновился.

Летти слушала и с каждой минутой приходила во все большее замешательство.

Лежащее на столе завещание не только было составлено Льюисом Макгвайром, он был назван в нем и душеприказчиком, то есть на нем лежала ответственность за его утверждение и исполнение. Третий адвокат, мистер Сэм Ларкин, являлся главным деловым советником Сета и, судя по всему, завоевал его полное доверие благодаря достигнутым невероятным успехам.

Ларкин расписывал им сделки Сета одну за другой, потчевал рассказами о его отчаянных подвигах, когда он безрассудно и дерзко – по крайней мере, так казалось – занимал под залог огромные суммы и пускал их в дело. Оказывается, Сет был умнее их всех. От этого увлекательного повествования устал только Йен.

Мистер Макгвайр сказал, что поскольку уж они здесь, в округе Форд, то собираются зайти в окружной суд и оформить документы, необходимые для того, чтобы начать процесс утверждения завещания. Объявление для кредиторов будет опубликовано в окружной газете, чтобы каждый, кому Сет мог быть должен, успел заявить свои претензии в течение девяноста дней. Положа руку на сердце, мистер Макгвайр сомневался, что у Сета найдутся неизвестные кредиторы. Сет знал о своей неминуемой кончине и наверняка уладил все дела, мистер Макгвайр разговаривал с ним менее месяца назад.

– В любом случае, – добавил Стиллмен Раш, – мы считаем, что это будет рутинная процедура, но она займет некоторое время.

«И принесет хороший куш адвокатам», – мысленно добавил Йен.

– Через несколько месяцев мы представим суду официальный бухгалтерский баланс и опись всего имущества вашего отца и его денежных обязательств. Чтобы подготовить их, придется нанять аудиторскую фирму, мы знаем несколько надежных, она все отследит. Все недвижимое имущество необходимо оценить. Всю личную собственность внести в опись. Это довольно долгий процесс.

– Насколько долгий? – спросила Рамона.

Все три адвоката заерзали – обычная реакция, когда требуется выдать точную информацию. Льюис Макгвайр, старший из них, пожал плечами.

– Полагаю, от года до полутора, – ответил он уклончиво.

Йен поморщился при мысли о долгах, которые ему предстояло выплатить в ближайшие полгода. Гершел нахмурился, стараясь, чтобы никто этого не заметил, и напустил на себя вид человека, у которого банковские счета пухнут от денег и он не испытывает финансовых затруднений.

– А почему так долго? – Рамона сердито покачала головой.

– Хороший вопрос, – ответил мистер Макгвайр.

– Благодарю вас.

– Год в таких делах – это совсем недолго. Необходимо проделать большую серьезную работу. Ваш отец имел значительные авуары. Такие наследства редки. Если бы он умер, не оставив ничего, утверждение его завещания можно было завершить через девяносто дней.

– Во Флориде утверждение завещания занимает в среднем два с половиной года, – вставил мистер Ларкин.

– Но здесь не Флорида, – возразил Йен, окинув адвокатов холодным взглядом.

– В законе есть положение о частичном распределении, – поспешно добавил Стиллмен Раш. – То есть вам могут разрешить воспользоваться частью своей доли наследства до официального закрытия завещания.

– Это мне уже больше нравится, – кивнула Рамона.

– Давайте поговорим о налогах, – потребовал Йен. – Каковы примерные цифры?

Мистер Макгвайр откинулся на спинку стула с самоуверенным видом.

– При наследстве такого объема, – улыбнулся он и с довольным видом кивнул, – и отсутствии живой супруги налоги должны быть чудовищные, больше пятидесяти процентов. Но благодаря предусмотрительности мистера Хаббарда и нашей квалификации мы выработали план. – Он потряс копией завещания. Используя кое-какие фонды и иные возможности, мы снизили уровень налогообложения почти до тридцати процентов.

Йену, щелкающему цифры как орехи, не требовался калькулятор. Двадцать миллионов и остаток от чистой ценности активов умершего минус тридцать процентов составят приблизительно четырнадцать миллионов. Сорок процентов из них полагаются его дорогой женошке, так что их доля будет равняться плюс-минус пяти миллионам шестистам тысячам. Причем чистыми, никаких других налогов, поскольку все эти проклятые штатские и федеральные налоги будут уже накинута на наследство.

Йен со своими многочисленными партнерами и компаньонами был должен разным банкам более четырех миллионов, причем половина долгов уже была просрочена.

Пока в голове у Гершела тикал его внутренний счетчик, он поймал себя на том, что проговаривает цифры себе под нос. Несколько секунд спустя он тоже вычислил итог, который равнялся приблизительно пяти с половиной миллионам. Ему так опротивело жить с матерью! И дети... Больше не придется волноваться об их образовании.

На лице Рамоны появилось злобное выражение, и она, одарив мужа язвительной улыбкой, выпалила:

– Двадцать миллионов, Йен! Не так уж плохо для – как ты его называл? – необразованного лесоруба.

Гершел закрыл глаза и вздохнул.

– Будет тебе, Рамона. – Йен попытался образумить жену.

Адвокаты вдруг заинтересовались своими туфлями.

– Да тебе не заработать столько за всю жизнь, – не унималась Рамона, – а папа сделал это за десять лет. И у твоей семьи со всеми банками, которыми она когда-то владела, никогда не было таких денег. Ты не находишь это невероятным, Йен?

У Йена отвисла челюсть. Он ничего не мог сказать и только неотрывно смотрел на нее. Будь они наедине, точно бы вцепился ей в глотку, но на людях...

«Спокойно, – приказал он себе, стараясь совладать с гневом. – Лучше возьми себя в руки, потому что эта самодовольная сука, сидящая в пяти футах от тебя, вот-вот унаследует несколько миллионов. И хотя эти деньги, вероятно, взорвут наш брак, кое-что достанется и тебе».

Стиллмен Раш, закрыв портфель, поспешил завершить встречу:

– Ну, нам пора. Мы заедем по дороге в суд и запустим машину, но вскоре нам понадобится встретиться еще раз, если вы не возражаете.

Еще не закончив говорить, он встал. Ему вдруг нестерпимо захотелось оказаться подальше от этой семейки. Макгвайр и Ларкин тоже вскочили, захлопывая свои портфели и с притворной любезностью произнося формулы вежливости. Они настояли, чтобы никто их не провожал, и почти бегом скрылись за домом.

После их ухода во дворике воцарился вакуум убийственной тишины. Все избегали смотреть друг на друга и ждали, кто заговорит первым. Одно неверное слово могло развязать новую ссору или что-нибудь похуже.

Наконец Йен, самый сердитый, спросил жену:

– Зачем ты все это сказала в присутствии адвокатов?

– Нет, зачем ты это сказал? – не дав ей ответить, вклинился Гершел.

– Потому что я давно уже хотела это сказать, Йен, – проигнорировав брата, рывкнула Рамона. – Ты всегда смотрел на нас свысока, особенно на моего отца, а теперь вдруг начал считать его деньги.

– Разве не все мы их начали считать? – вставил ее брат.

– Заткнись, Гершел, – огрызнулась Рамона, не глядя на него, она не сводила глаз с Йена. – Так знай: теперь я развожусь с тобой.

– Недолго же ты продержалась.

– Да, недолго.

– Эй, ребята, бросьте, – воззвал к ним Гершел. Он не первый раз присутствовал при том, как сестра грозила мужу разводом. – Пойдемте в дом, закончим складывать вещи и поскорее уедем отсюда.

Мужчины медленно поднялись и пошли к дому. Рамона сидела, уставившись вдаль сквозь деревья, которые росли за задним двором, на лес, где играла в детстве. Такой свободы, как сейчас, она не ощущала много лет.

Еще один пирог принесли незадолго до полудня, Летти пыталась отказаться от него, но в конце концов пришлось принять подношение. Она поставила пирог на кухонную стойку, где последний раз драила кастрюли. Дэфо коротко попрощались – просто потому, что не могли уехать без этого. Рамона обещала поддерживать связь и все такое. Летти смотрела, как они садятся в машину, храня гробовое молчание. Им предстояла долгая дорога до Джексона.

В полдень, как было условлено, явился Кэлвин, и Гершел, сидя за кухонным столом, отдал ему один из ключей от нового замка на парадной двери. Кэлвин должен был проверять дом время от времени, стричь траву и убирать листья – все как обычно.

– Итак, Летти, – обратился к ней Гершел, когда Кэлвин ушел, – как я понимаю, мы должны вам за восемнадцать часов по пять долларов в час. Правильно?

– Как скажете.

Облокотившись на стойку, он выписал чек.

– Девяносто долларов, – хмурясь, бормотал Гершел, в который раз сокрушаясь по поводу непомерно высокой оплаты. Вздохнув, он вырвал чек из книжки, передал его Летти. – Ну, вот вам. – Он словно сделал ей щедрый подарок.

– Спасибо.

– И вам спасибо, Летти, за то, что заботились о папе, о доме и вообще. Я знаю, вам сейчас нелегко.

– Я все понимаю, – спокойно ответила она.

– Судя по всему, мы больше никогда не увидимся, но я хочу, чтобы вы знали, как высоко мы ценим то, что вы сделали для нашего отца.

«Какое вранье», – подумала Летти.

– Спасибо, – ответила она вслух.

Когда складывала чек, глаза ее увлажнились.

Повисла неловкая пауза.

– Ну, Летти, – наконец произнес Гершел, – я бы попросил вас уехать прямо сейчас, чтобы я мог запереть дверь.

– Да, сэр.

10

Три элегантно одетых приезжих адвоката, с важным видом следующие через здание окружного суда унылым утром в среду, не могли не привлечь всеобщего внимания, но, похоже, им это было совершенно безразлично. Будь такой адвокат один, можно было бы сказать, что он выполняет некую служебную функцию, но троица означала нечто второе более важное.

Игнорируя местных юристов, служащих и завсегдаев «дворца правосудия», собравшихся в вестибюле, они целеустремленно вошли в приемную Канцелярского суда. Там их встретила Сара, предупрежденная Джейком Брайгенсом, которого, в свою очередь, предупредила Летти Лэнг. Она позвонила еще из дома Сета и сообщила, что адвокатское трио отправилось в Клэнтон.

Стиллмен Раш улыбкой убийцы одарил Сару, которая, жуя жвачку, посмотрела на мужчин как на правонарушителей.

– Мы из юридической фирмы Раша в Тьюпело, – объявил он.

Никто из служащих канцелярии даже не поднял головы. Из радиоприемника лилась тихая музыка.

– Очень рада, – ответила Сара. – Добро пожаловать в Клэнтон.

Льюис Макгвайр открыл свой шикарный портфель и начал доставать бумаги.

– Спасибо, – продолжил Стиллмен. – Нам нужно зарегистрировать заявление об открытии завещания. – Бумаги с шелестом опустились на стойку перед Сарой, которая, продолжая жевать, посмотрела на них, не притрагиваясь.

– Кто умер? – поинтересовалась она.

– Некто по имени Сет Хаббард. – Стиллмен взял на октаву выше, но пока недостаточно громко, чтобы привлечь внимание окружающих.

– Никогда не слышала о таком, – с каменным лицом произнесла Сара. – Он жил в нашем округе?

– Да, возле Пальмиры.

Она наконец взяла бумаги, взглянула на них и нахмурилась:

– Когда он умер?

– В прошлое воскресенье.

– Его уже похоронили?

Стиллмен с трудом сдерживался, чтобы не вспылить.

– А вам это необходимо знать? – Он все же сумел взять себя в руки: они находились на чужой территории и, настроив против себя мелкую судебную сошку, могли создать ненужные проблемы. Сглотнув, он улыбнулся и добавил: – Да, вчера.

– Сет Хаббард?.. Сет Хаббард?.. – Сара закатила глаза, словно пытаясь что-то вспомнить, потом, не оборачиваясь, бросила через плечо: – Ева, кажется, у нас уже что-то было по Сету Хаббарду?

С расстояния тридцати футов, где находилось ее рабочее место, Ева ответила:

– Вчера в конце дня. Новая папка вон там, на полке.

Сделав несколько шагов, Сара выдернула с полки папку и стала просматривать ее. Все три адвоката, застыв, следили за каждым ее движением.

– Ага, вот заявление, – наконец сообщила она, – об открытии завещания мистера Генри Сета Хаббарда, зарегистрировано вчера, в четыре часа пятьдесят пять минут после полудня.

Все три адвоката одновременно открыли рты, желая что-то сказать, но так и не произнесли ни звука. Лишь спустя несколько секунд Стиллмен сумел слабо выдавить:

– Что за черт?

– Я всего лишь зарегистрировала заявление – мое дело маленькое.

– Это открытый документ? – спросил мистер Макгвайр.

– Да.

Сара пододвинула им папку, и три головы тесно сомкнулись над ней. Сара повернулась, подмигнула остальным девушкам и вернулась к своему столу.

Спустя пять минут Рокси сообщила Джейку по интеркому:

– Мистер Брайгенс, здесь какие-то джентльмены хотят встретиться с вами.

С балкона Джейк уже видел, как они, выскочив из здания суда, прошагали к его конторе.

– Им назначено?

– Нет, сэр, но они говорят, это срочно.

– У меня встреча, которая продлится еще полчаса, – сказал Джейк, сидя в совершенно пустом кабинете. – Попросите их подождать, пожалуйста.

Рокси, которой он заранее объяснил задачу, опустила трубку на рычаг и передала посетителям просьбу Джейка. Адвокаты, явно нервничающие, нахмурились, повздыхали и в конце концов решили пойти куда-нибудь выпить кофе.

Уже с порога Стиллмен сделал еще одну попытку:

– Пожалуйста, объясните мистеру Брайгенсу, что это совершенно неотложное дело.

– Я это уже сделала, – ответила Рокси.

– Ну да, спасибо.

Услышав, как громко хлопнула входная дверь, Джейк улыбнулся. Они вернутся, и он с нетерпением ждал встречи. Он обратился к последнему выпуску еженедельника «Форд каунти таймс», выходящему каждую среду рано утром и богатому источнику местных новостей. На первой полосе была напечатана краткая история смерти – «предположительно самоубийства» – мистера Сета Хаббарда.

Корреспондент, повторив общеизвестную информацию, делился собственными изысканиями. Согласно анонимным источникам, некогда мистер Хаббард владел многочисленными предприятиями лесной и мебельной промышленности, а также правами на лесоразработки по всему Югу. Большую часть своего имущества он продал менее года назад. Никто из членов его семьи не откликнулся на звонки корреспондента.

Репортаж сопровождался портретом Сета, но довольно старым. На нем Сет не имел ничего общего с несчастным, висящим на веревке, с жутких снимков, посмертно сделанных сотрудниками Оззи. Но кто был бы похож на себя в таком положении?

Через двадцать минут адвокаты вернулись. Рокси проводила их в совещательную комнату на первом этаже. Стоя у окна, они наблюдали за вялым предобеденным людским движением на площади и ждали. Время от времени обменивались замечаниями, делая это шепотом, словно комната была напичкана «жучками» и их могли подслушать.

Наконец мистер Брайгенс вошел и поздоровался с ними. Последовали вымученные улыбки и сдержанные, хотя и вежливые рукопожатия. Когда все уселись, явилась Рокси и спросила, что они будут пить – кофе или воду. Все отказались, и она исчезла, закрыв за собой дверь.

Джейк и Стиллмен окончили юридический факультет «Оле Мисс» десятью годами раньше, но, хоть и были знакомы во время учебы и часто вместе сидели на занятиях, вращались они в разных кругах. Будущее Стиллмена, пользовавшегося привилегиями обожаемого представителя семьи, владевшей юридической фирмой на протяжении сотни лет, было обеспечено еще до того, как он заключил договор на свое первое дело. Джейк и практически все остальные выпускники вынуждены были начинать с нуля.

К чести Стиллмена, учился он усердно, чтобы доказать свою состоятельность, и окончил университет в десятке лучших. Джейк не намного отставал от него.

После окончания учебы их пути пересеклись всего раз, когда Люсьен поручил Джейку неперспективное дело о дискриминации по половому признаку. Ответчика-нанимателя представляла фирма Раша. Дело закончилось вничью, но в ходе процесса Джейк стал относиться к

Стиллмену с неприязнью. В университете тот вел себя сносно, однако за несколько лет работы в крупной фирме, почувствовав себя большой шишкой, обзавелся непомерным самомнением. Теперь его светлые волосы были длиннее, и, завиваясь, спускались ниже ушей, эффектно контрастируя с черным шерстяным костюмом.

С мистером Макгвайром и мистером Ларкином Джейк раньше не встречался, но об их репутации имел представление, ведь Миссисипи – небольшой штат.

– Чему обязан честью, джентльмены? – начал Джейк.

– Ну, Джейк, думаю, ты уже и сам догадался, – снисходительно заметил Стиллмен. – Вчера я видел тебя на похоронах мистера Хаббарда. Мы прочли его рукописное завещание, так что дополнительных объяснений не требуется.

– Оно во многих отношениях ущербно, – мрачно вставил Льюис Макгвайр.

– Не я его составлял, – коротко бросил Джейк.

– Но ты собираешься защищать его, – заметил Стиллмен. – Стало быть, должен считать завещание действительным.

– У меня нет причин думать иначе. Завещание пришло ко мне по почте. Я как адвокат был назначен завещателем провести процесс его утверждения. Вот и все.

– Но как вы можете защищать такую халтуру? – Сэм Ларкин брезгливо поднял копию завещания.

Джейк, как мог, постарался изобразить презрение к этому надутому индюку из крупной фирмы. Чувствует себя выше остальных, поскольку выписывает счета за почасовую работу и получает по ним большие деньги.

«Значит, по вашему ученому мнению, – мысленно усмехнулся Джейк, – это завещание – «халтура» и, стало быть, не может быть действительным, а все остальные должны выстроиться по стойке «смирно» и согласиться с вашим мнением?»

Не теряя самообладания, Джейк дал первый залп:

– Сидеть здесь и обсуждать достоинства и недостатки рукописного завещания мистера Хаббарда – пустая трата времени. Давайте побережем силы для дебатов в суде.

В конце концов, предстоящий процесс должен был состояться в том суде, где Джейк завоевал какую-никакую репутацию. Мистер Макгвайр составлял завещания, мистер Ларкин готовил контракты, а специализацией Стиллмена, насколько ему известно, была защита «жареных» коммерческих дел, хотя сам он мнил себя агрессивным бойцом судебных баталий.

Зал суда, того суда, что находился по ту сторону площади, был местом, где три года назад он отважно разыграл грандиозную драму – процесс над Хейли. И хотя эти трое никогда того не признают, они тоже издали пристально следили за ней и, как все адвокаты в штате Миссисипи, зеленели от зависти, наблюдая за великолепной работой Джейка.

– Могу ли я поинтересоваться характером твоих отношений с Сетом Хаббардом? – вежливо спросил Стиллмен.

– Я никогда не был знаком с этим человеком. Он умер в воскресенье, а его завещание появилось в моей почте в понедельник.

Эта информация их поразила. Гостям потребовалось время, чтобы осознать ее. Джейк решил еще немного надавить.

– Должен признаться, никогда раньше не вел дела о наследстве, – сказал он. – Не сомневаюсь, у вас есть множество копий предыдущего завещания, которое ваша фирма составила в прошлом году. Наверное, вы откажетесь предоставить мне одну из них, или нет?

Они заерзали и обменялись взглядами.

– Видишь ли, Джейк, – ответил за всех Стиллмен. – Если бы это завещание было принято к рассмотрению, тогда оно стало бы публичным достоянием и мы бы предоставили тебе копию. Однако, поскольку другое завещание уже зарегистрировано, мы свое не предъявляли, поэтому оно остается конфиденциальным документом.

– Что ж, справедливо.

Гости продолжали нервно посматривать друг на друга. Было ясно: они не знают, что делать. Джейк молча наслаждался их растерянностью. Стиллмен, как потенциальный противник в будущем судебном процессе, наконец взял на себя дальнейшее общение.

– Джейк, мы... э-э-э... просим тебя отозвать рукописное завещание мистера Хаббарда и позволить нам работать с подлинным завещанием.

– Ответ – нет.

– Неудивительно. И что, с твоей точки зрения, мы все должны делать дальше?

– Все просто, Стиллмен. Давайте напишем совместный запрос в суд с просьбой назначить слушания для разрешения ситуации. Судья Этли рассмотрит оба завещания и, поверь мне, сумеет определить правила игры. Я каждый месяц участвую в процессах в этом суде, и у меня нет сомнений относительно того, кому он поручит дело.

– Согласен, – кивнул Льюис Макгвайр. – Я много лет знаю Рубена и полагаю, начинать нужно с него.

– Буду рад все организовать, – ответил Джейк.

– Так ты с ним еще не говорил? – спросил Стиллмен.

– Разумеется, нет. Он ничего не знает. Ты ведь помнишь, что похороны состоялись лишь вчера.

Они заставили себя дружелюбно обмениваться прощальными приветствиями и расстались мирно, хотя все четверо понимали, что отныне находятся в состоянии войны.

Люсьен, босой, сидел на террасе, потягивая нечто, напоминающее лимонад. Это порой случалось, когда его организм и его жизнь оказывались настолько разрушены брагой, что он на недельку-другую освобождал от ее гнета, подвергая себя истязаниям детоксикации.

Терраса опоясывала старый дом, стоящий на холме сразу за границей Клэнтон. От дома открывался вид на простирающийся внизу город с центральной площадью, где возвышалось здание суда под куполообразной крышей. Дом, как и большая часть имущества и обременений Люсьена, достался ему от предков, которых он презирал, но которые, если судить задним числом, сделали большое дело, обеспечив ему благополучную жизнь.

В свои пятьдесят четыре года Люсьен выглядел стариком с серым лицом и пегими усами под стать длинным неопрятным волосам. Виски и сигареты постоянно добавляли пучки морщин его лицу. А слишком много времени, проводимого в неподвижности на террасе, – толщину его талии и мрачность всегда сложному настроению.

Лицензии на адвокатскую деятельность он лишился восемь лет назад и, согласно официальным условиям, теперь мог подать ходатайство о восстановлении в правах. Эту бомбу он раз другой сбрасывал на Джейка, чтобы проверить его реакцию, но тщетно. По крайней мере вида, что испугался, Джейк не подал, хотя в глубине души чудовищно расстраивался при мысли о том, что вновь обретет старшего партнера, которому принадлежит здание и с которым, а тем более под которым, совершенно невозможно работать.

Если Люсьен снова получит право на адвокатскую практику, вернется в свой кабинет, который сейчас занимает Джейк, и примется подавать иски против всех, кто станет ему поперек дороги, защищать педофилов, насильников и убийц, Джейк не продержится и полугода.

– Как поживаете, Люсьен? – спросил Джейк, поднимаясь по ступенькам.

– Прекрасно, Джейк. Всегда рад вас видеть, – ответил трезвый, бодрый, с ясным взглядом Люсьен.

– Вы обещали ленч. Я когда-нибудь отказывался от ленча? – Если позволяла погода, они минимум дважды в месяц ели на террасе.

– Я такого не припомню, – ответил Люсьен, вставая и протягивая гостю руку.

Они обменялись дружеским рукопожатием, похлопали друг друга по плечу, как обычно делают мужчины, когда не хотят обняться, и уселись в старые плетеные белые кресла, которые ни на дюйм не сдвинулись с места с тех пор, как Джейк впервые оказался здесь десять лет назад.

Наконец появилась Салли и дружески поприветствовала Джейка. Он попросил принести чай со льдом, и она медленно удалилась – Салли никогда не спешила. Когда-то ее наняли помощницей по хозяйству, потом «повысили» до медсестры – ухаживать за Люсьеном, когда он выходил из запоя и затихал на две недели. В какой-то момент она поселилась в доме, и по Клэнтону поползли слухи, которые, впрочем, очень скоро замерли, ведь что бы ни вытворил Люсьен Уилбенкс, это уже никого не могло шокировать.

Салли принесла чай со льдом и подлила лимонада Люсьену.

– Бросаете пить? – поинтересовался Джейк, когда она снова удалилась.

– Ни за что. Просто взял тайм-аут. Я хочу прожить еще двадцать лет, так что нужно заботиться о печени. Не хочу умереть, но и не желаю расставаться с «Джеком Дэниелом», поэтому постоянно пребываю между двух огней. Это меня очень нервирует, а волнение, стресс и напряжение можно снять только «Джеком».

– Прошу прощения, что спросил.

– А вы пьете?

– Не то что бы. Иногда банку пива, но мы его в доме не держим. Карла этого, знаете ли, не одобряет.

– Моя вторая жена тоже не одобряла, поэтому продержалась всего один год. Но, надо признать, она была не такая красивая, как Карла.

– Видимо, я должен поблагодарить за комплимент?

– Не за что. Салли готовит овощи, если вы не возражаете.

– Прекрасно.

Существовал негласный перечень тем, которые они обычно затрагивали, причем в такой предсказуемой последовательности, что Джейк не удивился бы, узнав, что он висит где-то у Люсьена на стене. Семья: Карла и Ханна; контора: нынешняя секретарша и выгодные дела, появившиеся после предыдущей встречи; тяжба со страховой компанией; давно тянущееся расследование об участии Клана в поджоге дома Джейка; последняя информация о Маке Стаффорде, стряпчем, который исчез, прихватив деньги клиентов; сплетни о других адвокатах и о судьях; студенческий футбол и, разумеется, погода.

Они пересели за маленький стол в другом конце террасы, на который Салли уже выставила каролинские бобы, овощное пюре, тушеные томаты и хлеб из кукурузной муки. Тарелки были наполнены, и Салли снова удалилась.

После нескольких минут полной тишины Джейк спросил:

– Вы знали Сета Хаббарда?

– Я видел сегодняшние газеты. Печальная история. Встречался с ним раз или два лет пятнадцать назад по поводу какой-то пустячной тяжбы. Никогда не преследовал его по суду, о чем буду всегда жалеть. У него должно было быть имущество. А я старался не пропустить никого, кто располагал солидным имуществом, тем более что таких, как вы знаете, в наших краях чертовски мало. А почему вы спросили?

– Хочу предложить вам загадку.

– А нельзя с этим повременить? Я ем.

– Нет, послушайте. Допустим, у вас имеется некоторое состояние, нет жены, нет детей, родственники – только дальние, и еще у вас есть очаровательная чернокожая домоправительница, которая, судя по всему, немного больше, чем просто домоправительница.

– Это называется совать нос не в свое дело. К чему вы клоните?

– Если бы вы сегодня писали новое завещание, кто получил бы ваше наследство?

– Можете быть уверены – не вы.

– Меня это не удивляет, и могу вас заверить: вы в моем завещании тоже не упомянуты.

– Велика потеря. Кстати, вы не оплатили ренту за прошлый месяц.

– Чек уже отправлен по почте. Так вы можете ответить на мой вопрос?

– Нет. Он мне не нравится.

– Да ладно. Давайте сыграем в эту игру. Ну, побалуйте меня. Если бы вам пришлось писать новое завещание прямо сейчас, кому бы вы все оставили?

Люсьен набил рот хлебом и стал медленно жевать, потом посмотрел вокруг, чтобы убедиться, что никто его не слышит.

– Не ваше дело. Зачем вам знать?

Джейк достал из кармана несколько сложенных бумажек.

– Вот что я получил. Последняя воля и завещание Сета Хаббарда, написанное в прошлую субботу в разгар раздумий о том, что он собирался сделать в воскресенье. Оригинал был доставлен мне в контору в понедельник утром.

Люсьен водрузил очки на переносицу, глотнул еще лимонада и стал читать. Когда перевернул первую страницу, лицо у него расслабилось, и он заулыбался, а к тому времени, когда заканчивал читать, уже вовсю кивал в знак одобрения.

– Это мне нравится. – Люсьен положил бумаги на стол. – Как я понимаю, Летти и есть чернокожая домоправительница?

– Правильно. Вчера я впервые встретился с ней. Вам ее имя о чем-нибудь говорит?

Люсьен задумался. Казалось, о ленче он уже и забыл.

– Я не помню никаких Тейберов. Быть может, знал одного-двух Лэнгов. Бокс-Хилл – незнакомое для меня место в округе, никогда там не бывал.

Он еще раз прочел завещание. Джейк тем временем снова принялся за еду.

– Сколько он стоит? – спросил Люсьен, складывая листки и возвращая их Джейку.

– Двадцать миллионов, плюс-минус, – небрежно ответил Джейк, словно для жителя округа Форд такое крупное состояние не в диковинку. – Он хорошо нажился на мебели и лесе.

– Да уж.

– Теперь это все, во всяком случае, бóльшая часть, переведено в деньги.

Люсьен начал хохотать.

– Как раз то, что нужно городу, – произнес он сквозь смех. – Новенькая черная миллионерша, у которой денег больше, чем у любого белого.

– Она их еще не получила, – напомнил Джейк с неуместной веселостью. – Я только что встречался с адвокатами из конторы Раша, они пообещали войну.

– Кто бы сомневался! А вы разве не воевали бы за такую прорву денег?

– Конечно. Я и за гораздо меньшую сумму воевал бы.

– Я тоже.

– Вы когда-нибудь имели дело с опротестованием завещания?

– А, вот в чем дело. Вам нужен бесплатный юридический совет от адвоката, лишеного лицензии.

– Такие дела довольно редки.

Люсьен отломил кусок хлеба и стал крошить его. Потом покачал головой:

– Нет, никогда. Видите ли, Уилбэнксы боролись за свою землю, за ценные бумаги и депозиты сто лет. Все отвоевывалось в сражениях. Случались кулачные бои, разводы, самоубийства, дуэли, угрозы убийством – назовите что угодно, и выяснится, что в семье Уилбэнксов это было. Но мы всегда умели обходиться без судебных тяжб.

Пришла Салли и наполнила их стаканы. Несколько минут они ели молча. Люсьен смотрел прямо перед собой. Глаза у него блестели, мысли бешено крутились в голове.

– Очень увлекательно, Джейк, не правда ли?

– Очень.

– И каждая из сторон может потребовать суда присяжных, верно?

– Да, закон не менялся. И поскольку ходатайство о рассмотрении дела в суде присяжных должно подаваться до начала всех слушаний, делать это надо быстро. Вот об этом я и прошу вас подумать, Люсьен. Представление наверняка станет сенсацией. Должен ли я разыграть его перед присяжными или лучше положиться на решение судьи Этли?

– А что, если Этли возьмет самоотвод?

– Не возьмет – слишком веселым обещает быть дело. Самое большое состояние, какое он когда-либо видел, битком набитый зал, высокая драма, и если все это будет происходить перед глазами присяжных, Этли станет дрессировщиком в этом цирке и в то же время получит возможность спрятаться за их вердиктом.

– Может, вы и правы.

– Вопрос в том, можно ли доверяться жюри, составленному из жителей округа Форд? Три, максимум четыре черных...

– На процессе Хейли, помнится, все жюри было белым.

– Это не Карл Ли Хейли, Люсьен. Далеко не он. Там была расовая проблема. А здесь – деньги!

– В Миссисипи все – расовая проблема, Джейк, не забывайте. Простая черная женщина имеет шанс унаследовать самое большое состояние, какое когда-либо видели в этом округе, и решение будет зависеть от жюри, состоящего преимущественно из белых. Раса и деньги, Джейк, – редкая комбинация в здешних краях.

– Значит, вы не рискнули бы выйти перед судом присяжных?

– Этого я не сказал. Дайте-ка немного подумать. Мой ценный, хотя и бесплатный для вас, совет требует тщательного осмысления.

– Что ж, это правильно.

– Я мог бы заехать в контору сегодня во второй половине дня. Мне нужна старая книга, которая, вероятно, валяется на чердаке.

– Это ваш дом, – сказал Джейк, отодвигая тарелку.

– И вы запаздываете с арендной платой за него.

– Подайте на меня в суд.

– Я бы с радостью, но что с вас взять? Живете в съемном доме, а машина ваша наездила столько же, сколько моя.

– Видимо, надо было заниматься мебельным бизнесом.

– Да чем угодно, только не юриспруденцией. Мне нравится это дело, Джейк. Я бы не прочь над ним поработать.

– Конечно, Люсьен, – на удивление без заминки ответил Джейк. – Заезжайте сегодня днем, поболтаем. – Он встал и бросил салфетку на стол.

– А кофе?

– Нет, надо бежать. Спасибо за ленч и передайте привет Салли.

11

До пронырливого младшего клерка, корпящего над старыми поземельными книгами в конце вестибюля, дошли сплетни... Их муссировали те, кто собрался возле бачка с питьевой водой. Он тут же отправился делать копии последнего завещания, которому предстояло утверждение в округе Форд. Вернувшись в контору, показал его своим боссам. Было сделано еще несколько копий, и по городу стали рассылаться факсы.

К полудню среды двухстраничное завещание Сета распространилось уже по всему округу. Сначала самой обсуждаемой темой было пожелание Сета бывшим женам «сгинуть в муках», но вскоре все остальное затмили спекуляции по поводу капитала покойного.

Едва покинув отцовский дом, Гершел позвонил своему мемфисскому адвокату, чтобы сообщить прекрасную новость: скоро он унаследует «несколько» миллионов долларов. Предметом беспокойства для него была бывшая жена – у него еще кровоточила рана, нанесенная разводом: не может ли она заявить претензии? Нет, не может, заверил его адвокат и позвонил коллеге из Тьюпело с единственной целью: поделиться новостью. В процессе разговора он упомянул, что Сет Хаббард оставил в наследство «более двадцати миллионов». Адвокат из Тьюпело тут же позвонил нескольким друзьям. Размер наследства начал неудержимо расти.

Как только Йен Дэфо добрался до шоссе Натчез-Трейс и повернул на юг, он поставил круиз-контроль на пятьдесят пять миль и настроился на приятную езду. Движение было слабым, светило солнце, листья начинали менять цвет, некоторые уже облетали от дуновения ветерка.

Хотя жена, как всегда, усложняла жизнь, у него имелась причина улыбаться. Ему удалось спустить на тормозах разговор о разводе, по крайней мере пока. Жена страдала от похмелья, она только что похоронила отца, и вообще нервы у нее ни к черту, к тому же Рамона, даже в хорошем состоянии, слаба в спорах. Он сумел успокоить ее, привести в чувство, полебезил перед ней, пока их проблемы худо-бедно не сгладились, и переключил ее внимание на предстоящее богатство. Совместное. Он заверил, что сможет им разумно распорядиться.

Рамона лежала на заднем сиденье, прикрыв рукой глаза, и пыталась заснуть. Теперь она ничего не говорила, лишь тяжело дышала. Йен то и дело оборачивался, поглядывая на супругу. Когда удостоверился, что она заснула, осторожно набрал со своего нового автомобильного телефона номер офиса.

Стараясь говорить как можно тише, он сообщил своему партнеру Родни только минимум информации: «Старик умер... наследство где-то выше отметки в двадцать миллионов... мебель и лес... совершенно невероятно... понятия не имел... только что своими глазами видел завещание... сорок процентов, за вычетом налогов... неплохо... около года... да не шучу... ладно, остальное потом».

Дав отбой, он продолжил расслабленно вести машину, улыбаясь окружающей листве и предаваясь мечтам о лучшей жизни. Даже если они разведутся, он все равно отхватит свой кусок ее наследства, разве не так? Йен даже подумал сейчас же позвонить своему адвокату, но благоразумно отказался от этой мысли.

Телефонный звонок раздался неожиданно, напугав Йена и разбудив Рамону.

– Алло, – сказал Йен.

– Йен? Привет, – раздался сдавленный мужской голос на другом конце линии. – Это Стиллмен Раш. Мы возвращаемся в Тьюпело. Надеюсь, я ни от чего вас не отвлекаю?

– Нет-нет. Мы едем по Натчез-Трейс, осталось часа два. Мне все равно нечего делать, могу поболтать.

– Да. Так вот... Понимаете, возникли кое-какие осложнения. Не буду ходить вокруг да около, перейду сразу к делу.

В его голосе явно слышалась нервная нотка, и Йен мгновенно понял, что случилось нечто неприятное. Рамона села на заднем сиденье и протерла глаза.

– После нашей утренней встречи нам не удалось открыть завещание мистера Хаббарда, потому что, как выяснилось, уже открыто другое его завещание. Некий клэнтонский адвокат подсуетился вчера до конца дня и зарегистрировал рукописное завещание мистера Хаббарда, предположительно написанное им в прошлую субботу, за день до смерти. Рукописные завещания по-прежнему считаются действительными, если отвечают определенным условиям. Завещание ужасное. По нему семье не достается ничего – Рамона и Гершел исключены из него специальным распоряжением. Вместо этого девяносто процентов всего имущества отписано Летти Лэнг, домохозяйнице.

– Летти?! – От удивления Йен едва удержал руль, вильнув через сплошную разделительную полосу.

– Что случилось? – сердито проворчала Рамона с заднего сиденья.

– Да, Летти Лэнг, – повторил Стиллмен. – Полагаю, он к ней очень хорошо относился.

– Но это же смешно! – резко выкрикнул Йен. Его голос теперь звучал на октаву выше, а в глазах, смотрящих в зеркало заднего вида, горел дикий огонь. – Девяносто процентов?! Вы сказали девяносто?!

– Да, именно так. У меня есть копия завещания, и в нем ясно написано – девяносто процентов.

– Рукописное? Это подделка?

– Пока сказать трудно. Информация предварительная.

– Послушайте, Стиллмен, но этого нельзя допустить.

– Разумеется. Мы были у адвоката, которому поручен процесс утверждения, он не собирается отзываться завещание. Поэтому мы договорились в ближайшее время встретиться с судьей и выработать план действий.

– Выработать план? Что это значит?

– Мы попросим судью отклонить рукописное завещание и открыть для утверждения законное, то, которое вы видели сегодня утром. Если по какой-либо причине он скажет «нет», мы подадим в суд и будем бороться.

– Когда состоится суд? – спросил Йен воинственно, хотя в его голосе явственно слышалась нотка отчаяния, словно он физически ощущал, как наследство ускользает из рук.

– Прямо сейчас не могу вам сказать, но позвоню через несколько дней. Мы все уладим, Йен.

– Да уж, черт возьми, сделайте это, иначе я передам дело в джексонскую фирму Ланье. Это крутые парни, они давно представляют мои интересы. Уж они-то умеют вести тяжбы. Вообще-то я прямо сейчас, как только повешу трубку, позвоню Уэйдю Ланье.

– Йен, в этом нет необходимости, по крайней мере пока. Последнее, что нам нужно на данном этапе, это привлечение других адвокатов. Я позвоню вам через пару дней.

– Уж позвоните, будьте любезны. – Йен швырнул трубку и зыркнул на жену.

– Что происходит, Йен? – спросила та.

Набрав полную грудь воздуха и сделав долгий выдох, он ответил:

– Ты не поверишь...

Гершел сидел за рулем своего маленького «датсуна» и слушал композицию Спрингстина⁵, когда раздался звонок. «Датсун» был припаркован возле дилерского центра «БМВ» в восточном округе Мемфиса. Десятки сверкающих BMW выстроились идеальными рядами вдоль улицы. Он мысленно посмеялся над собой за эту смехотворную остановку, однако оправ-

⁵ Брюс Фредерик Спрингстин – американский рок- и фолк-музыкант, автор песен.

дал ее тем, что собирается лишь поговорить с продавцом – никакого тест-драйва. Во всяком случае, пока. Когда он потянулся к ручке магнитолы, чтобы выключить ее, и раздался звонок.

– Гершел, есть новости, – нервно произнес Стиллмен Раш.

Летти приехала одна. Джейк провел ее вверх по лестнице в свой просторный кабинет, закрыл дверь и указал на уголок, где стояли диван и стулья. Чтобы дать ей почувствовать себя более непринужденно, он снял галстук и налил обоим кофе. Летти объяснила, что Симеон опять в отъезде. О завещании Сета она ему не рассказала, и это его разозлило. Между ними вспыхнула короткая ссора, каждое слово которой, разумеется, было слышно всем в тесном доме, после чего он уехал.

Джейк вручил ей копию завещания Сета. Она прочла его и начала плакать. Он поставил перед ней коробку с бумажными салфетками. Летти вытерла глаза, еще раз прочла завещание, положила его на кофейный столик и долго сидела, закрыв лицо руками. Когда слезы перестали литься из глаз, она промокнула щеки и выпрямилась, будто говоря: шок прошел, я готова к разговору по делу.

– Летти, почему он это сделал? – решительно спросил Джейк.

– Не знаю, клянусь, – ответила она низким осипшим голосом.

– Он обсуждал с вами завещание?

– Нет! Нет! – Она замотала головой.

– Он когда-нибудь вообще упоминал о завещании в разговорах с вами?

Она задумалась, стараясь собраться с мыслями.

– Раза два, может быть, за последние несколько месяцев он упоминал, что собирается оставить мне какую-то малость, но не уточнял, что именно. Конечно, я надеялась, он мне что-нибудь оставит, но ни о чем не спрашивала. Сама я никогда не писала никакого завещания. И мама моя тоже. Да у нас, знаете ли, и оставлять нечего, мистер Брайгенс.

– Пожалуйста, называйте меня Джейк.

– Я постараюсь.

– А его вы называли мистером Хаббардом, мистером Сетом или просто Сетом?

– Когда мы были одни, – ответила она спокойно, без смущения, – я называла его Сетом, потому что он так захотел. Если рядом был кто-то еще, я всегда звала его мистером Сетом или мистером Хаббардом.

– А как он вас называл?

– Летти. Всегда.

Джейк подробно расспросил ее о последних днях Сета, о болезни, лекарствах, врачах, медсестрах, о его аппетите, распорядке дня и ее обязанностях. Она почти ничего не знала о делах Сета, сказала, что все бумаги, хранившиеся в доме, он держал под замком, а в последние месяцы большую их часть перевез в контору.

Сет никогда не говорил с ней или в ее присутствии о своем бизнесе. До болезни и потом, когда чувствовал себя лучше, он много разъезжал, предпочитал не оставаться в городе. Его дом был тихим, безлюдным и не слишком счастливым.

Зачастую Летти приезжала к восьми утра, хотя ей нечего было там делать в последующие восемь часов, особенно если Сета не было в городе. Когда он оставался дома, она делала уборку и готовила еду. После того как Сет заболел и стало ясно, что он умирает, Летти постоянно была рядом с ним. Кормила и, да, мыла его и, если возникала необходимость, убирала за ним. Выдавались порой тяжелые времена, особенно когда он проходил курс химиотерапии. Тогда Сет бывал прикован к постели и настолько слабел, что не мог даже есть самостоятельно.

Джейк тактично объяснил ей, что означает злоупотребление влиянием. Основным аргументом против рукописного завещания в суде будет обвинение Летти в том, что она слишком

привязала Сета к себе и оказывала на него слишком большое влияние, могла манипулировать им и таким образом заставила включить ее в завещание. Чтобы выиграть дело в суде, Летти будет важно доказать, что это не так.

По ходу разговора, когда напряжение стало отпускать ее, Джейк представил, как Летти уже скоро будет давать показания в зале, набитом возбужденными адвокатами, бурно выражающими возмущение, старающимися загнать ее в угол и с пристрастием расспросить о том, что они с мистером Хаббардом делали и чего не делали. Ему уже сейчас было жалко Летти.

Улучив момент, когда она овладела собой, Джейк продолжил:

– Я должен объяснить вам наши с вами взаимоотношения. Я не являюсь вашим адвокатом. Я – адвокат по наследству мистера Хаббарда, и моя задача в этом качестве защищать его завещание и строго исполнять его распоряжения. Мне придется работать вместе с исполнителем завещания, им предположительно будет мистер Эмбург. Мы будем совершать действия, которых требует закон – выявлять потенциальных кредиторов, защищать наследственное имущество, составлять опись всего, чем он владел, и так далее. Если завещание будет опротестовано, а я уверен, что и произойдет, моей обязанностью станет участвовать в судебном процессе и бороться за его утверждение. Я – не ваш адвокат, поскольку вы – бенефициар наряду с его братом Энсилом Хаббардом и его церковью. Тем не менее вы и я – на одной стороне, поскольку мы оба хотим, чтобы завещание было исполнено. Вы это понимаете?

– Думаю, да. А мне нужен адвокат?

– Не особенно, во всяком случае, не на данном этапе. Не нанимайте адвоката до тех пор, пока он вам действительно не понадобится.

Уже скоро стервятники начнут кружить над ней, ими будет полон зал суда. А как же! Попробуйте положить на стол двадцать миллионов и отойти в сторону.

– Вы мне скажете, когда я должна буду это сделать? – наивно спросила она.

– Да, скажу, – ответил Джейк, хотя понятия не имел, как сможет дать ей подобный совет.

Он подлил себе кофе, только сейчас заметив, что Летти к своему не притронулась, и взглянул на часы. Они проговорили уже тридцать минут, а она еще не спросила о размере наследства. Белый и пяти минут не выдержал бы. Временами казалось, Летти впитывает каждое слово, а временами она выглядела так, словно от внезапного потрясения не могла осознать того, что он говорил.

Летти снова заплакала и вытерла слезы салфеткой.

– Вы хотите узнать, сколько вам причитается? – спросил Джейк.

– Думаю, в нужный момент вы мне это сами скажете.

– Я пока не видел финансовых документов, поскольку не был в его конторе, но вскоре побываю там. Однако, по словам мистера Эмбурга, Сет Хаббард недавно продал свою компанию и получил чистыми около двадцати миллионов долларов. Мистер Эмбург считает, что они скорее всего хранятся на счету где-то в банке. Кроме того, есть еще кое-какое имущество, вероятно, недвижимость. Одна из моих обязанностей – выявить все и составить опись для суда и бенефициаров.

– А я – одна из них? Из бенефициаров?

– О да, вы – в первую очередь. Вам причитается девяносто процентов.

– Девяносто процентов от двадцати миллионов?

– Да, может, чуть больше, может, чуть меньше.

– Боже милостивый, Джейк! – Она потянулась за салфеткой и снова расплакалась.

В течение следующего часа им удалось немного продвинуться вперед. В промежутках между срывами Летти на слезы Джейк сумел ознакомить ее с основами правоприменения по наследственным делам: сроками, участниками процесса, судебными процедурами, налогами и,

наконец, передачей права собственности. Однако, чем больше он рассказывал, тем в большее замешательство она приходила.

Джейк догадывался: почти все, что он говорит, вскоре придется повторять. Он смягчил то, что касалось опротестования завещания, и сделал лишь весьма осторожный прогноз относительно того, чем все это может закончиться.

Зная судью Этли и его нелюбовь к зависшим делам и медлительным адвокатам, Джейк считал, что процесс, если допустить, что таковой будет иметь место, состоится не позднее чем через год, а может, и раньше. А учитывая, сколько денег на кону, проигравшая сторона, безусловно, будет апеллировать, поэтому до принятия окончательного решения пройдет еще года два.

Когда Летти начала осознавать, какие испытания предстоят и сколько это может занять времени, ее решимость окрепла и она взяла себя в руки. Дважды поинтересовалась, нельзя ли избежать шумихи.

– Нет, – терпеливо объяснил Джейк, – это невозможно.

Она боялась Симеона с его родственниками-бандитами и спросила, не лучше ли ей уехать куда-нибудь. На этот счет Джейк не мог ей давать никаких советов, но уже предвидел хаос, в который превратится ее жизнь, когда материализуется даже самая дальняя родня и с неба упадут новые друзья.

Два часа спустя она нехотя ушла. Джейк проводил ее до выхода. Уже стоя на пороге, Летти окинула взглядом улицу, потом обернулась и еще раз посмотрела на Джейка, словно предпочла бы остаться там, внутри, с ним, где ей казалось безопаснее. Сначала она была потрясена завещанием, потом ошарашена процедурой вступления в наследство, и теперь Джейк представлялся ей единственным человеком, которому можно доверять. Глаза у нее снова увлажнились, но наконец она ступила на тротуар.

– Это слезы радости, или она до смерти напугана? – спросила Рокси, когда Джейк закрыл дверь.

– И то и другое, полагаю, – ответил он.

– Звонил Дубас Ли. – Рокси помахала розовым стикером. – Он идет по горячему следу.

– О нет!

– Да-да, я не шучу. Сказал, забежит сегодня, чтобы покопаться в грязном белье Сета Хаббарда.

– Что же там грязного? – вздохнул Джейк, принимая стикер у Рокси.

– Для Дубаса все грязное.

Думас (это его настоящее имя) Ли писал для «Форд каунти таймс» и славился тем, что искажал и передергивал факты, при этом ловко увертывался от судебных исков. Его прегрешения, грязноватые и отнюдь не вынужденные, обычно бывали малозначительными, почти безобидными, и никогда не доходили до преднамеренной диффамации.

Он вольно обходился с датами, именами и местами, но никогда никому не создавал серьезных неприятностей. У него было чуткое ухо на уличные сплетни, сверхъестественный нюх на все, что только-только случилось и даже еще не закончилось. И хотя Думас был слишком ленив, чтобы копать глубоко, поднять шумиху умел. Предпочитал освещать судебные процессы главным образом потому, что здание суда располагалось прямо напротив редакции, и большая часть судебных протоколов находилась в открытом доступе.

Думас решительно вошел в юридическую контору Джейка Брайгенса в конце дня в среду, уселся на стул возле стола Рокси и потребовал встречи с адвокатом.

– Я знаю, он здесь, – заявил он с улыбкой убийцы.

Рокси проигнорировала его ужимки. Думас Ли любил женщин и тешил себя иллюзией, будто каждая из них строит ему глазки.

– Он занят, – ответила Рокси.

– Я тоже. – Думас открыл журнал и начал тихонько насвистывать.

– Мистер Брайгенс готов с вами встретиться, – через десять минут сообщила Рокси.

Джейк и Думас были знакомы много лет, и между ними никогда не возникало проблем. Джейк был одним из немногих адвокатов, работающих в конторах вокруг площади, которые никогда не грозили ему судебными исками, и Думас это ценил.

– Расскажите мне о Сете Хаббарде. – Он достал блокнот и ручку.

– Полагаю, вы уже видели завешание, – ответил Джейк.

– У меня есть копия. Она у каждого теперь есть. Сколько он стоит?

– Он ничего не стоит – он мертв.

– Ха-ха. Тогда сколько стоит его наследство?

– В данный момент, Думас, я ничего не могу сказать. Сам знаю очень немного.

– Ладно, тогда давайте конфиденциально.

С Думасом ничто не могло остаться конфиденциальным, и всем адвокатам, судьям и служащим это было известно.

– Я не могу говорить ни конфиденциально, ни не конфиденциально. Я вообще ничего не могу сказать, Думас. Вот так, все просто. Может, позже.

– Когда будет обращение в суд?

– Похороны состоялись только вчера, помните? Нет никакой спешки.

– В самом деле? Никакой спешки? А почему же вы зарегистрировали свое ходатайство через двадцать минут после окончания похорон?

Пойманный и уличенный, Джейк помолчал – вопрос был правомерен.

– Ну ладно, возможно, у меня была причина поторопиться с ходатайством.

– Старинная игра: кто быстрее добежит до суда, так? – предположил Думас с многозначительной ухмылкой, что-то корябая в блокноте.

– Без комментариев.

– Я не могу найти Летти Лэнг. У вас есть идеи, где она может быть?

– Без комментариев. И она в любом случае не станет разговаривать ни с вами, ни с каким-то другим журналистом.

– Это мы еще посмотрим. Я раскопал одного парня в Атланте, он пишет для делового журнала, так вот он сказал, что некая финансовая группа купила холдинговую компанию, принадлежавшую Сету Хаббарду, за пятьдесят пять миллионов. Это было в конце прошлого года. Чуете?

– Без комментариев, Думас. – Джейк удивился, как журналист, известный своей ленью, ловко использует телефон.

– Я не очень силен в бизнесе, но у старика наверняка были долги. Опять без комментариев, да?

Джейк кивнул.

– Но я не могу найти его банк, – настойчиво допытывался журналист. – Чем больше копаю, тем меньше узнаю о вашем клиенте.

– Я никогда не встречался с этим человеком, – заявил Джейк.

Думас записал и это.

– А вы не знаете, были у него долги? Когда я спросил мистера Эмбурга, он словно язык проглотил, а потом и вовсе трубку повесил.

– Без комментариев.

– Значит, если я напишу, что мистер Хаббард продал свою компанию за пятьдесят пять миллионов и не упомяну ни о каких долгах, потому что у меня нет сведений на этот счет, у читателей создастся впечатление, будто его наследство стоит гораздо больше, чем есть на самом деле, так?

Джейк кивнул. Думас понаблюдал за ним, подождал немного, потом что-то записал.

– Итак, главный вопрос, Джейк, состоит в следующем: почему человек, который стоит много миллионов, меняет завещание за день до самоубийства, полностью лишая семью наследства и оставляя все домоправительнице? Я правильно понимаю?

«Правильно, Думас, это главный вопрос», – мысленно согласился с ним Джейк, но ничего не сказал, только снова кивнул.

– А второй вопрос, наверное, такой: что именно увидели Сет и его маленький брат, если впечатление, которое это на них произвело, Сет не забыл и спустя полвека? Так?

– Это действительно очень важный вопрос, – ответил Джейк, – но не уверен, что это – вопрос номер два.

– Согласен. Есть идеи, где теперь может обретаться Энцил Хаббард?

– Никаких.

– Я нашел их дальнего родственника в Тьюпело, который говорит, что семья считала его умершим уже лет двадцать назад.

– У меня пока не было времени заняться поисками Энцила.

– Но вы этим займетесь?

– Да, он – бенефициар согласно завещанию. Моя обязанность найти его, если это возможно, или выяснить, что с ним случилось.

– И как вы собираетесь действовать?

– Понятия не имею. Еще не думал.

– Когда первые слушания в суде?

– Они еще не назначены.

– Попробуйте свою помощницу сообщить мне, когда дата станет известна?

– Да, если слушания не будут закрытыми.

– Ну, это ясно.

Последним посетителем Джейка в тот день стал его арендодатель. Люсьен находился в совещательной комнате на первом этаже, где в кладовке хранилась юридическая литература. Он завалил ею весь стол и полностью погрузился в свой мир.

Джейк вошел, поздоровался. Когда он увидел десятки раскрытых книг, у него от ужаса свело желудок. Пришлось сделать глубокий вдох, чтобы прийти в себя. Он не мог припомнить, когда в последний раз Люсьен углублялся в юридические фолианты. Лицензии его лишили вскоре после того, как Джейк пришел в фирму, и с тех пор Люсьен всегда старался держаться подальше от конторы в частности и от юриспруденции вообще. И вот он вернулся.

– Развлекаетесь чтением? – спросил Джейк, опускаясь в кожаное кресло.

– Просто просматриваю книги по наследственному праву. Никогда особенно не имел с ним дела. Очень скучная материя, если, конечно, речь не идет о таком деле, как это. Не могу решить, требовать вам суда присяжных или нет.

– Я склоняюсь в пользу жюри, но это предварительно.

– Разумеется. – Люсьен закрыл книгу и отодвинул ее. – Вы говорили, что встречаетесь сегодня с Летти Лэнг. Как прошел разговор?

– Прекрасно, Люсьен, но вы не хуже моего знаете, что я не имею права разглашать подробности нашей конфиденциальной встречи.

– Естественно. А она сама вам понравилась?

Джейк помолчал и напомнил себе, что должен проявлять терпение.

– Да, она приятная женщина, но была совершенно потрясена. Впрочем, эта история действительно потрясает, мягко выражаясь.

– Но присяжным она понравится?

– Вы имеете в виду белых присяжных?

– Не знаю. Черных я понимаю гораздо лучше, чем белых. Я не расист, Джейк. Я – один из от силы дюжины белых в этом штате, не ослепленных расизмом. Я был первым и единственным белым членом Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения в здешних краях. Одно время все мои клиенты были черными. Я знаю черных, Джейк, и должен сказать, от черных присяжных в таком деле можно ожидать неприятностей.

– Люсьен, похороны состоялись только вчера. Вам не кажется, что эта беседа немного преждевременна?

– Возможно. Но разговора все равно не избежать. Вам повезло, Джейк, что я на вашей стороне. Так что вам следует мне всячески угодать. Послушайте, множество черных будут завидовать Летти Лэнг, потому что сейчас она – одна из них. Но если получит деньги, станет самым богатым человеком в округе Форд. Тут нет ни одного богатого черного. Это нечто неслыханное для здешних краев. С деньгами она перестанет быть черной. Она будет бесцеремонной и высокомерной по отношению ко всем, особенно к своим. Вы понимаете меня, Джейк?

– До некоторой степени. Но все же я предпочел бы иметь черных в составе жюри. Они будут более благосклонны, чем белая деревенщина, которая едва сводит концы с концами.

– Никакой деревенщины, конечно, тоже не надо.

Джейк рассмеялся:

– Ну, если вы исключите и черных, и деревенщину, кто же тогда будет заседать в вашем идеальном жюри?

– Над этим я работаю. Нравится мне это дело, Джейк. Я после нашей утренней встречи ни о чем другом думать не могу. Оно напоминает мне о том, почему я в свое время так любил юриспруденцию. – Облокотившись на стол, он наклонился к Джейку и произнес почти умоляюще: – Джейк, я хочу участвовать в нем.

– Вы опережаете события, Люсьен. Суд, если он состоится, будет только через несколько месяцев.

– Конечно, я знаю. Но вам понадобится помощь, большая помощь. Я устал, Джейк, мне надоело сидеть на крыльце и пить, мне вообще пора с этим завязывать. Честно вам признаюсь, меня это начинает беспокоить.

«И не зря», – подумал Джейк.

– Я с удовольствием буду держаться поблизости. Мешать не стану. Знаю, многие избегают меня, и понимаю почему. Черт, я бы и сам себя избегал, если бы мог. Но у меня появится дело, которое будет удерживать от выпивки, по крайней мере в дневное время. К тому же я знаю о законах гораздо больше вас. И я очень хочу быть в этом зале суда.

Люсьен предпринимал вторую попытку, и Джейк знал: этим дело не кончится. Зал суда представлял собой большое внушительное помещение с разными «отсеками» и множеством мест для зрителей. Неужели Люсьен хочет сидеть среди них и со стороны наблюдать за представлением? Или он имеет в виду место за столом защиты, среди других адвокатов? В этом случае жизнь Джейка скоро превратится в сплошной кошмар.

Если Люсьен снова пожелает открыть практику, ему придется пройти через мучительную процедуру экзамена на право адвокатской деятельности. Но если Люсьен его выдержит, ему снова дадут лицензию, и это будет означать, что он опять войдет в профессиональную жизнь Джейка.

Образ Люсьена, сидящего за столом защиты в пятнадцати футах от ложи присяжных, повергал в ужас. Для большинства белых он был безумным старым пьяницей, опозорившим некогда уважаемую семью и теперь сожительствовавшим с собственной домоправительницей.

– Посмотрим, – осторожно ответил Джейк.

12

Достопочтенный Рубен В. Этли оправлялся после третьего инфаркта, и ожидалось, что выздоровление будет «полным», если можно чувствовать себя абсолютно здоровым после такого серьезного испытания для сердца.

Он снова набирался сил и терпения, о чем свидетельствовал поток проходящих через него дел. Имелись явные признаки того, что он восстанавливает былую форму. Снова рывкает на адвокатов. Решительно ограничивает пределы длительности заседаний. Укрощает многоречивых свидетелей. Грозит тюрьмой лжесвидетелям. Выгоняет из зала суда участников процесса, позволяющих себе фривольные высказывания. Адвокаты, служащие и даже уборщицы и швейцары перешептывались в коридорах суда: «Он вернулся!»

Рубен Этли уже двадцать лет занимал должность судьи и в последнее время переизбирался каждые четыре года, не имея конкурентов. Он не был ни демократом, ни республиканцем, ни либералом, ни консерватором, ни баптистом, ни католиком, не принимал ни сторону штата, ни сторону «Оле Мисс». Не имел ни любимчиков, ни пристрастий, ни предвзятых мнений о чем-нибудь или о ком-нибудь.

Он имел репутацию судьи настолько открытого, терпимого и непредубежденного, насколько это вообще возможно, учитывая его воспитание и набор генов. Он правил залом твердой рукой, был скор на расправу со сварливыми или неподготовленными адвокатами, но так же быстро приходил на помощь тем, кто боролся честно. Когда требовалось, он проявлял безграничное сострадание, но обладал норовом, которого боялись все адвокаты округа за исключением, быть может, Гарри Рекса Воннера.

Через десять дней после самоубийства Сета Хаббарда судья Этли занял судейское место в главном зале и поздоровался с присутствующими. На взгляд Джейка, он выглядел бодрым, как всегда. То есть нельзя сказать, что совсем здоровым, но соответственно обстоятельствам смотрелся он прекрасно. Он был крупным мужчиной, более шести футов ростом, с довольно объемистым животом, который он прятал под просторной черной мантией.

– Славная компания, – с удовольствием заметил судья, обведя взглядом зал.

В зал набилось столько адвокатов, что всем мест не хватило. Джейк прибыл загодя и застолбил себе место, выложив ходатайство об открытии завещания на стол истца, за которым сидел теперь с Расселом Эмбургом, утром того дня уведолившим Джейка, что он выбывает из игры. Непосредственно за ними, с их стороны, но не входя в их команду, сидела Летти Лэнг. По обе стороны от нее расположились два адвоката, оба черные, оба из Мемфиса.

Накануне Джейк с изумлением узнал, что Летти наняла Букера Систранка, пользующегося скандальной славой «гранатометчика». Его участие грозило сильно осложнить дело. Джейка ошеломило ее решение, он считал его в высшей степени неразумным, безуспешно пытался дозвониться ей и никак не мог оправиться от потрясения.

По другую сторону прохода, за столом опротестовывающих, тесно сгрудилась компания адвокатов в дорогих костюмах. За барьером, на старинных деревянных скамьях теснилась публика, от которой исходил заряд едва сдерживаемого любопытства.

– Прежде чем мы приступим к делу, – начал судья Этли, – хорошо бы всем понять, с чем мы имеем дело и какая задача стоит перед нами сегодня. Мы собрались не для рассмотрения ходатайства, внесенного кем бы то ни было. Это будет позднее. Наша сегодняшняя цель – выработать план, согласно которому будет развиваться дальнейшее действие. Насколько мне известно, мистер Хаббард оставил два завещания. Одно из них, то, которое выдвинули на утверждение вы, мистер Брайгенс, – это рукописное завещание, датированное первым октября текущего года.

Джейк, не вставая, кивнул. Если адвокат обращался к судье Этли или отвечал на его вопрос, ему полагалось вставать. Все знали: упаси его бог отклониться от этого правила. Если он просто кивал, можно было, хоть и с натяжкой, делать это сидя.

– Второе, – продолжил судья, – датировано седьмым сентября прошлого года, хотя это завещание определенно и недвусмысленно отменено в рукописном завещании. Итак, известны ли кому-нибудь из присутствующих другие завещания мистера Хаббарда? Может, он оставил нам еще какой-либо сюрприз?

Судья выдержал паузу в несколько секунд, обвел зал быстрым взглядом своих больших карих глаз. Очки в дешевой массивной оправе сидели на самом кончике его носа.

– Отлично. Я так и думал. – Он перелистал бумаги у себя на столе и сделал какую-то пометку. – Итак, приступим. Давайте познакомимся. Прошу каждого вставать и называть свое имя.

Он указал на Джейка, тот поднялся с места и представиться. Следующим был Рассел Эмбург.

– Вы – исполнитель рукописного завещания? – для порядка уточнил судья Этли.

– Да, сэр, но я предпочел бы сложить с себя эти полномочия.

– У нас еще будет время, чтобы решить этот вопрос позднее. А теперь вы, в светло-сером костюме.

Чернокожий адвокат, который был выше ростом, встал с важным видом и, застегнув верхнюю пуговицу на своем шикарном, сшитом на заказ костюме, сказал:

– Да, ваша честь, меня зовут Букер Систранк, и мы с моим присутствующим здесь коллегой мистером Кендриком Бостом представляем интересы миз Летти Лэнг.

Систранк положил руку на плечо Летти. Бост тоже встал, и они оба, как две башни, возвысились над ней. Ее присутствие на заседании в качестве участницы процесса не предполагалось, во всяком случае, на данном этапе. Она должна была всего лишь составлять часть публики, расположившейся за барьером среди зрителей, но Систранк и Бост решили ясно обозначить ее положение и всем своим видом давали понять, что не потерпят возражений. Будь это полноценное заседание, судья Этли быстро поставил бы на место, но сейчас счел за благо проигнорировать неуместность подобной выходки.

– Боюсь, прежде я не имел чести видеть вас, джентльмены, в своем зале суда, – с подозрением произнес он. – Откуда вы?

– Наша фирма находится в Мемфисе, – ответил Систранк, хотя это всем и так было известно.

В те дни мемфисская пресса расходовала на их фирму больше чернил, чем за предыдущие пять лет. Они вели войну против мемфисского департамента полиции по делам о неоправданном применении насилия и, похоже, одерживали решительные победы одну за другой. Систранк находился на гребне волны своей дурной славы. Он вел себя громогласно, хлестко, постоянно сеял распри и приобрел авторитет в высшей степени эффективного бойца расового фронта даже в городе, где таковых имелось немало.

Джейк знал, что у Симеона в Мемфисе есть родня. Одно влекло за собой другое. Букер Систранк позвонил Джейку и воинственно сообщил, что вступает в дело, а это означало: он и его приспешники будут сурово и пристально следить за работой Джейка и совать свой нос в его дела. По городу уже поползли тревожные слухи о машинах, припаркованных перед домом Летти, и куче стервятников, без дела торчащих на ее террасе.

– В таком случае, насколько я понимаю, у вас есть лицензия на право адвокатской практики в нашем штате? – полувопросительно заметил судья Этли.

– Нет, сэр, на данный момент нет. Но мы свяжемся с местным советом барристеров.

– Это будет весьма благоразумно с вашей стороны, мистер Систранк. Когда вы появитесь в моем зале суда в следующий раз, надеюсь, вы сможете сообщить мне имя адвоката, который будет действовать от вашего имени.

– Да, сэр, – ответил Систранк сдержанно, чтобы не сказать высокомерно.

Они с Бостом сели и вплотную придвинулись к своей дорогостоящей клиентке. Джейк сделал попытку поздороваться с Летти еще до начала слушаний, но адвокаты решительно заслонили женщину от него. Сама она не смотрела ему в глаза.

– А теперь вы. – Судья Этли указал на группу, собравшуюся за столом «протестантов». Стиллмен Раш поспешно вскочил.

– Да, ваша честь, я – Стиллмен Раш из адвокатской фирмы Раша в Тьюпело. Со мной мои коллеги Сэм Ларкин и Льюис Макгвайр.

Последние встали при упоминании своих имен и вежливо поклонились в сторону судейской скамьи. Они судье Этли были знакомы, так что дальнейших представлений не потребовалось.

– Ваша фирма готовила завещание тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года, не так ли?

– Совершенно верно, – ответил Стиллмен с широкой бодрой улыбкой.

– Очень хорошо. Следующий.

Крупный мужчина с круглой лысой головой встал и пророкотал:

– Ваша честь, я – Уэйд Ланье из фирмы Ланье в Джексопе. Мы с моим помощником Лестером Чилкоттом представляем здесь интересы миз Рамоны Дэфо, дочери покойного. Ее муж Йен Дэфо давнишний клиент нашей фирмы и...

– Этого достаточно, мистер Ланье, – рявкнул судья Этли, грубо прервав его. – Добро пожаловать в округ Форд! Я не спрашивал вас о других клиентах вашей фирмы.

Присутствие Уэйда Ланье тоже вызывало тревогу. Джейк знал его только по репутации, но этого было достаточно, чтобы опасаться иметь с ним дело. Крупная фирма, бескомпромиссная тактика, история успеха, достаточная, чтобы внушить владельцам непомерное самомнение, постоянно требующее подпитки.

Судья Этли указал на следующего:

– А вы, сэр?

Мужчина в кричащем спортивном пиджаке поспешно встал и объявил:

– Ваша честь, меня зовут Ди Джек О’Мейли, и я представляю мистера Гершела Хаббарда, сына покойного. Мой клиент живет в Мемфисе, и там же находится моя фирма. Но к следующему заседанию я, безусловно, буду иметь представителя из местного совета барристеров.

– Отличная идея. Следующий.

Втиснувшись позади О’Мейли, сидел тощий молодой человек с крысиным лицом и буйной вьющейся шевелюрой. Он поднялся робко, словно никогда еще не предстал перед судьей, и квакающим голосом произнес:

– Сэр, я Зак Зейтлер, тоже из Мемфиса. Представляю интересы детей Гершела Хаббарда.

Судья кивнул и заметил:

– Значит, внуки тоже наняли адвокатов?

– Да, сэр. Согласно предыдущему завещанию, они являются бенефициарами.

– Понятно. И полагаю, находятся в этом зале?

– Да, сэр.

– Благодарю вас, мистер Зейтлер. Если вам требуется отдельное напоминание, извольте: в следующий раз, пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы привести с собой местного адвоката – одному Богу известно, сколько их еще нам понадобится. Разумеется, если у вас самого нет разрешения практиковать в этом штате.

– Оно у меня есть, ваша честь.

– Очень хорошо. Следующий.

Адвокат, которому не досталось места и поэтому он стоял в углу, прислонившись к балюстраде, огляделся.

– Да, ваша честь, я – Джо Брэдли Хант из джексонской фирмы Скоула и...

– Из какой фирмы?

– Скоула, ваша честь. Скоул, Рамки, Рэтлиф, Бодини и Захариас.

– Простите за вопрос. Продолжайте.

– Мы представляем интересы внуков покойного двух малолетних детей Рамоны и Йена Дэфо.

– Хорошо. Еще кто-нибудь?

Публика, вытягивая шеи, оглядывала зал. Судья Этли быстро провел подсчет.

– Почти дюжина. Я насчитал одиннадцать, но есть основания полагать, что будут еще.

Он пошелестел бумагами и посмотрел на публику. Слева, за спиной у Джейка и Летти, сидели чернокожие, в том числе Симеон, их дети и внуки, несколько теток, двоюродных сестер и братьев, Сайпрес, пастор и множество друзей, старых и новых, которые пришли оказать моральную поддержку Летти, делающей первый шаг в борьбе за то, что по праву принадлежало ей. Справа, через проход, позади скопления адвокатов, изготовившихся опротестовать последнее завещание Сета Хаббарда, собрались белые, включая Йена с Рамоной и их детей, Гершела с двумя детьми, его бывшую жену, хотя та сидела в заднем ряду, как можно дальше от них; группу старых конфедератов, Думаса Ли и еще одного репортера, а также обычное собрание завсегдатаев суда, которые редко пропускают судебные процессы и предварительные слушания.

Помощник шерифа Празер, которого Оззи откомандировал все внимательно выслушать и доложить ему, стоял в дверях. Люсьен Уилбэнкс сидел в заднем ряду вместе с черными, частично скрытый за спиной молодого здоровяка. Они с Этли много лет сходились в зале суда, и Люсьен не хотел привлекать к себе его внимание.

За несколько минут до начала слушаний Джейк попытался вежливо представиться Гершелу и Рамоне, но те вызывающе грубо повернулись к нему спиной. Теперь он, а не их отец, стал для них врагом. А Йен вообще выглядел так, словно готов был наброситься на него с кулаками.

Подростки – дети Рамоны и Йена – явились одетые с шиком, по моде, принятой в дорогих частных школах, и смотрели надменно, как наследники большого богатства. Двое детей Гершела, напротив, выглядели неухоженными и запущенными. Еще несколько дней назад все четверо были слишком заняты, чтобы присутствовать на похоронах любимого деда. Однако теперь их приоритеты резко изменились.

Джейк догадался: адвокаты настояли на присутствии детей, чтобы судья увидел их и заранее прочувствовал ответственность за будущее решение. Пустая трата времени, с точки зрения Джейка, но слишком высоки ставки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.